

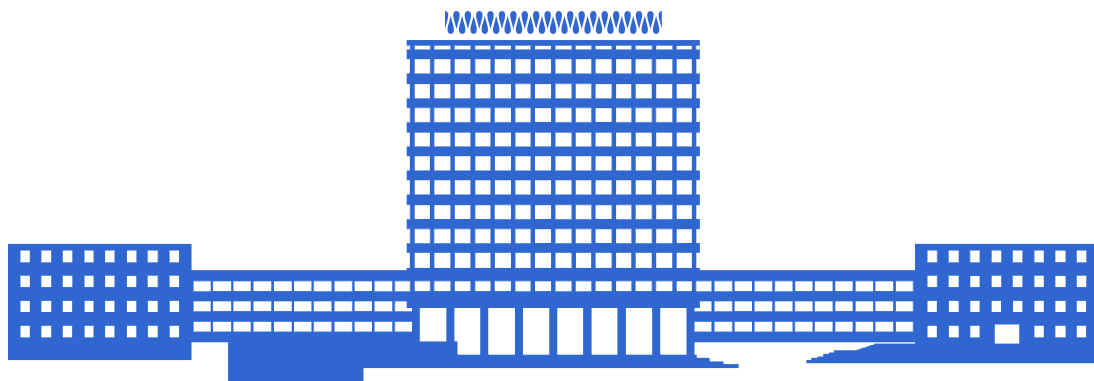
ISSN 2415-8720

ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**STUDIA
GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA**

Том 20 Выпуск 3 (65) 2024

ДОНЕЦК

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica: научный журнал / отв. ред.
В. Д. Калиущенко. – Донецк: ДонГУ, 2024. – Т. 20. – Вып. 3 (65). – 132 с.

*Печатается по решению Учёного совета
федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Донецкий государственный университет»
Протокол № 12 от 5 ноября 2024 г.*

В журнале освещаются актуальные проблемы германистики, романистики, типологической и сопоставительной лингвистики, общей теории языка, теории перевода в высшей школе.

Рекомендуется для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов высших учебных заведений.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук.

Журнал включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ): лицензионный договор № 85-02/2016 от 24.02.2016 г.

Основатель и издатель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет».

Адрес редколлегии: 283001 Донецк, ул. Университетская, 24
тел.: +7 (856) 302 09 22

ISSN 2415-8720

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

Том 20 Выпуск 3 (65) 2024

Редакционная коллегия

д. филол. наук, проф. В. Д. Калиущенко (главный редактор);
д. филол. наук, проф. О. Л. Бессонова (зам. главного редактора);
к. филол. наук, доц. Е. С. Сысоева (ответственный секретарь);
д. филол. наук, проф. А. В. Алфёров; д. филол. наук, проф. Ш. Р. Басыров;
д. филол. наук, доц. Э. С. Ветрова; д. филол. наук, проф. Н. А. Ганина;
д. филол. наук, доц. А. Г. Голодов; д. филол. наук, проф. В. И. Карасик;
д. филол. наук, проф. С. М. Кравцов; д. филол. наук, доц. С. Е. Кремзикова;
д. филол. наук, проф. А. Э. Левицкий; д. филол. наук, проф. А. В. Ленец;
д. филол. наук, проф. С. Г. Николаев; д. филол. наук, доц. Т. Н. Никульшина;
д. филол. наук, проф. М. В. Пименова; д. филол. наук, проф. В. И. Теркулов;
д. филол. наук, проф. З. А. Харитончик; д. филол. наук, доц. Л. Н. Ягупова

Донецк ДонГУ 2024

**FEDERAL STATE EDUCATIONAL INSTITUTION
OF HIGHER EDUCATION «DONETSK STATE UNIVERSITY»
FACULTY OF FOREIGN LANGUAGES**

STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA

LINGUISTIC JOURNAL

Published 4 times a year

Volume 20 Issue 3 (65) 2024

Editorial Board

Doctor of Philology, Prof. V. D. Kaliuščenko (editor-in-chief);

Doctor of Philology, Prof. O. L. Bessonova (vice-editor-in-chief);

Candidate of Philology, Associate Prof. Ye. S. Sysoieva (executive secretary);

Doctor of Philology, Prof. A. V. Alferov; Doctor of Philology, Prof. Sh. R. Basyrov;

Doctor of Philology, Associate Prof. E. S. Vetrova; Doctor of Philology, Prof. N. A. Ganina;

Doctor of Philology, Associate Prof. A. G. Golodov; Doctor of Philology,

Prof. V. I. Karasik; Doctor of Philology, Prof. S. M. Kravtsov; Doctor of Philology,

Associate Prof. S. E. Kremzikova; Doctor of Philology, Prof. A. E. Levitskiy;

Doctor of Philology, Prof. A. V. Lenets; Doctor of Philology, Prof. S. G. Nikolaev;

Doctor of Philology, Associate Prof. T. N. Nikulshina; Doctor of Philology,

Prof. M. V. Pimenova; Doctor of Philology, Prof. V. I. Terkulov; Doctor of Philology,

Prof. Z. A. Kharitonchik; Doctor of Philology, Associate Prof. L. N. Yagupova

Donetsk DonSU 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica T. 20, Вып. 3 (65), 2024

Германские языки

<i>Волкова Е. А.</i> К вопросу о классификации современного англоязычного анекдота.....	5
<i>Головкова А. Д.</i> Идея тайны в «Тристранте» Эйльхарта фон Оберга: лексикологические аспекты.....	16
<i>Голодов А. Г.</i> Вербальный аспект антироссийской пропаганды в западных СМИ в период СВО по освобождению Донбасса (на материале немецкой прессы).....	26
<i>Овсиенко Т. В., Ленец А. В.</i> Национально-культурная специфика слов-реалий в австрийской лингвокультуре (на материале «Wiener Zeitung»).....	40
<i>Slepzova E. V.</i> Die deutschen Entlehnungen in der russischen Sprache.....	53
<i>Трофимова Е. В., Болотова М. С.</i> Антонимичные фразеологизмы в английском языке: семантика и их роль в отображении языковой картины мира.....	61

Типологические и сопоставительные исследования

<i>Гармаш Д. А.</i> Фразеологическая репрезентация понятия «справедливость» в англоязычной и испаноязычной картинах мира.....	71
<i>Дроздов В. А.</i> Фразеологические единицы со значением оценки в карибских креолях на англоязычной основе.....	86
<i>Жерденовская А. В.</i> Особенности метафорической номинации в сфере автомобильной терминологии (на материале английского и русского языков).....	96
<i>Чжан Мо</i> Каузативные глаголы в лексических и морфологических каузативах как особый тип переходных глаголов в русском и китайском языках.....	107

CONTENTS

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica Vol. 20, Issue 3 (65), 2024

Studies in Germanic Languages

<i>Volkova E. A.</i> On Classification of Modern English Jokes.....	5
<i>Golovkova A. D.</i> The Notion of «Secret» in Eilhart von Oberge's Tristrant: Lexicological Aspects.....	16
<i>Golodov A. G.</i> Verbal Aspect of Anti-Russian Propaganda of Western Mass Media in the Period of Special Military Operation Aimed to Liberate Donbass (Based on the Material of German Mass Media).....	26
<i>Ovsienko T. V., Lenets A. V.</i> National-Cultural Specificity of Reality Words in Austrian Linguoculture (Based on the Material of «Wiener Zeitung»).....	40
<i>Sleptsova E. V.</i> German Borrowings in the Russian Language.....	53
<i>Trofimova E. V., Bolotova M. S.</i> Antonymic Phraseological Units in English: Semantics and their Role in Reflecting the Linguistic Picture of the World.....	61

Typological and Contrastive Studies

<i>Garmash D. A.</i> Phraseological Representation of 'Justice' in English and Russian Worldviews.....	71
<i>Drozdov V. A.</i> Phraseological Units with the Meaning of Evaluation in the English-Based Caribbean Creoles.....	86
<i>Zherdenovskaya A. V.</i> Peculiarities of the Metaphoric Nomination in the Sphere of Automobile Terminology (on the Material of the English and Russian Languages).....	96
<i>Zhang Mo</i> Causative Verbal Units in Lexical and Morfological Causatives as a Special Type of Transitive Verbs in Russian and Chinese.....	107

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.111:398.23

© 2024 Е. А. Волкова

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ СОВРЕМЕННОГО АНГЛОЯЗЫЧНОГО АНЕКДОТА

В работе предпринимается попытка классифицировать современные англоязычные анекдоты на основании таких параметров как создание когнитивного диссонанса, тема, семиотические показатели, механизм создания комического. Каждый выделенный тип иллюстрируется англоязычными примерами. Автором также были выделены типы анекдотов, которые не были отнесены ни к одной из категорий, что говорит о необходимости дальнейших исследований. Основная цель статьи – детальный анализ англоязычных анекдотов и изучение их роли как средства общения, развлечения и культурного выражения в современном англоязычном дискурсе.

Ключевые слова: анекдот, классификация, юмор, когнитивный диссонанс, семиотическая модель, тема, комическое.

© 2024 E. A. Volkova

ON CLASSIFICATION OF MODERN ENGLISH JOKES

The paper attempts to classify modern English jokes based on such parameters as cognitive dissonance, topic, semiotic indicators, and the mechanism of creating a comic effect. Each selected type is illustrated with examples found on various English resources. The author also identified the types of jokes that do not belong to any of the categories, which indicates the need for further research. The aim of the article is to carry out a subtle analysis of English jokes and describe their role as a means of communication, entertainment and cultural expression in the English-language discourse.

Key words: joke, classification, humour, cognitive dissonance, semiotic model, topic, comic.

Введение. Изучение юмора представляется актуальным уже довольно продолжительное время. М. М. Бахтин объясняет этот факт ролью шуток в формировании важнейших концептов культуры [Бахтин, 1979]. Действительно, юмор являлся и является важной частью повседневной жизни; с помощью шуток люди могут установить контакт и наладить коммуникацию, получить социальное одобрение, разрешить конфликт (или хотя бы снизить градус эмоционального напряжения) и т. п.

В аспекте лингвистики юмор начал активно изучаться во второй половине XX в., что связано, в первую очередь, с увеличением интереса к когнитивной лингвистике. Исследователи-лингвисты пытаются объяснить глубокие ментальные процессы порождения юмора и его восприятия в сознании человека, а также их соотношение с языковой формой [Уханова, 2019].

Одним из проявлений юмора в коммуникации является анекдот, который в современном мире изучается как с культурологической точки зрения, так и с лингвистической.

Целью данного исследования является классифицирование современных анекдотов с опорой на такие параметры как тема, создание когнитивного диссонанса, двуплановость и способ создания комического эффекта, а также выделение отдельных аспектов, способствующих появлению новых типов.

Достижение поставленной цели предусматривает решение следующих задач:

- 1) обосновать теоретические основы исследования анекдота как языкового явления;
- 2) сформировать корпус англоязычных анекдотов;
- 3) выделить классификационные критерии;
- 4) на основе выделенных критериев осуществить соответствующие классификации англоязычных анекдотов.

Материалы и методы исследования. Материалом исследования послужили анекдоты, отобранные методом сплошной выборки, из англоязычных Интернет-ресурсов.

В работе были использованы общенаучные методы исследования: анализ, синтез, обобщение; а также частные лингвистические методы: описательный, типологический и метод логического сопоставления.

Актуальность исследования анекдота как жанра обусловлена его многогранностью и сложностью определения. Несмотря на то, что анекдот является привычным элементом повседневной коммуникации, его определение и жанровая классификация остаются предметом дискуссий в лингвистике.

Основная часть. Исследуя зарубежную литературу, А. С. Архипова отмечает, что в исследованиях XX в. анекдотом называли короткую нравоучительную историю о выдающихся людях с целью репрезентации героя как представителя определенной социальной общности. Существует также и иное значение, которое рассматривает термин *anecdote* как особый тип нарратива, который рассказывается от третьего или первого лица, родственник легенде, и шутке, поэтому наиболее близким эквивалентом русского *анекдот* считается английский *joke* [Архипова, 2001].

Словарь Оксфорд рассматривает анекдот как короткую забавную или интересную историю о реальных событиях или человеке; эквивалент сплетне, повествующий о ранее неизвестных деталях какой-либо истории [OED, 2024].

В отечественных толковых словарях приведены различные определения анекдота. Рассмотрим некоторые из них. В Словаре русского языка под ред. А. П. Евгеньевой,

анекдот понимается как короткий забавный рассказ о незначительном, но характерном происшествии; комический рассказ из жизни исторического или фольклорного героя; юмористическая гротескная притча; короткий рассказ злободневного бытового или общественного содержания с шутливой окраской [СРЯ, 1999]. Большая Российская Энциклопедия рассматривает анекдот как короткий рассказ об историческом лице или происшествии; жанр городского фольклора; злободневный рассказ-миниатюру с неожиданной концовкой [БРЭ, 2004-2017]. Согласно Толковому словарю живого великорусского языка В. И. Даля, анекдот представляет собой короткий по содержанию и сжатый в изложении рассказ о замечательном или забавном случае [ТСЖВЯ, 2008-2022]. В Современном словаре иностранных слов под ред. Л. П. Крысина анекдот – это небольшой рассказ на злободневную тему с неожиданной острой концовкой [ССИС, 2012].

В. И. Карасик определяет анекдот как устойчивую форму повествования, которая характеризует признаки, отличающие этот тип текстов от смежных. Таким образом, анекдот как жанр относится к разговорному общению, для которого характерно совмещение ситуации темы с ситуацией текущего общения [Карасик, 1997].

Как отмечает Л. А. Тюкина, в современной науке анекдоты рассматриваются с точки зрения отнесения к двум жанрам: литературному и фольклорному. Как литературный жанр, анекдот раскрывает свое происхождение, а его фольклорные черты обуславливают затрудненность отделения формы от темы (т. е. его двойственность) [Тюкина, 2021]. Е. Я. Курганов, подтверждая двойственность анекдота, настаивает на неотъемлемости ее учета при полноценном анализе, потому что анекдоты часто встраиваются в тексты иных жанров, они не статичны, а напротив, подвижны, мобильны, динамичны [Курганов, 1997]. Действительно, анекдот является вполне самостоятельным произведением, поскольку он может быть использован в отрыве от других произведений. Анекдот считается законченным, даже если состоит всего из одного предложения. Однако, анекдот может являться составной частью других жанров, они используются в беседах и разговорах, встречаются внутри повествований, научных работ и выступлений на конференциях. При этом анекдот не меняет и не нарушает структуру того текста, в который он встраивается, но меняет эмоциональную окраску.

Основываясь на том, что юмористический эффект может достигаться при несовпадении контекстов, М. А. Уханова классифицирует англоязычные анекдоты по способу создания когнитивного диссонанса. Автор рассматривает анекдот как злободневный комический рассказ с неожиданной концовкой, которая становится причиной когнитивного диссонанса

у реципиента. Когнитивный диссонанс может возникать на лексическо-синтаксическом, фонетическом и нелингвистическом, надтекстовом уровнях.

Когнитивный диссонанс на лексико-семантическом уровне может достигаться за счет полисемии: *Police arrested a man for stealing torches. The judge gave him a light sentence* [Bored Panda]. Английское слово *light* одновременно может иметь такие значения как *легкий, мягкий (о приговоре)* и *светлый, светящийся*.

Когнитивный диссонанс может также возникать из-за наложения двух лексико-грамматических конструкций: *It hurts me to say this...I have a sore throat* [UpJoke]. Конструкция *it hurts* подразумевает одновременно физическую и эмоциональную боль, хотя оба значения выражаются единой синтаксической структурой.

На фонетическом уровне когнитивный диссонанс является следствием использования омонимов, омофонов, омографов, паронимов: *A man just attacked me with milk, cream and butter. I mean, how dairy* [Pronunciation Studio]; *I'm on a seafood diet. Every time I see food, I eat it* [Pronunciation Studio]. В первом анекдоте комический эффект достигается за счет созвучия *dairy* и *dare he* (в произношении личного местоимения *he* согласный звук может опускаться; такое явление известно как *h-dropping*), во втором – за счет использования омофонов *see* и *sea*.

Анекдоты, вызывающие когнитивный диссонанс на надтекстовом уровне, подразумевают, что их полное понимание возможно только с учетом экстралингвистических факторов: *I just wrote a book on reverse psychology. Don't read it* [David Clean Jokes] [Уханова, 2019]. Для того, чтобы реципиент мог в полной мере осознать смысл анекдота, ему необходимы базовые представления о реверсивной психологии.

Е. Я. и А. Д. Шмелевы говорят о стереотипности анекдота, выражаемой в наличии сюжетов, которые могут быть условно разделены на тематики [Шмелева, 2002]. Таким образом, согласно тематической классификации, мы предлагаем выделять бытовые, политические, профессиональные, абстрактные (абсурдные), литературно-кинематографические, детские, анималистические, философские, национальные и т. д. Разумеется, список можно продолжать бесконечно, поскольку анекдот, как и любой иной жанр фольклора, отражает актуальную действительность.

Примерами бытовых анекдотов могут быть (орфография и пунктуация сохранены):

(1) гендерные (основанные на взаимоотношении мужчин и женщин): *Why do women live longer than men? They don't have to live with women* [Pun and Jokes];

(2) событийные (описывающие какие-либо праздники или традиции): *My family told me to stop telling Thanksgiving jokes, but I said I couldn't quit cold turkey* [Country Living];

(3) анекдоты о еде: *What do you call a sad fruit? A blueberry!* [Parade].

В первом случае юмористический эффект достигается за счет стереотипного мнения о большей эмоциональности женщин, являющейся причиной нестабильного эмоционального состояния и, как следствие, ранней смерти мужчин. Второй пример демонстрирует шутку, посвященную национальному празднику США, понимание которой кроется в верном переводе словосочетания *cold turkey*, означающем 'ломку' после остановки приема наркотических веществ. Комичность третьей шутки также кроется в многозначности: прилагательное *blue* одновременно может переводиться как 'синий' и 'грустный'.

Политические анекдоты посвящены каким-либо крупным социальным, экономическим или политическим событиям: *If con is the opposite of pro, then is Congress the opposite of progress?* [Laugh Factory]. На основе схожести корневых основ слов *con* и *Congress*, а также *pro* и *progress* в анекдоте демонстрируется имплицитное отношение населения к органу государственной власти.

Профессиональные анекдоты затрагивают аспекты какой-либо специальной области. Часто подобные шутки могут быть непонятны непосвященным реципиентам, что делает круг потребителей данного юмора ограниченным: *The best doctor in the world is the veterinarian. He can't ask his patients what is the matter – he's got to just know* [Aims Education].

Абстрактные анекдоты можно также назвать абсурдными, что подразумевает, во-первых, отвлеченность от какой-либо конкретной темы, а во-вторых, могут иметь странные или неожиданные концовки: *My best friend thinks I'm too competitive. I told her I already knew that* [Today].

Литературно-кинематографические анекдоты посвящены различным художественным произведениям, которые могут просто подразумеваться, а могут упоминаться в качестве прямых отсылок: *My wife asked me if I wanted to watch Dr. Strange for movie night, but I said no. I had Stranger Things to watch* [Bored Panda]. Подобная шутка может быть корректно воспринята только при условии, что реципиент знает название и сюжет сериала, упомянутого во втором предложении.

Детские анекдоты рассчитаны на крайне молодую аудиторию. Такие шутки не могут быть резкими, обидными, острыми, а сюжеты часто отсылают к сказкам, мультфильмам и т. д. Темой анималистических анекдотов являются животные, философские анекдоты рассуждают о бытии, а национальные анекдоты строятся на стереотипных суждениях относительно какой-либо нации: *What's the difference between America and Canada? The Americans have really nice neighbors* [Bored Panda].

Е. М. Александрова также добавляет следующие тематические группы: религия, политика, армия, медицина, закон, экономика, наука, любовь, путешествие, вредные привычки, спорт, культура, этнический юмор, животные [Александрова, 2006].

Отметим, что деление анекдотов на основании их тематической направленности условно, потому что профессиональные и национальные анекдоты могут быть политическими, спорт и путешествия могут встречаться в культурных или бытовых категориях и т. п.

В. И. Карасик предлагает классификацию на основе семиотической модели. Знаковое пространство состоит из трех общесемиотических координат: отношение знака к миру (семантика), к интерпретатору (прагматика) и к другим знакам (синтактика). Любое произошедшее событие соотносится с объективным миром (фактами, знаниями, отношениями людей к этим фактам и т. п.), что является семантической координатой. Наличие у говорящего и слушающего общего фонда знаний, установок и ценностей, на которые затем накладывается это событие, отражает прагматику их отношений. А само это событие выражается посредством языковых средств, что составляют синтаксическую сторону. Автор подчеркивает, что различные стороны знака не являются взаимоисключающими, это не компоненты целого, а разные аспекты его рассмотрения.

Следствием двуплановости анекдота с точки зрения семантики является карикатурное изображение предметов (нарушение образов), пространственно-временных координат (высмеивание привычных фактов), взаимных позиций персонажей (высмеивается непонимание партнера), а также обыгрывание двусмысленности или неопределенности ключевого понятия анекдота. Иначе говоря, семантическая двуплановость анекдота имеет денотативное (референциальное) и сигнификативное измерение.

Two windmills are standing on a wind farm. One asks, 'What's your favorite kind of music?' The other replies, 'I'm a big metal fan' [UpJoke].

Прагматическая двуплановость анекдота выражается в оценочных и выводных несоответствиях. Оценочные несоответствия проявляются путем высмеивания какого-либо персонажа, например, принижение его статуса, или шутливое переворачивания общепринятых норм, тогда как выводные несоответствия представляют собой насмешку над стандартной логикой: *Can a kangaroo jump higher than the Empire State Building? Of course! The Empire State Building can't jump* [Parade].

Синтаксическая двуплановость анекдота представляет собой его соотношение с другими типами текстов. Таким образом появляются анекдот-повествование (прототип анекдота), анекдот-загадка, анекдот-афоризм, анекдот-пародия.

Анекдот-повествование может быть представлен как рассказом, так и диалогом, включающими экспозицию, сюжет, кульминацию в полной или свернутой форме: *I can never take my dog to the park because the ducks keep trying to bite him. I guess that's what I get for buying a pure bread dog* [Parade]; *Lawyer: Did you blow your horn or anything? Witness: After the accident? Lawyer: Before the accident. Witness: Sure, I played for ten years. I even went to school for it* [TeluguOne].

Анекдот-загадка, как исходит из названия, предполагает вопрос и ответ, который дает адресат: – *What has one head, one foot and four legs? – A bed* [Ducksters].

Анекдотом-афоризмом называют шутку на стыке анекдота и остроумного авторского высказывания, имеющего глубокий смысл. С формальной точки зрения такие анекдоты построены как философские суждения, дефиниции, классификации: *It's the inside that matters. Like my fridge* [Later].

Структура анекдота-пародии аналогична стандартному тексту, например, объявлению, лозунгу, рецепту, инструкции и т. п.: *Don't give up on your dreams. Keep sleeping* [Grade Calculator by MES] [Карасик, 1997].

А. С. Гавриш и Т. Н. Дементьева в отдельные группы выделяют интернациональные анекдоты. В эту категорию включаются те тексты, которые имеют общую основу, но различаются в деталях. В таких анекдотах имеют место замена имен персонажей, стилистические, грамматические, в том числе синтаксические преобразования, изменение внешней языковой структуры и т. д. Среди таких анекдотов были выявлены аналоги с конкретными персонажами, аналоги с конкретным и абстрактным персонажем, аналоги с абстрактными персонажами, аналоги, имеющие переводной характер. Анекдоты, в которых обнаруживается аналогия конкретных персонажей подразумевают идентичные сюжеты со сменой главного действующего лица, например, полностью заменяются имена политических деятелей, названия организаций и т. д. Аналоги с конкретным и абстрактным персонажем подразумевают, что действующее лицо в одном анекдоте опускается вовсе или трансформируется, например, в организацию в другом. Анекдоты с аналогичными абстрактными персонажами подразумевают отсутствие конкретных действующих лиц в обеих версиях. Анекдоты, имеющие переводной характер, подразумевают, что сюжет реализуется при различных обстоятельствах. Например, на одном языке происходит конференция, а на другом – интервью и т. п. [Гавриш, 2019].

В зависимости от способа создания комического, Ф. Г. Фаткуллина предлагает делить анекдоты на референциальные и лингвистические. Референциальные анекдоты – это те, в которых юмористический эффект достигается посредством нелепости ситуации,

ее несоответствия представлениям реципиента. Под лингвистическими анекдотами понимаются шутки, основанные на языковых явлениях [Фаткуллина, 2014].

Современные анекдоты бытуют и распространяются в сети Интернет, которая обуславливает появление некоторых отличительных черт, и, следовательно, стимулирует появлений новых типов.

Одной из особенностей сетевой коммуникации является интерактивность, т. е. возможность мгновенного и многоканального взаимодействия пользователей с текстом, что послужило достаточным основанием для появления нового типа – списочных анекдотов. М. В. Ахметова утверждает, что такие анекдоты можно считать отдельным жанром сетевой письменности, который существует по фольклорным законам [Ахметова, 2011]. Списочные анекдоты представляют собой списки юмористического характера на заданную тему. Иногда автором такого анекдота является целое сообщество, в этом случае их длина не ограничена, поскольку каждый пользователь дополняет список своими мыслями:

Top 10 Signs that You've been Programming too long...

1) When you are counting objects, you go «0,1,2,3,4,5,6,7,8,9,A,B,C,D...».

2) When asked about a bus schedule, you wonder if it is 16 or 32 bits.

3) When your wife says «If you don't turn off that darn machine and come to bed, then I am going to divorce you!», and you chastise her for omitting the else clause... [Jokes of the Day].

Интернет также повлиял на появление новой формы анекдота, когда уже привычная диалогическая речь предстает в виде скриншота (снимка экрана) из диалога.

Заключение. В ходе исследования было выявлено, что современные англоязычные анекдоты могут классифицироваться 1) в зависимости от уровня возникновения когнитивного диссонанса (лексическо-синтаксический, фонетический и надтекстовый); 2) согласно тематической направленности; 3) на основе семиотической модели, предполагающей семантическую, прагматическую и синтаксическую (анекдот-повествование, анекдот-загадка, анекдот-афоризм, анекдот-пародия) двуплановость; 4) по способу создания комического (референциальные и лингвистические). Отдельно были выявлены интернациональные и списочные анекдоты.

Анекдоты призваны сокращать дистанцию, привносить диалогичность и, соответственно, придавать общению юмористический характер даже в формальной и официальной обстановках. С течением времени анекдоты могут претерпевать изменения в форме и содержании, но они не теряют актуальность. Классификация анекдотов способствует лучшему пониманию механизмов смыслообразования, культурных и экстралингвистических особенностей их реципиентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова Е. М. Перевод анекдота: проблемы адекватности и эквивалентности. Москва, 2006. 24 с.
2. Архипова А. С. Анекдот в зарубежных исследованиях XX века // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. Доступ: <http://www.ruthenia.ru/folklore/arhipova1.htm>. (дата обращения: 18.08.2024).
3. Ахметова М. В. Пространство города и город в пространстве (интернет-тексты «Вы из N, если...») // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 330-358.
4. Бахтин М. М. Проблемы речевых жанров. Москва: Искусство, 1979. 60 с.
5. Гавриш А. С. Интернациональный анекдот: проблемы аналогии // Филологический аспект. 2019. № 10 (54). С. 101-106.
6. Карасик В. И. Анекдот как предмет лингвистического изучения // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1997. Вып. 1. С. 144-153.
7. Курганов Е. Я. Анекдот как жанр. Москва: Академический Проект, 1997. 123 с.
8. Тюкина Л. А. Двуплановость текста анекдота (на материале русско-, немецко- и англоязычного бытового анекдота) // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 3 (26). С. 116-124. Доступ: <http://doi.org/10.20323/2499-9679-2021-3-26-116-124>. (дата обращения: 18.08.2024).
9. Уханова М. А. Почему нам смешно: классификация анекдотов по способу создания когнитивного диссонанса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. № 6 (822). С. 34-44.
10. Фаткуллина Ф. Г. Стилистические фигуры в текстах скрытой рекламы // Стилистика сегодня и завтра. Москва: изд-во МГУ, 2014. Ч. 2. С. 355-358.
11. Шмелева Е. Я. Русский анекдот: Текст и речевой жанр. Москва: Языки славянской культуры, 2002. 144 с.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Большая Российская Энциклопедия. 2004-2017. Доступ: <http://old.bigenc.ru>. (дата обращения: 16.08.2024). [БРЭ].
2. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. РАН, Ин-т лингвистич. исследований. 4-е изд., стер. Москва: Рус. яз. Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. А-Й. 702 с. [СРЯ].
3. Современный словарь иностранных слов / под ред. Л. П. Крысина. Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. 416 с. [ССИС].
4. Толковый словарь живого великорусского языка. 2008-2022. Доступ: <https://slovardalja.net>. (дата обращения: 15.08.2024). [ТСЖВЯ].
5. Oxford English Dictionary. 2024. Доступ: <https://www.oed.com>. (дата обращения: 18.08.2024). [OED].

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Aims Education. Доступ: <https://aimseducation.edu>. (дата обращения: 17.08.2024).
2. Bored Panda. Доступ: <https://www.boredpanda.com>. (дата обращения: 19.08.2024).
3. Country Living. Доступ: <https://www.countryliving.com>. (дата обращения: 17.08.2024).
4. David Clean Jokes. Доступ: <https://davidscleanjokes.com/joke-category/short-jokes>. (дата обращения: 18.08.2024).
5. Ducksters. Доступ: <https://www.ducksters.com>. (дата обращения: 14.08.2024).
6. Grade Calculator by MES. Доступ: <https://gradecalculator.mes.fm>. (дата обращения: 20.08.2024).
7. Jokes of the Day. Доступ: <https://jokesoftheday.net>. (дата обращения: 17.08.2024).
8. Later. Доступ: <https://later.com>. (дата обращения: 09.08.2024).
9. Laugh Factory. Доступ: <https://www.laughfactory.com>. (дата обращения: 14.08.2024).

10. Parade. Доступ: <https://parade.com>. (дата обращения: 20.08.2024).
11. Pronunciation Studio. Доступ: <https://pronunciationstudio.com>. (дата обращения: 16.08.2024).
12. Pun and Jokes. Доступ: <https://punandjokes.com>. (дата обращения: 20.08.2024).
13. TeluguOne. Доступ: <https://www.teluguone.com/comedy>. (дата обращения: 18.08.2024).
14. Today. Доступ: <https://www.today.com>. (дата обращения: 09.08.2024).
15. UpJoke. Доступ: <https://upjoke.com>. (дата обращения: 16.08.2024).

REFERENCES

1. Aleksandrova, E. M. (2006). *Perevod anekdota: problemy adekvatnosti i ekvivalentnosti* [Translation of jokes: problems of adequacy and equivalence]. Moskva. (In Russ.).
2. Arkhipova, A. S. (2001). *Anekdot v zarubezhnykh issledovaniyakh XX veka* [Jokes in foreign studies]. In *Folklor i postfolklor: struktura, tipologiya, semiotika*. Available at: <http://www.ruthenia.ru/folklore/arkhipova1.htm>. (accessed: 18.08.2024). (In Russ.).
3. Akhmetova, M. V. (2011). Prostranstvo goroda i gorod v prostranstve (internet-teksty «Vy iz N, esli... ») [The space of the city and the city in space (Internet texts «You are from N if...»)]. In *Antropologicheskii forum*. No 15. Pp. 330-358. (In Russ.).
4. Bakhtin, M. M. (1979). *Problemy rechevykh zhanrov* [Problems of speech genres]. Moskva: Iskustvo. (In Russ.).
5. Gavrish, A. S. (2019). Internatsionalnyy anekdot: problemy analogii [International anecdote: problems of analogy]. In *Filologicheskii aspekt*. No 10 (54). Pp. 101-106. (In Russ.).
6. Karasik, V. I. (1997). Anekdot kak predmet lingvisticheskogo izucheniya [Anecdote as a subject of linguistic study]. In *Zhanny rechi*. Saratov: Kolledzh. Iss. 1. Pp. 144-153. (In Russ.).
7. Kurganov, E. Ya. (1997). *Anekdot kak zhanr* [Anecdote as a genre]. Moskva: Akademicheskii Proekt. (In Russ.).
8. Tyukina, L. A. (2021). Dvuplanovost teksta anekdota (na materiale rusko-, nemetsko- i angloyazychnogo bytovogo anekdota) [Two-dimensional nature of jokes (based on the material of Russian-, German- and English-language household jokes)]. In *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik*. No 3 (26). Pp. 116-124. Available at: <http://doi.org/10.20323/2499-9679-2021-3-26-116-124>. (accessed: 18.08.2024). (In Russ.).
9. Ukhanova, M. A. (2019). Pochemu nam smeshno: klassifikatsiya anekdotov po sposobu sozdaniya kognitivnogo dissonansa [Why is it funny: classification of jokes according to the method of creating cognitive dissonance]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. No 6 (822). Pp. 34-44. (In Russ.).
10. Fatkullina, F. G. (2014). Stilisticheskie figury v tekstakh skrytoy reklamy [Stylistic figures in texts of hidden advertising]. In *Stilistika segodnya i zavtra*. Moskva: izd-vo MGU. P. 2. Pp. 355-358. (In Russ.).
11. Shmeleva, E. Ya. (2002). *Russkiiy anekdot: Tekst i rechevoy zhanr* [Russian anecdote: text and speech genre]. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. (In Russ.).

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. *Bolshaya Rossiyskaya Entsiklopediya* [Great Russian Encyclopedia]. 2004-2017. Available at: <http://old.bigenc.ru>. (accessed: 16.08.2024). (In Russ.).
2. *Slovar russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]: v 4-kh t. In A. P. Evgeneva (ed.). RAN, In-t lingvisticheskikh issledovaniy. 4-e izd., ster. Moskva: Rus. yaz. Poligrafresursy, 1999. (In Russ.).
3. *Sovremennyy slovar inostrannykh slov* [Modern dictionary of foreign words]. In L. P. Krysinina (ed.). Moskva: AST-PRESS KNIGA, 2012. (In Russ.).

4. *Tolkovyy slovar zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. 2008-2022. Available at: <https://slovardalja.net>. (accessed: 15.08.2024). (In Russ.).

5. *Oxford English Dictionary*. 2024. Available at: <https://www.oed.com>. (accessed: 18.08.2024).

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. *Aims Education*. Available at: <https://aimseducation.edu>. (accessed: 17.08.2024).
2. *Bored Panda*. Available at: <https://www.boredpanda.com>. (accessed: 19.08.2024).
3. *Country Living*. Available at: <https://www.countryliving.com>. (accessed: 17.08.2024).
4. *David Clean Jokes*. Available at: <https://davidscleanjokes.com/joke-category/short-jokes>. (accessed: 18.08.2024).
5. *Ducksters*. Available at: <https://www.ducksters.com>. (accessed: 14.08.2024).
6. *Grade Calculator by MES*. Available at: <https://gradecalculator.mes.fm>. (accessed: 20.08.2024).
7. *Jokes of the Day*. Available at: <https://jokesoftheday.net>. (accessed: 17.08.2024).
8. *Later*. Available at: <https://later.com>. (accessed: 09.08.2024).
9. *Laugh Factory*. Available at: <https://www.laughfactory.com>. (accessed: 14.08.2024).
10. *Parade*. Available at: <https://parade.com>. (accessed: 20.08.2024).
11. *Pronunciation Studio*. Available at: <https://pronunciationstudio.com>. (accessed: 16.08.2024).
12. *Pun and Jokes*. Available at: <https://punandjokes.com>. (accessed: 20.08.2024).
13. *TeluguOne*. Available at: <https://www.teluguone.com/comedy>. (accessed: 18.08.2024).
14. *Today*. Available at: <https://www.today.com>. (accessed: 09.08.2024).
15. *UpJoke*. Available at: <https://upjoke.com>. (accessed: 16.08.2024).

Волкова Евгения Александровна –
преподаватель кафедры английской филологии
и методики преподавания английского языка
(e-mail: evgenia.alexandrovna@inbox.ru),
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Оренбургский государственный
университет»
460018, Оренбург, Победы, 13

Volkova Evgenia A. – Lecturer of the English
Philology and Methods of English Language
Teaching Department
(e-mail: evgenia.alexandrovna@inbox.ru),
Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education «Orenburg State University»
13, Pobedy, Orenburg, 460018

Поступила в редакцию 09 октября 2024 г.

ИДЕЯ ТАЙНЫ В «ТРИСТРАНТЕ» ЭЙЛЬХАРТА ФОН ОБЕРГА: ЛЕКСИКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Статья посвящена лексическим средствам выражения идеи тайны в «Тристранте» Эйльхарта фон Оберга (XIII в.). В работе анализируется этимология и функции лексем, обладающих семантикой тайны, проводится сравнение параллельных мест «Тристранта» и прозаического «Тристана».

Ключевые слова: Эйльхарт фон Оберг, средневерхненемецкий, тайное, лексикология, этимология.

© 2024 A. D. Golovkova

THE NOTION OF «SECRET» IN EILHART VON OBERGE'S TRISTRANT: LEXICOLOGICAL ASPECTS

The article focuses on the lexical means expressing the notion of secret in Eilhart von Oberge's «Tristrant» (the 13th century). The study analyzes etymology and functions of lexemes with the semantics of 'hidden, concealed' and compares parallel passages from «Tristrant» and the prosaic «Tristan».

Key words: Eilhart von Oberge, Middle High German, the hidden, lexicology, etymology.

Легенда о Тристане и Изольде занимает важную роль в литературе западноевропейского Средневековья. Не является исключением и немецкая традиция: наряду с наиболее известным «Тристаном» Готфрида Страсбургского в ней представлены два его продолжения («Тристан» Ульриха фон Тюргейма и «Тристан» Генриха Фрейбергского) и ранненоверхненемецкий прозаический роман о Тристане. Незаслуженно мало внимания уделяется, однако, предшественнику Готфрида – Эйльхарту фон Обергу. Недостаточно изученной остается и тема, которая пронизывает насквозь сюжет о возлюбленных, вынужденных скрывать свою связь от королевского двора – тема тайны. О тайне в Средневековье и ее изображении в литературных памятниках существует много работ (например, [Heiland, 2021; von Moos, 1997; von Moos, 2004; von Moos, 2007; Wenzel, 1997; Wenzel, 1986]). Исследователи затрагивали и вопрос о тайне у Готфрида Страсбургского ([Wenzel, 2005; Zacke, 2021]), идея же сокрытия / утаивания в «Тристранте» Эйльхарта фон Оберга, а в особенности ее лексикологические аспекты, до сих пор находятся в тени.

«Тристрант» Эйльхарта фон Оберга, первая немецкоязычная версия легенды о Тристане и Изольде, считается единственным доведенным до конца изложением легенды в XIII в. На основании содержания романа предполагают, что источником для Эйльхарта могла быть несохранившаяся первая континентальная версия. «Тристрант» Эйльхарта наряду с французским романом Беруля относится к шпильманнско-реалистичной

(эпической) ветви текстов о Тристане, которая в концептуальном плане предшествует представленному в романах Тома и Готфрида Страсбургского куртуазному изложению [Bußmann, 1969: VII-IX]. Сам Эйльхарт не называет своих источников, лишь упоминая в прологе «als ich daz an dem buche vant» [TrEvO, 35] ‘как я это [историю о Тристане] в книге нашел’. Вероятно, поэт опирался в основном на бытовавшие в устной форме версии легенды, которые затем были сложены им в единый текст, и по содержанию практически не отходил от своего источника [Bußmann, 1969: X; Stein, 2001: 27].

В исследовательской традиции приняты две интерпретации «Тристранта». Так, можно рассматривать роман Эйльхарта как новый для его времени сюжет, облаченный, однако, в старую форму как со стилистической, так и с идеологической точки зрения. В таком случае Тристан у Эйльхарта представлен как эпический герой старого типа, а любовный напиток воспринимается как случайность, навлекшая на рыцаря несчастье. С другой стороны, отмечают, что Эйльхарт в большей степени, чем Беруль, ориентировался на придворную культуру и таким образом подготовил почву для Готфрида Страсбургского [Stein, 2001: 160].

Имя Эйльхарта фон Оберга известно из «Тристранта»: автор сам называет себя «von hobergin her eylhart» («Тристрант», Дрезден, Sächsische Landesbibliothek Ms. M 42, 9446). О самом поэте достоверно известно лишь его нижненемецкое происхождение из деревни Оберг между Брауншвейгом и Хильдесхаймом в Нижней Саксонии. Попытка идентифицировать Эйльхарта с упоминаемым между 1189 и 1209 гг. Eilhardus de Oberch, принадлежавшем министеральному роду в Оберге, как отмечают некоторые исследователи, противоречит очевидной связи «Тристранта» с французскими источниками, поскольку, находясь в Саксонии, поэт не мог бы получить к ним доступ [Schröder, Wolff, 1980: 410-411]. Более вероятно, что «Тристрант» был написан на Нижнем Рейне [Bußmann, 1969: X; Schröder, Wolff, 1980: 410-411]. Хельмут де Боор предполагает, что именно там примерно с 1160 по 1170-1175 гг. находился центр ранней придворной эпикки. Эйльхарт наряду с создателем «Трирского Флориса» и Генрихом фон Фельдеке входил в группу ранних нижнерейнских авторов, предшествовавшую поэтам, творившим при дворе Генриха Тюрингенского. Вероятно, Эйльхарт из Нижней Саксонии отправился в ближайшее место, где, как казалось, можно было представить актуальный поэтический материал [de Boor, 1979: 27-29].

У исследователей возникают сомнения и в вопросе датировки «Тристранта». Основным указанием на время создания романа Эйльхарта является очевидная связь «Тристранта» с «Энеидой» Генриха фон Фельдеке, которая проявляется в многочисленных стилистических и языковых соответствиях монологов Изольды и Лавинии [Bußmann, 1969: XII]. Нет однозначного ответа на вопрос, какой из монологов появился первым. Хельмут де Боор

отмечает, что наиболее вероятен вариант, при котором «Тристрант» был написан раньше «Энеиды», и датирует текст Эйльхарта приблизительно 1170 г. [de Boog, 1979: 27-28].

Таким образом, «Тристрант» Эйльхарта фон Оберга относится к раннему куртуазному эпосу. Несмотря на плохую сохранность текста, у исследователей не возникает сомнений в том, что «Тристрант» в дальнейшем был широко известен – в тени Готфрида Страсбургского Эйльхарт окажется лишь в Новое время. На популярность «Тристранта» указывают упоминания у других авторов, как, например, в «Парцифале» Вольфрама фон Эшенбаха. Именно на основе поэмы Эйльхарта были созданы оба продолжения «Тристана» Готфрида Страсбургского, свое отражение он находит и в изобразительном искусстве. Так, вышитые ковры из Винхаузена, посвященные Тристану и Изольде, отражают именно эйльхартовский сюжет [Schröder, Wolff, 1980: 417]. По содержанию близко к «Тристранту» Эйльхарта стоит также прозаический роман о Тристане и Изольде (Hystori von Tristrant und Ysalde), напечатанный в Аугсбурге Антоном Зоргом в 1484 г. и Хансом Шёнспергером в 1498 г. [Schröder, Wolff, 1980: 412].

Перед анализом контекстов, в которых встречаются лексемы, обладающие семантикой 'скрытого, тайного' представляется целесообразным кратко очертить круг наиболее распространенных основ, которыми идея сокрытия / утаивания могла передаваться в языке средневерхненемецких памятников. Еще к индоевропейской основе **kel-*, о/г **hēl-* 'укрывать чем-либо', 'прятать', 'скрывать', восходит одна из наиболее распространенных в средневерхненемецком языке лексем со значением 'скрывать, таить' – свн. *hēln*, нн. *hehlen*, *verhehlen*, ср. дфр. *hela*, да. *helan*, снн. *helen* 'скрывать' [Pokorny, 1959: 553-554; Kluge 1963: 296]. Как показывают данные «Mittelhochdeutsche Begriffsdatenbank», эта основа активно участвует в словообразовании [Mhdbd].

Для основы свн. (ver)berg-, двн. berg-, и.-е. **bhergh-* также еще в индоевропейском восстанавливается значение 'скрывать', 'сохранять', 'беречь'. В древний период лексема, восходящая к и.-е. **bhergh-*, находится почти во всех германских языках: гот. *baírgan* 'прятать', 'оберегать', ди. *bjarga*, да. *beorgan*, двн. *bergan*, дс. *gibergan* 'прятать', 'беречь' и др. [Pokorny, 1959: 145; Kluge, 1963: 66]. Свн. *bergen* в первую очередь имело значение 'беречь', 'укрывать от чужих глаз' [Lexner, 1872-1878: 190; BMZ, 1854-1866: 158b]. Согласно данным «Mittelhochdeutsches Wörterbuch online», свн. *bergen*, впрочем, также могло иметь значение 'прятать кого-либо или что-либо', 'утаивать что-либо', 'покрывать' [Mhdwb].

Еще одна распространенная в языке средневерхненемецких памятников основа со значением 'прятать', 'скрывать' – свн. *tougen*, восходящая к и.-е. **dheu-*, *dheuə-* 'клубиться', 'рассеиваться', 'кружиться'; 'веять, дуть'. Значение 'скрытый, тайный'

развивается у этой основы только в западногерманских языках: двн. *tugot* ‘пестрый’, *tougen* ‘темный’, ‘спрятанный, скрытый’, ‘таинственный’, ‘чудесный’, дс. *dōgalnussi* ‘тайна’, ‘убежище’, ‘укрытие’ да. *dēagol*, *dīegle* ‘тайно’, са. *digol* ‘тайный’, двн. *tougal* ‘темный’, ‘скрытый’, ‘тайный’, да. *dēag* ‘цвет’, *dēagian*, англ. *dye* ‘красить’ [Pokorny, 1959: 261; 265; Schaefer, 2021: 326].

Особое место среди средневерхненемецких лексем, обладающих семантикой тайного и скрытого, занимают прилагательное свн. *heim(e)lich* и его производные. Еще в древневерхненемецком от существительного *heima* ‘место жительства, дом, родина’, было образовано прилагательное *heimlih* ‘домашний, отечественный’, которое уже в средневерхненемецкий период приобрело значение ‘доверительный’, и лишь потом ‘скрытый, тайный’ [Pfeifer, 1993]. Двн. *heima* же восходит к о/г **haima-*, и.-е. **kei-mo-*, **koi-mo-* ‘доверенный’ из и.-е. **kei-* ‘лежать’, ‘быть расположенным’, ‘место жительства’, ср. греч. *κόμη* ‘деревня’, дирл. *sōim*, *sōet* ‘дорогой, близкий’, лит. *šeima* ‘семья, род’, русск. *семья* [Pokorny, 1959: 539; Kluge, 1963: 299]. Отметим, что в средневерхненемецком языке прилагательное *heim(e)lich* и его производные могут передавать как сокрытие / утаивание чего-либо, так и близость / доверительность.

Как «Тристант» Эйльхарта фон Оберга остается в науке на периферии средневерхненемецкой тристановской традиции, так и тема тайного и скрытого в нем на уровне лексики практически не представлена, хотя сюжет романа, как и в более поздних изложениях легенды, построен вокруг любовной связи героев и действий, направленных на ее сокрытие. Так, в тех фрагментах рукописей, которые ближе всего стоят к изначальному тексту и не являются позднейшей переработкой романа Эйльхарта, лексемы, обладающие семантикой ‘тайного’ и ‘скрытого’, встречаются всего лишь несколько раз. Следует, однако, подчеркнуть, что однозначных выводов сделать нельзя, поскольку полный текст, вероятно, для нас навсегда останется тайной. Представляется интересным, однако, рассмотреть эпизоды «Тристанта», где представление о тайне эксплицитно выражено лексическими средствами, а также сравнить их с параллельными местами из прозаического «Тристана».

Один из эпизодов «Тристанта», дошедших до нас во фрагментах рукописей конца XII – начала XIII в., – попытка убийства Брангены. В первую брачную ночь короля Марка и Изольды Тристант подсылает к Марку вместо Изольды Брангену: «*Brangenen br[a]cht er stille / ze b[ette deme cūnin]ge*» [TrEvO, 2836-2837] ‘Брангену привел он тихо / к постели короля’. Хотя Эйльхарт не использует наречие со значением ‘скрыто, тайно’, обходясь лексемой *stille* ‘тихо’, контекст позволяет понять, что речь идет о действии, которое совершается в тайне от других. Так, Брангена оказывается единственной свидетельницей

супружеской измены и потому представляет угрозу положению возлюбленных при дворе. Изольда, опасаясь, что их с Тристрантом тайна может быть раскрыта, подкупает двух бедных рыцарей, чтобы те убили служанку, когда та придет к ручью за водой: «*zuwen] armen riteren siu bot / - daz si ir te[ftin den tot - / <...> / daz si hūtin eines brun[nen, / und suw]er den wolte hollin, / daz sie ime na[men den lib], / <...> / und ir [diu leberen b]rachten*». [TrEvO, 2873-2885] ‘Двух бедных рыцарей она попросила / чтобы они совершили убийство / <...> / чтобы они сторожили у ручья / и кто из него [воды] принести хотел бы, / чтобы у того они отняли жизнь / <...> / и ей печень принесли’. Речь, очевидно, идет о тайном убийстве, однако лексически это никак не выражено.

Отметим, что в «Тристане» Готфрида Страсбургского идея «скрытого, тайного», напротив, широко представлена на уровне лексики. Там, где Эйльхарт не акцентирует внимание на утаивании чего-либо, Готфрид использует лексемы, передающие идею сокрытия. Так, строки, описывающие приказ Изольды об убийстве Брангены, у Готфрида уже содержат наречие *heinlīchen*, которое в этом контексте можно интерпретировать только как ‘тайно’, ‘скрыто’: «*ich sende eine maget mit iu, / die nemet und rītet ir driu / heinlīchen unde balde / eteswar zeinem walde, / <...> / und slahet ir daz houbet abe*» [Tr, 12725-12732] ‘я пошлю девушку с вами, / ее возьмите и скачите вы трое / тайно и скоро / куда-нибудь в лес, / <...> / и отрубите ей голову’.

В прозаическом «Тристане» также нет указания на то, что убийство должно быть совершено в тайне: «*beualch in bey jrem leben. wer mit einem guldin trinckuaß zū dem prunnen kam <...> den solten sy tōdten*» [TrP, 1453-1455] ‘приказала им ценой их жизни того, кто с золотым сосудом к ручью придет, <...> убить’. Следует, однако, рассмотреть подробнее глагол, которым в этом фрагменте передается приказ Изольды. Рнвн. *befehlen* восходит к о/г **felh-* ‘укрывать, покрывать’, расширению индоевропейского корня **pel-*, **pelə-*, **plē-* ‘закрывать, покрывать’, ‘кожа’, ‘мех’, ‘одежда’ с формантом *-k*, ср. гот. *filhan* ‘укрывать’, ‘хоронить’, ди. *fela* ‘прятать’, ‘передавать’, да. *fēolan* ‘прикрепляться к чему-л.’, ‘входить во что-л.’, гот. *fulgins*, ди. *folgenn* ‘спрятанный» [Pokorny, 1959: 803]. Приставочный глагол – двн. *bi-fel(a)han*, свн. *bevelhan* сначала передавал погребение тела в земле и лишь затем приобрел значение ‘доверять’, ‘приказывать’¹ [Kluge, 1963: 59].

Далее по тексту Изольда дает Брангене золотой сосуд и посылает ее принести воды из ручья. Брангена, не подозревающая о готовящемся убийстве, направляется в сад. В тексте прозаического «Тристана» существительное *mord* ‘убийство’ сопровождается

¹ В «Тристане» Готфрида Страсбургского свн. *befelhan* в большинстве случаев употребляется в значении ‘доверять’, ср. «*dō bevalch er mir s'in mīne pflege*» [Tr, 4195] ‘тогда доверил он ее моей заботе»; «*sō bevelhen wir in vieren / unsern vriunt Tristanden*» [Tr, 4898-4979] ‘так доверим мы им четверем / нашего друга Тристана’.

причастием от глагола *verbergen* ‘скрывать’: «*die getrew brangel <...> weiß aber nit den verborgen mord vnd vntreü jrer frawen. noch nicht. dz sy yecz sterben sollt*» [TrP, 1460-1463] ‘Верная Брангена <...> не знает еще, однако, тайного убийства и неверности своей госпожи, что она сейчас умереть должна’. У Эйльхарта же лексема, передающая идею тайны, снова отсутствует: «*[Brangene des] niwt ne liez / des diu cuniginne [sie hiez. / <...> / [in den bo]mgarten siu gieng / und wolde scefffen des br]unnin*» [TrEvO, 2897-2901] ‘Брангена того не заметила, что королева ей приказала, <...> в сад она пошла и хотела из ручья [воды] зачерпнуть’.

Наречие *verholnlîche* ‘скрыто’, ‘тайно’, образованное от основы *heln-*, появляется в строках, рассказывающих о спасении Брангены: «*si dahten, [irslugen si daz wib, / si] ne verwunden iz nimer mere / zir [wertlichen ere. / do] quam ein hunt dar gegan. / der [riter einer irslug i]n san / <...> / und truch si verholnli[che] / zû der cûnigi]nne riche*» [TrEvO, 2964-2972] ‘Они подумали, что если они убьют эту женщину, / они не преодолеют этого никогда / в своей мирской чести. / Тогда прибежала туда собака. / Один из рыцарей убил ее сразу / <...> / и отнес печень тайно / королеве могущественной’. В параллельном месте из ранненовонемецкого прозаического «Тристана» также представлено наречие рнн. *verholenlich* (< свн. *verholnlîche*): «*vnd namen die leber von jm. mit der gieng der ein zû der kûnigin gar verholenlich*» [TrP, 1504-1505] ‘и взяли печень от нее [собаки]. С ней пошел один к королеве в тайне’. Следует отметить, что наречие *verholnlîche*, согласно данным «Mittelhochdeutsches Wörterbuch online», не было употребительным [Mhdwb].

Другой эпизод, где можно было бы ожидать появления обозначений ‘скрытого’ – тайное свидание Тристана и Изольды в саду. Карлик Мелот указывает Марку место встречи возлюбленных и советует ему спрятаться на дереве и наблюдать: «*[ich] sage iu, here, waz ir tûnt, / sprach der gote leide tuwerk, / wir ne han anderes nehein geberc, / wene ir sulint hi uf stigen / und sulit vil stille suwigen!*» [TrEvO, 3464-3468] ‘я скажу вам, господин, что вам делать / сказал богомерзкий карлик / у нас нет никакого другого укрытия, / кроме как вам сюда наверх забраться / и молчать!’. Существительное свн. *ge-berc*, образованное от глагольной основы *berg-*, могло иметь значение ‘способ скрыться’, ‘место, где можно спрятаться’, ‘укрытие’ или даже ‘утаивание’ [Lexher, 1872-1878: 751; BMZ, 1854-1866: 159a]. В рукописи Н, датированной XV в., на этом месте стоит существительное *verbergen*.

Тристан, однако, смог увидеть отражение Марка и Мелота в ручье и потому помедлил идти навстречу Изольде, что позволило ей догадаться о ловушке: «*was ist disim jungelinge, / daz er niwt uf ne stat / noch we ingegin mir niht ne gat? / <...> / ich wene, hi etuswer si bi, / der uns habe gehû*» [TrEvO, 3518-3527] ‘что мешает этому юноше, / что он не встает / и навстречу мне не идет? / <...> / я думаю, тут кто-то рядом есть, / кто нас

сторожит'. В прозаическом «Тристане» в этом контексте действия Тристана два раза описываются наречиями *verholen* и *verholenlich* 'скрыто, тайно': «*her Tristrant <...> wincket jr verholen alls vil er mochte. die künigin gedacht. Ach reycher got was ist disem jüngling <...>. jch weiß nicht was dises ding mainet. noch nicht was in wirret Aber es ist villeichte ettwer hye bey der vnser hût hat. in dem mercket sy dz wincken das her Tristrant verholenlich tet*» [TrP, 1816-1823] 'Господин Тристрант <...> сомневается в ней тайно, так, как он только мог. Королева подумала: «Ах, Всесильный Боже, что этому юноше [мешает] <...>. Я не знаю, что это значит и что ему мешает. Но, наверное, здесь есть кто-то, кто нас сторожит. Так заметила она знак, который Тристан тайно подавал»'.

Следует упомянуть еще одну неупотребительную основу, связанную с идеей тайны, которая встречается в «Тристранте», – свн. *swâsheit*. Так, Изольда, узнав о присутствии Тристана при дворе, отправляется в свои покои: «*an eine swasheit si ginc*» [TrEvO, 7433] 'в тайное место она пошла'. Существительное *swâsheit*, как показывают данные словарей, могло иметь значение 'тайна', 'тайное место', 'доверие' и было образовано от прилагательного *swâs* 'свой', 'принадлежащий кому-то'. Основа *swâs* в средневерхненемецком языке, однако, не была распространенной² [Lexher, 1872-1878: 938; BMZ, 1854-1866: 765b]. В более поздних рукописях Н и D представлена уже другая лексема – свн. *heimlicheit*. Подчеркнем, что в этом случае однозначно можно говорить лишь о значении '(женские) покои', 'место, куда имеют доступ только доверенные', а не 'секрет', 'утаивание', 'тайна'.

Как показывает проведенный анализ, идея тайны в «Тристранте» Эйльхарта фон Оберга ограниченно представлена на уровне лексики. Даже в тех эпизодах, где сюжет, казалось бы, диктует появление лексем, обладающих семантикой 'тайны', они встречаются лишь изредка. Вполне закономерно, что в датированном концом XII в. «Тристранте» употребляются такие лексемы, образованные от старых индоевропейских основ со значением 'скрывать, таить', как, например, свн. *gebers* 'укрытие' или свн. *verholnliche* 'скрыто', 'тайно'. Сопоставление параллельных мест эйльхартовского текста и ранненововерхненемецкого прозаического «Тристана» позволяет заключить, что в более позднем памятнике, несмотря на общее сюжетное сходство, идея тайны существенно чаще эксплицитно выражается при помощи лексических средств. Эти различия можно объяснить жанровой спецификой и источниками материала: «Тристрант» Эйльхарта, основывается на устной традиции и принадлежит к шпильманско-реалистичной ветви изложений легенды о Тристане и Изольде, прозаический «Тристан», напротив, отражает

² Эта основа, впрочем, встречается у Готфрида Страсбургского: «*dâ ganc geswâslîche hin / und vrage, welher under in / Curvenal dâ sî genant*» [Tr, 10697-10699] 'тогда пойди туда тайно / и спроси, который из них / Курвеналом зовется'.

рецепцию не только самого Эйльхарта, но и Готфрида Страсбургского, где старый сюжет легенды переплетается с куртуазной культурой с ее постоянным противопоставлением жестов, совершаемых открыто и обладающих символичностью, и действий, которые должны остаться скрытыми от чужих глаз.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Boor H. de. Geschichte der deutschen Literatur von den Anfängen bis zur Gegenwart: 2 Bde. Bd. 2. München: C, H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1979. 511 S.
2. Bußmann H. Einleitung // Eilhart von Oberg. Tristrant. Synoptischer Druck der ergänzten Fragmente mit der gesamten Parallelüberlieferung. Herausgegeben von Hadumond Bußmann. Tübingen: Max Nimeyer Verlag, 1969. S. VII-LXV.
3. Heiland S. Der verborgene Blick ins Herz. Sehen und Mitleiden im 'Iwein' und 'Armen Heinrich' Hartmanns von Aue // Geheimnis und Verborgenes im Mittelalter. Funktion, Wirkung und Spannungsfelder von okkultem Wissen, verborgenen Räumen und magischen Gegenständen. Berlin / Boston: De Gruyter, 2021. S. 373-392.
4. Moos P. von. «Herzensgeheimnisse» (occulta cordis). Selbstbewahrung und Selbstentblößung im Mittelalter // Schleier und Schwelle. Archäologie der literarischen Kommunikation V. Band 1. Geheimnis und Öffentlichkeit. München: Wilhelm Fink Verlag, 1997. S. 89-109.
5. Moos P. von. Öffentliches und Privates, Gemeinsames und Eigenes. Münster: Lit Verlag, 2007. 485 S.
6. Moos P. von. 'Öffentlich' und 'Privat' im Mittelalter. Zu einem Problem historischer Begriffsbildung. Universitätsverlag Winter GmbH, Heidelberg, 2004. 107 S.
7. Schaefer U. Verborgenes im Altenglischen. Lexikalische Anmerkungen zu einer kognitiven Metapher // Geheimnis und Verborgenes im Mittelalter. Funktion, Wirkung und Spannungsfelder von okkultem Wissen, verborgenen Räumen und magischen Gegenständen. Berlin / Boston: De Gruyter, 2021. S. 321-338.
8. Schröder W., Wolff L. Eilhart von Oberg // Die deutsche Literatur des Mittelalters. Verfasserlexikon: 11 Bde. Berlin, New York: de Gruyter, 1978-2004. Bd. 2. S. 410-418.
9. Stein P. K. Tristan in den Literaturen des europäischen Mittelalters // Peter K. Stein. Tristan-Studien. Stuttgart, Leipzig: Hirzel, 2001. S. 7-319.
10. Wenzel H. Das höfische Geheimnis: Herrschaft, Liebe, Texte // Schleier und Schwelle. Archäologie der literarischen Kommunikation V. Band 1. Geheimnis und Öffentlichkeit. München: Wilhelm Fink Verlag, 1997. S. 53-69.
11. Wenzel H. Öffentlichkeit und Heimlichkeit in Gottfrieds 'Tristan' // Höfische Representation. Symbolische Kommunikation und Literatur im Mittelalter. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2005. S. 60-85.
12. Wenzel H. Ze hove und ze holze – offenlich und tougen. Zur Darstellung und Deutung des Unhöfischen in der höfischen Epik und im Nibelungenlied // Höfische Literatur, Hofgesellschaft, höfische Lebensformen um 1200. Düsseldorf: Droste Verlag, 1986. S. 277-299.
13. Zacke B. Mit dem Blick des Voyers. Die Inszenierung von Heimlichkeit und Intimität im 'Brüsseler Tristan' // Geheimnis und Verborgenes im Mittelalter. Funktion, Wirkung und Spannungsfelder von okkultem Wissen, verborgenen Räumen und magischen Gegenständen. Berlin / Boston: De Gruyter, 2021. S. 410-439.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Benecke G. F., Müller W., Zarncke F. Mittelhochdeutsches Wörterbuch. 3 Bde. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1854-1866. Zugang: http://woerterbuchnetz.de/cgi-bin/WBNetz/wbgui_py?sigle=BMZ. (abgerufen am: 03.10.2024). [BMZ].
2. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 19. Auflage. Bearbeitet von Walther Mitzka. Berlin: Walter de Gruyter & Co, 1963. 917 S.

3. Mittelhochdeutsche Begriffsdatenbank. Zugang: <http://mhdadb.sbg.ac.at:8000>. (abgerufen am: 05.10.2024). [Mhdbd].

4. Mittelhochdeutsches Wörterbuch. Zugang: <http://mhdwb-online.de>. (abgerufen am: 5.10.2024). [Mhdwb].

5. Lexer M. Mittelhochdeutsches Wörterbuch. Bd. I-III. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1872-1878. Zugang: http://woerterbuchnetz.de/cgi-bin/WBNetz/wbgui_py?sigle=Lexer. (abgerufen am: 03.10.2024).

6. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd I-II. Bern, München: A. Francke AG Verlag, 1959.

7. Pfeifer W. et al. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen (1993), digitalisierte und von Wolfgang Pfeifer überarbeitete Version im Digitalen Wörterbuch der deutschen Sprache. Zugang: <https://www.dwds.de/d/wb-etymwb>. (abgerufen am: 06.10.2024). [Pfeifer].

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Eilhart von Oberg. Tristrant. Synoptischer Druck der ergänzten Fragmente mit der gesamten Parallelüberlieferung. Herausgegeben von Hadumond Bußmann. Tübingen: Max Nimeyer Verlag, 1969. [TrEvO].

2. Gottfried von Strassburg. Tristan und Isold. Herausgegeben von Walter Haug und Manfred Günter Scholz. Mit dem Text des Thomas, herausgegeben, übersetzt und kommentiert von Walter Haug. Bd. I / II. Berlin: Deutscher Klassiker Verlag, 2011. [Tr].

3. Tristrant und Isalde. Prosaroman. Herausgegeben von Alois Brandstetter. Tübingen: Max Nimeyer Verlag, 1966. [TrP].

REFERENCES

1. Boor, H. de (1979). *Geschichte der deutschen Literatur von den Anfängen bis zur Gegenwart*. München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung. Bd. 2.

2. Bußmann, H. (1969). *Eilhart von Oberg. Tristrant. Synoptischer Druck der ergänzten Fragmente mit der gesamten Parallelüberlieferung*. Einleitung. In H. Bußmann (Hrsg.) Tübingen: Max Nimeyer Verlag. S. VII-LXV.

3. Heiland, S. (2021). Der verborgene Blick ins Herz. Sehen und Mitleiden im 'Iwein' und 'Armen Heinrich' Hartmanns von Aue. In S. Conermann, H. Wolter-von dem Knesebeck, M. Quiring (Hrsg.) *Geheimnis und Verborgenes im Mittelalter. Funktion, Wirkung und Spannungsfelder von okkultem Wissen, verborgenen Räumen und magischen Gegenständen*. Berlin / Boston: De Gruyter. S. 373-392.

4. Moos, P. von (1997). «Herzenseheimnisse» (occulta cordis). Selbstbewahrung und Selbstentblößung im Mittelalter. In A. Assmann, J. Assmann (Hrsg.) *Schleier und Schwelle. Archäologie der literarischen Kommunikation V. Band 1. Geheimnis und Öffentlichkeit*. München: Wilhelm Fink Verlag. S. 89-109.

5. Moos, P. von (2007). *Öffentliches und Privates, Gemeinsames und Eigenes*. Münster: Lit Verlag.

6. Moos, P. von (2004). *'Öffentlich' und 'Privat' im Mittelalter. Zu einem Problem historischer Begriffsbildung*. Heidelberg: Universitätsverlag Winter GmbH.

7. Schaefer, U. (2021). Verborgenes im Altenglischen. Lexikalische Anmerkungen zu einer kognitiven Metapher. In S. Conermann, H. Wolter-von dem Knesebeck, M. Quiring (Hrsg.) *Geheimnis und Verborgenes im Mittelalter. Funktion, Wirkung und Spannungsfelder von okkultem Wissen, verborgenen Räumen und magischen Gegenständen*. Berlin / Boston: De Gruyter. S. 321-338.

8. Schröder, W., Wolff, L. (1980). Eilhart von Oberg. In K. Ruh u.a. (Hrsg.) *Die deutsche Literatur des Mittelalters. Verfasserlexikon*. Berlin, New York: de Gruyter. Bd. 2. S. 410-418.

9. Stein, P. K. (2001). Tristan in den Literaturen des europäischen Mittelalters. In I. Bennewitz (Hrsg.) *Peter K. Stein. Tristan-Studien*. Stuttgart, Leipzig: Hirzel. S. 7-319.

10. Wenzel, H. (1997). Das höfische Geheimnis: Herrschaft, Liebe, Texte. In A. Assmann, J. Assmann (Hrsg.) *Schleier und Schwelle. Archäologie der literarischen Kommunikation V. Band 1. Geheimnis und Öffentlichkeit*. München: Wilhelm Fink Verlag. S. 53-69.
11. Wenzel, H. (2005). Öffentlichkeit und Heimlichkeit in Gottfrieds 'Tristan'. In *Höfische Representation. Symbolische Kommunikation und Literatur im Mittelalter*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. S. 60-85.
12. Wenzel, H. (1986). Ze hove und ze holze – offenlich und tougen. Zur Darstellung und Deutung des Unhöfischen in der höfischen Epik und im Nibelungenlied. In *Höfische Literatur, Hofgesellschaft, höfische Lebensformen um 1200*. Düsseldorf: Droste Verlag. S. 277-299.
13. Zacke, B. (2021). Mit dem Blick des Voyers. Die Inszenierung von Heimlichkeit und Intimität im 'Brüsseler Tristan'. In S. Conermann, H. Wolter-von dem Knesebeck, M. Quiering (Hrsg.) *Geheimnis und Verborgenes im Mittelalter. Funktion, Wirkung und Spannungsfelder von okkultem Wissen, verborgenen Räumen und magischen Gegenständen*. Berlin / Boston: De Gruyter. S. 410-439.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. Benecke, G. F., Müller, W., Zarncke, F. (1854-1866). *Mittelhochdeutsches Wörterbuch*. 3 Bde. Leipzig: Verlag von S. Hirzel. Zugang: http://woerterbuchnetz.de/cgi-bin/WBNetz/wbgui_py?sigle=BMZ. (abgerufen am: 03.10.2024). [BMZ].
2. Kluge, F. (1963). *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. 19. Auflage. Bearbeitet von Walther Mitzka. Berlin: Walter de Gruyter & Co.
3. *Mittelhochdeutsche Begriffsdatenbank*. Zugang: <http://mhdhdb.sbg.ac.at:8000>. (abgerufen am: 05.10.2024). [Mhdhdb].
8. *Mittelhochdeutsches Wörterbuch*. Zugang: <http://mhdwb-online.de>. (abgerufen am: 5.10.2024). [Mhdwb].
9. Lexer, M. (1872-1878). *Mittelhochdeutsches Wörterbuch*. Bd. I-III. Leipzig: Verlag von S. Hirzel. Zugang: http://woerterbuchnetz.de/cgi-bin/WBNetz/wbgui_py?sigle=Lexer. (abgerufen am: 03.10.2024).
10. Pokorny, J. (1959). *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bd I-II. Bern, München: A. Francke AG Verlag.
11. Pfeifer, W. et al. (1003). *Etymologisches Wörterbuch des Deutschen, digitalisierte und von Wolfgang Pfeifer überarbeitete Version im Digitalen Wörterbuch der deutschen Sprache*. Zugang: <https://www.dwds.de/d/wb-etymwb>. (abgerufen am: 06.10.2024). [Pfeifer].

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Eilhart von Oberg. *Tristrant*. Synoptischer Druck der ergänzten Fragmente mit der gesamten Parallelüberlieferung. Herausgegeben von Hadumond Bußmann. Tübingen: Max Nimeyer Verlag, 1969. [TrEvO].
2. Gottfried von Strassburg. *Tristan und Isold*. Herausgegeben von Walter Haug und Manfred Günter Scholz. Mit dem Text des Thomas, herausgegeben, übersetzt und kommentiert von Walter Haug. Bd. I / II. Berlin: Deutscher Klassiker Verlag, 2011. [Tr].
3. *Tristrant und Isalde*. Prosaroman. Herausgegeben von Alois Brandstetter. Tübingen: Max Nimeyer Verlag, 1966. [TrP].

Головкова Александра Добрынична – аспирант кафедры германской и кельтской филологии (e-mail: golovkovaad1609@gmail.com), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1/51

Golovkova Aleksandra D. – Postgraduate Student of Germanic and Celtic Philology Department (e-mail: golovkovaad1609@gmail.com), Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Lomonosov Moscow State University» 1/51, Leninskie Gory, Moscow, 119991

Поступила в редакцию 18 октября 2024 г.

УДК 811.112 (05)

© 2024 А. Г. Голодов

ВЕРБАЛЬНЫЙ АСПЕКТ АНТИРОССИЙСКОЙ ПРОПАГАНДЫ В ЗАПАДНЫХ СМИ В ПЕРИОД СВО ПО ОСВОБОЖДЕНИЮ ДОНБАССА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЙ ПРЕССЫ)

В статье исследуется комплекс различных языковых средств, используемых ведущими немецкими СМИ в информационной войне против России. В отличие от непосредственной манипуляции фактами, вербальная манипуляция не носит столь ярко выраженного прямолинейного характера. Она вторична, поскольку не подменяет сами факты, а за счёт искажённого описания меняет их оценочную характеристику. Атака на Россию в западных СМИ часто реализуется с использованием различных диффамирующих вербальных технологий.

Ключевые слова: информационная война, антироссийская пропаганда, вербальный аспект, немецкие СМИ, специальная военная операция.

© 2024 A. G. Golodov

VERBAL ASPECT OF ANTI-RUSSIAN PROPAGANDA OF WESTERN MASS MEDIA IN THE PERIOD OF SPECIAL MILITARY OPERATION AIMED TO LIBERATE DONBASS (BASED ON THE MATERIAL OF GERMAN MASS MEDIA)

The paper studies the complex application of various linguistic means used by leading German mass media in information war against Russia. Verbal manipulation unlike immediate facts manipulation is not so vividly and openly obvious. It is of secondary character because though it does not change the facts as they are, it changes their evaluation due to false description. Western mass media often attack Russia by means of different defaming verbal technologies.

Key words: information war, Anti-Russian propaganda technologies, verbal aspect, German mass media, Special military operation.

Информационная война использует в первую очередь различные пропагандистские технологии в подконтрольных СМИ. «В ФРГ практически весь медийный ландшафт работает в режиме пропаганды информационной войны» [Голодов, 2019: 5].

Известный немецкий оппозиционный журналист и писатель Удо Ульфкотте (1960-2017) ещё в 2014 году писал об образе России в западных СМИ следующее: «Мы, граждане, платим теперь за манипуляцию ведущих средств массовой информации высокую цену (hohen finanziellen Preis) не только в денежном выражении, но и большой кровью (der Blutzoll ist verheerend). Так, наши ведущие средства массовой информации имеют чёткий образ врага – Россия. Злой русский, хороший американец, такова господствующая точка зрения. Это часть психологического ведения войны. Раньше войны велись солдатами, сегодня прежде всего – средствами массовой информации. Многие

люди распознали транспортированный в их мозги образ врага. Редакции когда-то авторитетных газет, как FAZ, получают теперь регулярно по имеющимся данным такие комментарии как «подстрекательская пресса» и «отвратительные поджигатели войны» [Ulfkotte, 2014: 20].

Наступление на пропагандистском фронте осуществляется одновременно по двум главным направлениям:

1) на фактологическом – манипуляция фактами [Grosz, 2024: 76]. Британский журналист Джон Пильгер выделяет при этом два основных способа манипуляции (дезинформации) в политической публицистике: а) искажение фактов, т. е. явную ложь; б) опущение (замалчивание) определённых фактов. Он так описывает информационную политику блока в войне против Сербии: «Оно (НАТО – А. Г.) дезинформирует очень успешно. Бывший пресс-секретарь НАТО Джейми Шиа рассказывает каждый вечер в Брюсселе небылицы. А когда он не лжёт, он опускает факты» [цит. по: Ulfkotte, 2001: 211].

Однако дезинформация может осуществляться также и более изощрённо:

2) за счёт комплексного использования различных языковых средств. В отличие от непосредственной манипуляции фактами, «вербальная манипуляция не носит столь ярко выраженного прямолинейного характера, поскольку она как бы вторична, т. е. не подменяет сами факты, а за счёт искажённого описания меняет их оценочную характеристику» [Голодов, 2015: 7]. Как пишет У. Ульфкотте, «... манипуляция формированием мнения начинается с тенденциозного применения языка» [Ulfkotte, 2014: 18].

Традиционно понятие «языковая манипуляция» связывается исключительно с тоталитарными режимами. Однако события последних десятилетий доказывают, что интенсивное манипулирование общественным мнением с помощью вербальных средств происходит также и в странах, которые традиционно считаются «оплотом западной демократии» [Sergijenko, 2020: 134].

В репортажах НАТО о войне в Косово (1999 г.) были учтены «американские ошибки», допущенные во время вьетнамской войны. «С точки зрения сегодняшних доктрин НАТО, репортёрам тогда «предоставили слишком много свободы и не было никаких ограничений для радио, прессы и телевидения» («Damals, so die heutige NATO-Doktrin, hatte man den Berichterstatlern zuviel Freiheit gegeben, gab es doch keinerlei Beschränkungen für Radio, Presse und Fernsehen») [Ulfkotte, 2001: 213].

Специалист по средствам массовой информации У. Крюгер проанализировал в своей работе «Meinungsmacht. Der Einfluss von Eliten auf Leitmedien und Alpha-Journalisten – eine kritische Netzwerkanalyse» [Krüger, 2013b] репортажи топовых немецких журналистов.

Он установил, что ведущие СМИ в отношении таких тем, как война, не только поддерживают линию политических элит, но и маргинализируют противоположные мнения: «Schreiben Deutschlands Alpha-Journalisten einseitig, weil sie sich mit der politischen Elite gemein machen? Eine Studie behauptet jetzt: ja» [Krüger, 2013a].

С момента начала СВО в 2022 г. западная пресса скатилась в откровенную русофобию, которая характеризуется также и моментами дикой «лексической ярости». Причём это относится не только к таблоидам, типа «BILD», но и т. н. «серьёзной прессе»: «FAZ», «SDZ», «Die Welt», «Der Spiegel».

«Обслуживающие интересы евроатлантической элиты западные СМИ (в нашем случае популярный немецкий таблоид «BILD») намеренно наносят *точечный удар* по государству Россия, используя для этого антропоним *Putin* в качестве дискредитирующего ярлыка, т. е. употребляя антропоним *Putin*, имеют в виду топоним *Russland*.

Евроатлантическую элиту явно не устраивает Россия, которая медленно и постепенно выходит из-под западного влияния и не желает безоговорочно признавать пресловутые универсальные, т. е. «общечеловеческие» (имеются в виду диктуемые Западом) ценности, что доказывают и опросы российского общественного мнения» [Голодов, 2021: 6].

Атака на Россию в соответствующих СМИ реализуется с использованием самых разных медийных вербальных технологий, в первую очередь речь идёт о диффамации соответствующего политика или явления с помощью применения диффамирующей лексики – ярлыков.

Технология 1

Диффамирующие ярлыки для антропонима «Путин»

«Западные элиты понимают, что бить в одну точку (в данном случае, это президент России) гораздо эффективнее [Menath, 2022: 33], чем распыляться на весь большой корпус (т. е. на державу Россия). Поэтому атака на Россию в целом часто осуществляется точно, через демонизацию президента Путина с использованием *политической стигматизации*. «Термин *политическая стигматизация* мы трактуем как навешивание диффамирующего (дискредитирующего) ярлыка на неудобного политика для создания негативного стереотипа в общественном сознании. При этом уровень доказательной базы (или её полное отсутствие) не играет решающей роли» [Голодов, 2021: 6].

«Сравнение с Гитлером является при этом как любимым, так и эффективным средством для достижения цели – с преступниками такого калибра разговаривать и тем

более вести переговоры было бы... предательством ценностей, за которые выступает Запад» (Der Vergleich mit Hitler ist dabei ein ebenso beliebtes wie effizientes Mittel zum Zweck – mit Verbrechern dieses Kalibers zu reden, geschweige denn mit ihnen zu verhandeln, wäre Appeasement, ein Verrat an den Werten, für die der Westen steht) [Lüders, 2016: 8].

Кроме уже привычных с 2014 года сравнений с Гитлером и относительно нейтральных частотных ярлыков *Kreml-Zar* и *Kreml-Chef* [Голодов, 2020: 92] с начала СВО (2022 г.) малочастотный до 2022 г. ярлык *Kriegs-Treiber* [Голодов, 2020: 93] стал по настоящему частотным. Кроме того, приобрели популярность два ещё более жёстких: *Kriegs-Verbrecher* и *Massen-Mörder*.

По уровню экспрессивно-негативной оценочности (степени диффамации) их можно подразделить (по нарастанию) на три ступени: **1. *Kriegs-Treiber* → 2. *Kriegs-Verbrecher* → 3. *Massen-Mörder***. Самым частотным ярлыком из вышеприведённых, применяемым СМИ для диффамации России с использованием технологии стигматизации, стал композит *Kriegsverbrecher* ‘военный преступник’ (по отношению к президенту В. Путину):

Пример 1

«Lieber Gerhard Schröder, Hafermilch und Haferflocken gibt's als Frühstück an ihrem Achtzigsten ... Seine fünfte Frau, die Koreanerin Kim, hat ihn auf Diät gesetzt. Politisch leider nicht. Der *Kriegsverbrecher Putin* bleibt sein Freund ... Was für Schröderchen sind Sie geworden ...» [BILD, 4.04.2024, S. 2] ‘Дорогой Герхард Шрёдер, на завтрак в день вашего восьмидесятилетия – овсянка с молоком и овсяные хлопья ... Его пятая жена, кореянка Ким, посадила его на диету. К сожалению, не на политическую. Военный преступник Путин остаётся его другом ... Что за «Шрёдерчиком» Вы стали ...’.

Пример 2

«Was ich Schröder wünsche»

In der Nacht, als Gerhard Schröder 80 wurde, bin ich von Drohnen über unserem Haus in Charkiw in der Ostukraine aufgewacht. Sie trafen ein Wohnhaus ganz in der Nähe. Jeden Tag sterben hier Zivilisten durch Putins Raketen, Bomben und Drohnen.

Schröder, der sich weiter als Freund von Putin sieht, schein das nicht zu berühren... Ich bin sicherlich sehr emotional, weil ich seit 2014 aus der Ukraine berichte, aber ich habe keinerlei Verständnis für alle *Schröder-Verharmloser* und diejenigen, die ihm heute mit «lieber Gerd» gratulieren und auf seine Lebensleistung verweisen, die ja (außer der Freundschaft zu einem *Massenmörder*) doch sehr bemerkenswert sei... Ich wünsche ihm, dass er einmal selbst in Charkiw erleben könnte, wie sein Freund Putin hemmungslos mordet...» [BILD, 8.04.2024, S. 2] ‘Что я желаю Шрёдеру. Ночью, когда Герхарду Шрёдеру исполнилось 80, меня разбудили

дроны над нашим домом в Харькове на Восточной Украине. Они попали в жилой дом в непосредственной близости. Шрёдера, который продолжает считать себя другом Путина, это кажется не трогает ... Я ужасно эмоционален. Потому что я с 2014 веду репортажи из Украины, но у меня нет никакого понимания по отношению ко всем пытающимся частично оправдать Шрёдера и тех, которые сегодня поздравляют «дорогого Герда и обращают внимание на его жизненные достижения, которые за исключением его дружбы с серийным убийцей) тем не менее очень значительны ... Я ему желаю, чтобы он однажды сам мог пережить в Харькове, как его друг Путин беззастенчиво убивает ...».

Это фрагмент статьи главного русофоба таблоида БИЛЬД (и одного из ведущих в Европе) Пауля Ронцхаймера (**Paul Ronzheimer**), заместителя главного редактора БИЛЬДа, который ещё в 2014 г. «прославился» своими лживыми репортажами о ситуации в Донбассе, которую он описывал, находясь исключительно на стороне Украины.

Несколько реже встречается более мягкий вариант антропологической диффамации *Kriegs-Treiber* (поджигатель войны): **«Was macht einem einst mächtigsten Banker der Welt heute Angst?**

Allen voran: *Kriegstreiber* Putin und seine Atomwaffen! Ackermann: “Wir müssen alles daran setzen, dass Russland nicht gewinnt. Weil sonst die Gefahr besteht, dass er auch andere Länder angreift: Polen, das Baltikum”» [BamS, 17.03.2024, S. 7] **‘Что пугает сегодня когда-то одного из могущественных банкиров в мире?** Прежде всего: Поджигатель войны Путин и его атомное оружие! Аккерман: «Мы должны сделать всё возможное, чтобы Россия не выиграла. Потому что, в противном случае, существует опасность, что он также нападёт на другие страны: Польшу, Прибалтику»’.

Технология 2

Кроме приведённых выше новых ярлыков, используемых для диффамации В. Путина и России в период СВО, немецкие СМИ начали использовать ярлык *Faschist* (*фашист*) и прилагательное *faschistisch* (*фашистский*) по отношению как к России, так и к немецким политикам, которые не вписались в русофобский мейнстрим:

Пример 1

«Manipulative Geschichtserzählungen. Putin setzt Geschichte als Waffe ein. Westliche Historiker streiten darüber, ob in Moskau ein «faschistisches Regime» an der Macht ist» [FAZ, 16.04.2024, S. 7] **‘Манипулятивные исторические рассказы. Путин применяет историю в качестве оружия. Западные историки спорят о том, что в Москве «фашистский режим» у власти’.**

Пример 2

«**DER FALL AFD.** Zur selben Zeit kümmerte sich Moskau auch um seine Hoffnungsträger am rechten deutschen Rand. Ein «Spiegel»-Bericht bringt die AfD in arge Erklärungsnot ... Der Kreml schrieb gar ein Manifest für die AfD. Teile davon seien dann bisweilen wortgleich in einer Rede von *AfD-Faschist Höcke* im Oktober 2022 aufgetaucht» [BILD, 27.04.2024, S. 2] ‘**ДЕЛО АДГ.** В то же самое время Москва позаботилась о тех, на кого она возлагает надежду на правом немецком фланге. Сообщение из журнала «Шпигель» жёстко вынуждает АДГ дать объяснение ... Кремль даже написал манифест для АДГ. Его фрагменты появились в речи *фашиста АДГ Хёкке* в октябре 2022 и порой полностью совпадают с манифестом’.

Технология 3

Технология навешивания диффамирующих ярлыков (стигматизация) нередко применяется в сочетании с другой политико-исторической – использованием некорректных исторических «ярлыков-параллелей»:

Пример 1

[FAZ, 7.06.2024, S. 3]

‘Когда-то Гитлер, сегодня Путин. Война на Украине определяет памятное мероприятие по поводу восьмидесятилетия высадки союзников в Нормандии. Джо Байден и Эммануэль Макрон высоко оценили борьбу против нацистского режима как образец’.

Пример 2

«Eine Entscheidung über die Entsendung französischer Militärausbilder in die Ukraine wurde hingegen vertagt. Russland sei ein «gemeinsamer Feind», sagte Selenskyi. Er setzte den Abwehrkampf der Ukraine gegen Russlands Präsident *Wladimir Putin* mit dem Kampf der Alliierten gegen *Adolf Hitler* im Zweiten Weltkrieg gleich ...» [FAZ, 8.06.2024, S. 1]

‘Решение о посылке французских военных инструкторов на Украину напротив было перенесено. Россия – «общий враг», заявил Зеленский. Он поставил знак равенства между

оборонительной борьбой Украины против президента России Владимира Путина и борьбой союзников против Адольфа Гитлера во Второй мировой войне ...».

Пример 3

«In den Dreißigerjahren hat *Hitler* eine Grenze nach der anderen überschritten. *Putin* macht es ganz genau so», sagte Selenskyj vor den französischen Abgeordneten» ... «Wir sehen bereits, wie Aggression sich ausbreitet auf die baltischen Staaten, Polen und den Balkan», sagte Selenskyj [FAZ, 8.06.2024, S. 1] «В тридцатые годы *Гитлер* пересекал одну границу за другой. *Путин* делает это точно также», сказал Зеленский, выступая перед французскими парламентариями» ... «Мы уже видим, как агрессия распространяется на балтийские государства, Польшу и Балканы», сказал Зеленский».

Технология 4

Косвенная диффамация России и её президента

Косвенно диффамация реализуется через вербальную атаку на политиков, которые относятся к российским интересам с понимаем, или хотя бы нейтральны, т. е. не пожелали включиться в визгливый хор штатных западных русофобов и их подпевал (своего рода политический «бек-вокал»).

«После событий 2014 года (вооружённый конфликт на Востоке Украины и воссоединение Крыма с Россией) в немецкой прессе (в первую очередь массово-бульварной) набрала силу тенденция не прямой диффамации уже своих собственных политиков и крупных бизнесменов, которые попытались хоть каким-то образом понять и объективно объяснить политику России, т. е. В. Путина. Эти известные политики и бизнесмены, находятся в дружеских отношениях с Путиным и выступают за сотрудничество с Россией и против конфронтации с ней. Они не приняли односторонний и предвзятый подход правящей элиты ФРГ по отношению к России. Фактически здесь речь идёт не о непосредственной атаке на Россию или президента, а применяется фланговый, обходной манёвр ...» [Голодов, 2020: 129].

В результате такого развития событий появился новый ярлык, «*полуантропоним*» – «*пониматели Путина*». Это буквальный перевод немецкого композита – *Putin-Versteher*. Он может быть также переведён как «симпатизант Путина». С его помощью реализуется диффамация любого немецкого (реже другого) политика, бизнесмена, общественного деятеля или учёного. В 2022 г. на смену популярному до начала спецоперации и относительно безобидному ярлыку *Putin-Versteher* пришли значительно более жёсткие диффамирующие композиты:

1. Korrupter Putin-Schleimer (корруптированный лизоблюд Путина):

Putin-Schleimer Seipel

«Für die ARD wird der Skandal um den vom Kreml gekauften Star-Autoren Hubert Seipel (73) immer brisanter.

... Ex-«Panorama»-Chef Joachim Wagner (72) ... zu BILD: «Wir hatten immer verdacht, Seipel war ein Grenzgänger». ... Immerhin hat der Skandal eine erste Konsequenz für den korrupten Putin-Schleimer: Der renommierte Verlag «Hoffman & Campe» schließt Seipels Bücher aus dem Programm ...» [BILD, 17.11.2023, S. 2] ‘«Лизоблюд Путина Зайпель. Для АРД скандал вокруг купленного Кремлём автора Хуберта Зайпеля (73) становится всё взрывоопаснее ... Бывший шеф программы «Панорама» Йоахим Вагнер (72) БИЛЬДу: «Мы всегда подозревали, что Зайпель работает на противника» ... Тем не менее скандал уже имел первые последствия для корруптированного лизоблюда Путина ...»’.

В ФРГ идёт мощная атака на известного журналиста, лауреата многих престижных наград Хуберта Зайпеля, который написал две книги о президенте В. Путине: «Путин. Логика власти» (2015) и «Власть Путина. Зачем Европе Россия?» (2021). Его обвиняют в том, что его работу спонсировали из России, в частности основной акционер «Северстали» Алексей Мордашев (находится под санкциями Запада).

В этой связи уместно напомнить о двух книгах оппозиционного немецкого журналиста и писателя Удо Ульфкотте (умер в возрасте 57 лет в 2017 г. при странных обстоятельствах), который показал, как манипулирует общественным мнением западная «независимая» (наверное, от совести) журналистика: «So lügen Journalisten. Der Kampf um Quoten und Auflagen. 2002» ‘Так лгут журналисты. Борьба за квоты и тиражи. 2002’ и «Gekaufte Journalisten. Wie Politiker, Geheimdienste und Hochfinanz Deutschlands Massenmedien lenken. 2014» ‘Продажные журналисты. Как политики и финансисты управляют СМИ Германии. 2014’.

2. Putins Puppen in Deutschland ‘куклы Путина в Германии’:

«In der Russen-Holzpuppe Matroschka ist immer noch jemand drin. Das Puppen-Modell soll der Kreml in Deutschland perfektioniert haben – bei AfD und Wagenknecht-Partei BSW ... Diktator Wladimir Putin (71...) steuert Alice Weidel (45...) und Sara Wagenknecht (54) im Februar bei Mainzer Fastnacht» [BILD, 27.4.2024, S. 2] ‘В российской деревянной кукле матрёшка всегда кто-нибудь внутри. Кукольную модель Кремль вероятно усовершенствовал в Германии – у АДГ и партии Вагенкнехт (Альянс Сары Вагенкнехт – А. Г.) ... Диктатор Владимир Путин (71...) управляет Алисой Вайдель (45... АДГ – А. Г.) и Сарой Вагенкнехт (54) в феврале на карнавале в Майнце’.

Однако наряду с приведёнными выше более жёсткими диффамирующими лексемами эпизодически появляется и довольно мягкий «осуждающий ярлык», заменяющий уже устоявшийся *Putin-Versteher* («пониматель», т. е. понимающий Путина) – *Putin-Bewunderer* (*почитатель Путина*): *Salonfähig mit Vorliebe für den Kreml. Unter Kandidaten Le Pens sind viele Putin-Bewunderer* [FAZ, 22.06.2024, S. 4] ‘Симпатия к Кремлю допустима в приличном обществе. Среди кандидатов Ле Пен много *почитателей Путина*’.

Технология 5

Интенсивное использование экспрессивно-оценочных военных терминов

5.1. С позитивной коннотацией

Прилагательное «*kriegstüchtig*» ‘боеспособный’

Пример 1

«KRIEGSTÜCHTIG». Der Geheimplan für den Ernstfall. Und wir alle sollen mit anpacken ...» [BILD, 27.01.2024, S. 2] ‘«БОЕСПОСОБНЫЕ». Тайный план на случай войны. А мы все должны в этом участвовать’.

Пример 2

AUSLÄNDER SOLLEN UNS KRIEGSTÜCHTIG MACHEN. Weil zu wenige Deutsche dienen, sollen es jetzt Ausländer richten: Verteidigungsminister Boris Pistorius (63, SPD) erwägt, Ausländer zur Bundeswehr zu holen ... Statt 203 000 verfügt die Truppe über rund 180 000 Männer und Frauen ... Deutschland müsse «kriegstüchtig» werden ... [BILD, 23.01.2023, Titel] ‘ИНОСТРАНЦЫ ДОЛЖНЫ СДЕЛАТЬ НАС «БОЕСПОСОБНЫМИ». Поскольку служит слишком мало немцев, должны теперь иностранцы это урегулировать: министр обороны

Писториус рассматривает возможность о привлечении в бундесвер иностранцев ...
Вместо 203 000 служат около 180 000 мужчин и женщин ...'.

Пример 3

ПИСТОРИУС ОКОНЧАТЕЛЬНО ЗАКРЕПИЛ ПРИМЕНЕНИЕ БУНДЕСВЕРА

Вильнюс. Исторический день в литовской столице!

Впервые в истории бундесвера немецкая бригада будет размещена на постоянной основе на восточном фланге НАТО, прямо на границе с жестокой империей Путина.

«Дорожную карту» для этого обрисовал в понедельник немецкий министр обороны (СДПГ) и его литовский коллега по ведомству Арвидас Анузаускас.

Писториус подчеркнул, что будет создана «боеспособная бригада» под немецким руководством, которая с 2027 в «полной готовности» будет «устрашать» Россию ... [BILD, 19.12.2023, S. 3].

Пример 4

Существительное «Kriegstüchtigkeit» ‘воинственность’

Generalinspekteur mahnt zu Kriegstüchtigkeit im All. Breuer warnt, Russland könne NATO-Territorium in fünf Jahren angreifen ... Es war eindringliche Warnung, die Deutschlands oberster Soldat, General-Inspekteur Carsten Breuer, an seine künftigen Führungsleute richtete ... Die technische Überlegenheit des Westens im Weltraum sei Vergangenheit ... Einigkeit bestand, dass Deutschland in dem Bereich Weltraumfähigkeiten rüsten müsse [BILD, 28.06.2024, S. 5] ‘Генеральный инспектор призывает к воинственности в космосе. Бройер предупреждает, Россия может атаковать территорию НАТО через пять лет. Это было настойчивое предупреждение, которое немецкий военный самого высокого ранга адресовал будущим руководителям своего ведомства ... Техническое превосходство Запада в космосе в прошлом ... Пришли к согласию, что Германия должна наращивать космические возможности в отрасли ...’.

5.2. С негативной коннотацией

Существительное *Abnutzungskrieg* (война на истощение)

Пример 1

DER ABNUTZUNGSKRIEG BEGÜNSTIGT RUSSLAND.

Die Ukraine muss selbst wieder in die Offensive kommen, sagen Strategen. Dafür benötige sie westliche Panzer [FAZ, 25.01.2023, S. 3] ‘ВОЙНА НА ИСТОЩЕНИЕ БЛАГОПРИЯТСТВУЕТ РОССИИ. Украина должна сама вновь перейти в наступление. Для этого ей нужны западные танки’.

Пример 2

Ukraine. UMS ÜBERLEBEN ... Neuerdings wird das Wort «*Abnutzungskrieg*» sehr nonchalant in der Debatte herumgereicht [SDZ, 4.5.2023, S. 4] ‘Украина. О ВЫЖИВАНИИ ... С недавних пор слово «*война на истощение*» употребляется в дебатах сплошь и рядом без ограничений’.

Реже встречается синоним композита *Abnutzungskrieg* = *Zermürbungskrieg*.

Пример 3

DIE GRENZEN DES RUSSISCHEN ZERMÜRBUNGSKRIEGES.

Putins Armee verzeichnet hohe Verluste in der Ukraine ... Westliche Geheimdienste sind überzeugt, dass Russland inzwischen 90 Prozent seiner Truppen ersetzen musste. Viele ihrer Einheiten wurden zum zweiten dritten und manche, sogar schon zum vierten Male neu aufgestellt. Putin setzt auf einen langen *Zermürbungskrieg* und auf das Nachlassen westlicher Unterstützung ... [Die Welt, 19.01.2024, S. 6] ‘ГРАНИЦЫ РОССИЙСКОЙ ВОЙНЫ НА ИСТОЩЕНИЕ. Армия Путина несёт большие потери на Украине ... Западные спецслужбы уверены, что Россия за это время была вынуждена заменить 90 процентов своих войск. Многие из её подразделений были заново переформированы во второй, в третий, а некоторые даже уже в четвёртый раз. Путин делает ставку на продолжительную *войну на истощение* и на ослабление западной поддержки ...’.

Выводы

Дезинформация в ведущих немецких СМИ осуществляется в значительной степени за счёт тенденциозного применения языка [Wisnewski, 2014: 266]. В отличие от фактологической манипуляции, вербальная манипуляция как бы вторична, т. е. не подменяет сами факты, а в результате искажённого описания меняет их оценочную характеристику.

Пропагандистская атака на Россию в соответствующих СМИ реализуется с использованием самых различных медийных вербальных технологий:

- применение диффамирующих ярлыков (без реальной доказательной базы);
- использование ярлыка *Faschist* (*фашист*) по отношению как к России, так и к немецким политикам, которые не вписались в русофобский мейнстрим;
- навешивания диффамирующих ярлыков в сочетании с другой политико-исторической технологией – использованием некорректных исторических «ярлыков-параллелей»;
- косвенной диффамации России и её президента (через диффамацию политиков, которые относятся к российским интересам с пониманием, или хотя бы остаются нейтральными).

– интенсивного применения экспрессивно-оценочных военных терминов: а) с позитивной коннотацией (для своих); б) с негативной коннотацией (при описании реалий, относящихся к России).

Конечно, вышеуказанными технологиями не ограничивается весь набор вербальных средств информационной войны в западных СМИ. Однако, рамки небольшой по объёму статьи не позволяют рассмотреть весь перечень вербально-пропагандистских приёмов медийной информационной войны против России и СВО.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голодов А. Г. Язык информационной войны (на материале языка немецкой массовой прессы). Рязань, 2015. 195 с.
2. Голодов А. Г. Война против России в немецкой массовой прессе. Рязань, 2019. 195 с.
3. Голодов А. Г. Вербальные технологии информационной войны. Политическая стигматизация (на материале немецкой массовой прессы). Рязань-Горловка, 2020. 322 с.
4. Голодов А. Г. Политическая стигматизация как вербальная технология информационной войны (на материале немецкой массовой прессы) // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Донецк, 2021. Т. 17. Вып. 1 (51). С. 5-13.
5. Grosz G. Der perfekte Untertan. ARES VERLAG GmbH, Graz, 2024. 202 S.
6. Krüger U. Journalisten unter Einfluss. Böse Kontakte // TAZ. 2013a. Available at: <https://taz.de/Journalisten-unter-Einfluss/!5069170>. (accessed: 15.08.2024).
7. Krüger U. Meinungsmacht. Der Einfluss von Eliten auf Leitmedien und Alpha-Journalisten – eine kritische Netzwerkanalyse. Köln: Herbert von Halem Verlag, 2013b. 378 S.
8. Lüders M. Wer den Wind sät. Was westliche Politik im Orient anrichtet. München: Verlag C. H. Beck, 2016. 175 S.
9. Menath J. Moderne Propaganda. 80 Methoden der Meinungslenkung. Hör-Grenzhausen: Verlag Zeitgeist, 2022. 153 S.
10. Sergijenko W. W. Europas offene Wunde. Wie die EU beim Krieg in der Ukraine versagte. Verlag fifty-fifty, Frankfurt / Main, 2020. 172 S.
11. Ulfkotte U. Gekaufte Journalisten. Wie Politiker, Geheimdienste und Hochfinanz Deutschlands Massenmedien lenken. Rottenburg: KOPP VERLAG, 2014. 336 S.
12. Ulfkotte U. So lügen Journalisten. Der Kampf um Quoten und Auflagen. München: Verlagsgruppe C. Bertelsmann GmbH, 2001. 416 S.
13. Wisnewski G. Verheimlicht, vertuscht, vergessen. Was 2014 nicht in der Zeitung stand. München: Taschenbuchverlag KNAUR, 2014. 368 S.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. BamS, 17.03.2024, S. 7.
2. BILD, 23.01.2023, S. 1.
3. BILD, 17.11.2023, S. 2.
4. BILD, 19.12.2023, S. 3.
5. BILD, 27.01.2024, S. 2.
6. BILD, 4.04.2024, S. 2.
7. BILD, 8.04.2024, S. 2.
8. BILD, 27.04.2024, S. 2.
9. BILD, 28.06.2024, S. 5.
10. Die Welt, 19.01.2024, S. 6.
11. Die Welt, 19.01.2024, S. 6.

12. FAZ, 25.01.2023, S. 3.
13. FAZ, 16.04.2024, S. 7.
14. FAZ, 7.06.2024, S. 3.
15. FAZ, 8.06.2024, S. 1.
16. FAZ, 22.06.2024, S. 4.
17. SDZ, 4.05.2023, S. 4.

REFERENCES

1. Golodov, A. G. (2015). *Yazyk informatsionnoy voyny (na materiale yazyka nemetskoy massovoy pressy)* [The Language of Information War (based on German Mass media)]. Ryazan. (In Russ.).
2. Golodov, A. G. (2019). *Informationnaya voyna protiv Rossii v nemetskoy massovoy presse* [Information War against Russia in German Mass Media]. Ryazan. (In Russ.).
3. Golodov, A. G. (2020). *Verbalnye tekhnologii informatsionnoy voyny. Polititscheskaya stigmatizatsiya (na materiale nemetskoy massovoy pressy)* [Verbal technologie of Information War. Political stigmatisation]. Ryazan-Gorlovka. (In Russ.).
4. Golodov, A. G. (2021). *Polititscheskaya stigmatizatsiya kak verbalnaya tekhnologiya informatsionnoy voyny (na materiale yazyka nemetskoy massovoy pressy)* [Political stigmatization as verbal technology of information war (based on German Mass media)]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Donetsk. Vol. 17. Iss. 1 (51). Pp. 5-13. (In Russ.).
5. Grosz, G. (2024). *Der perfekte Untertan*. Graz: ARES VERLAG GmbH.
6. Krüger, U. (2013a). *Journalisten unter Einfluss. Böse Kontakte*. In TAZ. Available at: <https://taz.de/Journalisten-unter-Einfluss/!5069170>. (accessed: 15.08.2024).
7. Krüger, U. (2013b). *Meinungsmacht. Der Einfluss von Eliten auf Leitmedien und Alpha-Journalisten – eine kritische Netzwerkanalyse*. Köln: Herbert von Halem Verlag.
8. Lüders, M. (2016). *Wer den Wind sät. Was westliche Politik im Orient anrichtet*. München: Verlag C. H. Beck.
9. Menath, J. (2022). *Moderne Propaganda. 80 Methoden der Meinungslenkung*. Hör-Grenzhausen: Verlag Zeitgeist.
10. Sergijenko, W. W. (2020). *Europas offene Wunde. Wie die EU beim Krieg in der Ukraine versagte*. Frankfurt / Main: Verlag fifty-fifty.
11. Ulfkotte, U. (2001). *So lügen Journalisten. Der Kampf um Quoten und Auflagen*. München: Verlagsgruppe C. Bertelsmann GmbH.
12. Ulfkotte, U. (2014). *Gekaufte Journalisten. Wie Politiker, Geheimdienste und Hochfinanz Deutschlands Massenmedien lenken*. Rottenburg: KOPP VERLAG.
13. Wisniewski, G. (2014). *Verheimlicht, vertuscht, vergessen. Was 2014 nicht in der Zeitung stand*. München: Taschenbuchverlag KNAUR.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. *BamS*, 17.03.2024, S. 7.
2. *BILD*, 23.01.2023, S. 1.
3. *BILD*, 17.11.2023, S. 2.
4. *BILD*, 19.12.2023, S. 3.
5. *BILD*, 27.01.2024, S. 2.
6. *BILD*, 4.04.2024, S. 2.
7. *BILD*, 8.04.2024, S. 2.
8. *BILD*, 27.04.2024, S. 2.
9. *BILD*, 28.06.2024, S. 5.
10. *Die Welt*, 19.01.2024, S. 6.

11. *Die Welt*, 19.01.2024, S. 6.
12. *FAZ*, 25.01.2023, S. 3.
13. *FAZ*, 16.04.2024, S. 7.
14. *FAZ*, 7.06.2024, S. 3.
15. *FAZ*, 8.06.2024, S. 1.
16. *FAZ*, 22.06.2024, S. 4.
17. *SDZ*, 4.05.2023, S. 4.

Голодов Александр Георгиевич – доктор филологических наук, профессор, начальник Аналитического центра по исследованию технологий информационной войны и контрпропаганды (e-mail: a.golodoff@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»
390000, Рязань, Свободы, 46

Golodov Aleksandr G. – Doctor of Philology, Professor, Head of Analytic Center for Research Technology of Information War and Counterpropaganda (e-mail: a.golodoff@mail.ru), Federal State Funded Educational Institution of Higher Professional Education «Ryazan State University Named after S. Yesenin»
46, Svobody, Ryasan, 390000

Поступила в редакцию 25 августа 2024 г.

УДК 811.11

© 2024 Т. В. Овсиенко, А. В. Ленец

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА СЛОВ-РЕАЛИЙ В АВСТРИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ «WIENER ZEITUNG»)

Статья посвящена рассмотрению особенностей национально-культурных слов-реалий в австрийской лингвокультуре на материале статей австрийской газеты Wiener Zeitung. Установлено, что реалии отражают национально-культурную специфику и выступают ценным источником информации о процессах и представлениях, сложившихся в описываемой культуре и происходящих внутри лингвокультурного общества. На примерах продемонстрирована национально-культурная специфика австрийских общественно-политических слов-реалий (SPÖ, Grüne, Neos); географических слов-реалий (Alpen, Donau); этнографических реалий (Kaffeehaus, Kaiserschmarrn); ономастических реалий (Kaiserin Maria Theresia, Wien). Делается вывод о количественном преобладании антропонимов.

Ключевые слова: слово-реалия, национально-культурный аспект, немецкий язык, Австрия.

© 2024 T. V. Ovsienko, A. V. Lenets

NATIONAL AND CULTURAL FEATURES OF REALIA WORDS IN AUSTRIAN LINGUOCULTURE (BASED ON THE MATERIAL OF «WIENER ZEITUNG»)

The article addresses the peculiarities of national-cultural realia words in the Austrian linguaculture based on the articles of the Austrian newspaper Wiener Zeitung. It has been established that realia reflect the national and cultural features and act as a valuable source of information about the processes and ideas that have developed in the described culture and are taking place within the linguistic and cultural setting. The examples demonstrate the national and cultural specificity of the Austrian socio-political realia words (SPÖ, Grüne, Neos); geographical realia words (Alpen, Donau); ethnographic realia (Kaffeehaus, Kaiserschmarrn); onomastic realia (Kaiserin Maria Theresia, Wien). The article reports on the quantitative predominance of anthroponyms.

Key words: word-realía, national-cultural aspect, German language, Austria.

Введение

Язык является важнейшей характеристикой любого народа, в котором отражается своеобразие жизни, опыт, накопленные знания, ценности конкретного этноса, возникшие в результате исторического, социального и культурного развития. Другими словами, язык выступает в качестве зеркала культуры этноса или целой нации. В каждом языке существуют лексические единицы, в значении которых содержится культурологический компонент, отражающий взаимосвязь культуры и языка [Абкадырова, 2015; Донец, 2004;

Левченко, Маркарян, 2020; Люксембург, 2008]. Именно к таким лексическим единицам и относятся реалии.

Актуальность данного исследования обусловлена неизменным интересом лингвистов к изучению разного рода реалий и их лингвокультурного компонента [Донец, 2004; Левченко, Маркарян, 2020; Paul, 1995]. Но несмотря на то, что отечественные и зарубежные учёные систематизируют культурно-специфические смыслы по различным параметрам [Донец, 2004: 5], достаточно подробно описывают когнитивно-прагматический потенциал слов-реалий [Абкадырова, 2015: 1; Ленец, Зарипова, 2018: 73], обосновывают классификации реалий в текстах разных стилей [Левченко, Маркарян, 2020: 185], на сегодняшний день вопрос о природе и типах реалий остаётся всё ещё недостаточно изученным. Вместе с тем изучение реалий представляет особенный интерес в межкультурной коммуникации, где часто наблюдаются помехи и барьеры в понимании между представителями различных культур.

Теоретической базой для настоящего изыскания послужили результаты исследований отечественных и зарубежных языковедов, которые представлены в работах И. Р. Абкадыровой; Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова; В. С. Виноградова; П. Н. Донца; И. М. Кобозевой; М. В. Левченко, Н. В. Маркарян; А. В. Ленец, А. Н. Зариповой; А. М. Люксембурга, Л. Н. Соболева и мн. др., в которых слово-реалия рассматривается как лингвокультурологическое явление. Следует отметить, что внимание лингвистов преимущественно фокусируется на описании слов-реалий, репрезентирующих специфику немецкой лингвокультуры. Слова-реалии австрийской и швейцарской лингвокультур при этом находятся на периферии исследовательского поля. Данная статья должна восполнить данный пробел, что обуславливает **научную новизну** проведённого исследования.

Цель настоящей статьи заключается в выявлении, описании и анализе использования культурно-специфических реалий, отражающих национальную идентичность австрийцев.

Материалом исследования являются реалии, представленные в газетных статьях Wiener Zeitung, размещенных на портале <https://www.wienerzeitung.at>. Методом сплошной выборки было собрано и проанализировано всего более 120 аутентичных статей с общим количеством 560 слов-реалий. В ходе исследования применялись также методы лингвокультурологического и контекстуального анализа, позволившие проанализировать отобранные реалии в контексте и выявить их национально-культурную составляющую.

Результаты исследования

Сначала обратимся к результатам анализа теоретических источников. Понятие «реалия» ведёт свое начало от латинского прилагательного «*realia*» и определяется как

«действительный, вещественный», которое в свою очередь было модифицировано в существительное. В отечественной лингвистике впервые о понятии реалии как единицы лексики упомянул Л. Н. Соболев в 1952 г., который считал, что к реалиям «относятся те слова из национального быта, которых не существует в других языках, за неимением данных явлений и предметов в других культурах» [Соболев, 1955: 290]. Согласно словарю лингвистических терминов, «реалии – это предметы материальной культуры, которые изучаются внешней лингвистикой» [Ахманова, 1988: 376].

Проблемой сущности реалий занимались такие исследователи как В. С. Виноградов, А. М. Люксембург, Дж. Лайенз, Г. Пауль, Л. Н. Соболев, Г. Д. Томахин, С. С. Толстой и др. В самом общем смысле реалиями называют предметы материальной культуры, присущие конкретным нациям [Томахин, 1997: 13]. Согласно дефинициям, приведённым в отечественных исследованиях, реалиями выступают: 1. наименования объектов, характерных для жизни, культуры, быта, исторического и социального развития одного народа, несвойственные другому и не имеющие аналогов в других языках [Влахов, Флорин, 1980: 64-73]; 2. объекты, существующие на территории страны и в жизни определённого народа; 3. объекты материальной культуры; 4. национально-специфические особенности быта [Нелюбин, 2003: 320]. Некоторые ученые рассматривают реалии, как безэквивалентную [Влахов, Флорин, 1980; Виноградов, 2001] или фоновую [Шумагер, 1990] лексику. Австрийско-советский лингвист Э. Ризель соотносила реалии и их определения со сферой профессионального языка и специальной терминологии. По её мнению, реалии должны рассматриваться в качестве явления стилистики в равной степени с терминологией и профессиональными жаргонизмами [Riesel, 1963]. Несмотря на то, что реалии повсюду используются в их логически-предметном значении, в контексте они выполняют стилистическую функцию, придают сказанному выразительности и убедительности [Riesel, 1963: 137]. Иначе говоря, реалии добавляют аутентичности, они создают некую объективность сказанного, т. к. они ссылаются, прежде всего, на объекты чужой реальности, на понятия другой культуры и языкового общества.

В немецком языкознании впервые понятие «реалия» было рассмотрено во второй половине XX века немецким лингвистом Г. Паулем, по мнению которого исходным пунктом для толкования реалий является их понимание при восприятии чужого понятия иной культурой [Paul, 1995: 76]. Иначе говоря, понимание реалии подразумевает под собой успешное коммуникативное и когнитивное восприятие языком-реципиентом. Поводом к включению реалий иной культурой служит потребность в наименовании понятий,

отсутствующих в языке-реципиенте, а также культурное взаимодействие, которое тоже является причиной проникновения реалий в чужой язык.

Реалии являются национально-маркированной лексикой, которая преимущественно встречается в медийном пространстве и художественной литературе, что объясняется неразрывной связью с национально-культурными особенностями определённого этноса, являющимися для него общепринятыми. Кроме того, под влиянием современных общественно-политических процессов в любой культуре появляются новые реалии как результат деятельности народа.

Для лингвокультурологического анализа ономастических реалий австрийского медиадискурса нами была выбрана информационно-политическая газета «Wiener Zeitung», которая является официальной газетой австрийского правительства, регулярно публикующей официальные заявления органов государственной власти Австрии, а также анонсы политических, экономических и культурных событий в стране и за рубежом. «Wiener Zeitung» является одной из самых известных и читаемых газет не только в Австрии и в немецкоговорящих странах, но и во всей Европе.

Материалом исследования послужили 120 аутентичных статей, опубликованные в период с сентября 2023 года по сентябрь 2024 года. Отобранные статьи характеризуются наличием большого количества реалий, которые наиболее ярко отражают историческое прошлое, уклад жизни, традиции, этноспецифические особенности австрийцев, а также их национальную идентичность. На первом этапе проведённого исследования методом сплошной выборки было обнаружено 560 реалий, которые были распределены на четыре группы: 1. общественно-политические реалии; 2. географические реалии; 3. этнографические реалии; 4. ономастические реалии.

С целью понимания и выявления мотива выбора конкретных австрийских реалий нами были исследованы семантика наименований и степень влияния экстралингвистических факторов на них, т. к. именно на семантическом уровне национально-культурные реалии передают особую образность и отражают местный и национальный колорит и воспроизводят атмосферу соответствующего времени. В проанализированных статьях нами были выявлены прецедентные имена, являющиеся общеизвестными и обладающими культурной, познавательной и эмоциональной ценностью. Особую группу среди них представляют общественно-политические реалии, связанные с политическим устройством, политическими партиями и общественными организациями. Так, например, названия политических партий Австрии: *Mühlböck dazu: «ÖVP und FPÖ sind in Salzburg kommunizierende Gefäße. Wenn die einen verlieren, gewinnen die anderen»* (Salzburg: Schöne Berge, hohe Kultur und ein Energy-Drink, 24.09.2024); *Österreichs Parteien haben eine bunte und*

*spannende Vergangenheit, über die heute kaum noch geredet wird. Woher kommen **SPÖ, ÖVP, FPÖ, Grüne, Neos und KPÖ**? (Einst ein Eldorado für Dogmatiker: innen: die KPÖ, 20.09.2024).*

Наличие географических реалий на страницах онлайн-газеты Wiener Zeitung объясняется связью с природным и географическим наследием австрийцев, что отражено в следующих примерах: *Die Festspiele bringen jeden Sommer internationale Hochkultur in die Stadt an der **Salzach** (Salzburg: Schöne Berge, hohe Kultur und ein Energy-Drink, 24.09.2024); **Die Donau** fließt durch die Stadt und hält vor allem für junge Bewohner: innen Bäder, Bars und Freizeitmöglichkeiten bereit (Wien: Hauptstadt der Seligen, 21.09.2024); Im Interview spricht die die Glaziologin mit der WZ darüber, was die Gletscherschmelze in den **Alpen** für diesen Lebensraum bedeutet, ... (Für die Alpengletscher besteht noch Hoffnung, 08.01.2024).* Наименования рек и гор являются носителями культурного кода и актуализируют ассоциативные связи культурно-исторического характера [Панжиев, 2021: 190].

К группе этнографических реалий относятся реалии быта. Именно они несут в себе лингвокультурный код, отражая традиции, обычаи, ритуалы, наименования блюд, продукты питания, напитки и т. д. *Auch die alten **Kaffeehäuser** sind noch da, wo sich schon Arthur Schnitzler oder Friedrich Torberg bei einer **Melange** und **Kaiserschmarrn** trafen und inspirieren ließen (Wien: Hauptstadt der Seligen, 21.09.2024).* Всемирную славу несут в себе австрийские (Венские) кофейни с богатой историей и многочисленными видами кофейных напитков. Кроме того, Австрия также ассоциируется с виноделием, а именно производством сухих белых вин из сорта винограда грюнер вельтлинер (Grüner Veltliner). Об этом свидетельствуют примеры со словами-реалиями Wein, Winzer, Weinberge, Rebfläche, Grüner Veltliner: *Im Zentrum der Geschichte steht Manfred Tement. Um den Mann ranken sich Legenden. Er ist eine vielschichtige Figur. Genialer Gaumen. Schillernder **Winzer**. Beinhardter Geschäftsmann. Seine Karriere ist bemerkenswert (Der rutschende Weinhang des Starwinzers, 15.11.2023); Vor allem die Wachau und die Steiermark sind für ihren guten **Wein** bekannt (Großbauern schlucken Weingärten, 16.11.2023); Über ein Drittel der **Rebflächen** in Österreich und über die Hälfte der **Weinberge** in Niederösterreich sind mit **Grünem Veltliner** bepflanzt (Wie der Weinbau klimafit wird, 17.11.2023).*

Активное употребление авторами статей ономастических реалий (336) позволило изучить их более подробно. Ономастические реалии включают в себя антропонимы и топонимы. Антропонимы были разделены в ходе исследования на две основные группы: государственные лидеры и исторические личности.

В контексте австрийской истории особенно важным представляется упоминание о Марии Терезии (1717-1780) – австрийской эрцгерцогини и реформаторе эпохи Просвещения. *Wie viele Menschen in Österreich leben, interessierte schon **Kaiserin Maria***

Theresia im Jahr 1754. Sie führte die erste Volkszählung in Österreich durch – zur Erfassung der wehrfähigen Bevölkerung (Quo vadis, Österreich? 07.06.2024); Er verglich sich bei einer Gelegenheit spaßeshalber nicht mit Kaiser Franz Joseph, sondern mit der «Landesmutter» **Maria Theresia** (Veränderung, aber bitte keine Revolution: die SPÖ, 18.08.2024). Анализируя употребление антропонима Марии Терезии в вышеприведенных фрагментах статей, следует отметить её вклад в развитие и жизнь Австрии. Авторы статей подчеркивают тот факт, что ещё в 1754 году она ввела перепись населения и сравнивают её с матерью всей страны. К тому же трудно переоценить вклад М. Терезии в развитие австрийской культуры. Благодаря ее активной реформистской деятельности период правления М. Терезии (1745-1765) охарактеризован значительным культурным подъемом австрийской нации. В это время были в Австрии основаны первые школы, гимназии, технические и педагогические училища, университеты и библиотеки. Кроме того, появились новые образовательные учреждения в области прикладного искусства (Венская академия в 1766 г.). Проведённые реформы способствовали продвижению на мировую арену Австрии, ранее считавшейся отсталой. Мировую известность приобрели выпускники венской медицинской школы, огромные успехи также были отмечены в области техники, прикладных наук и искусства (музыки в частности). М. Терезия является ярким примером отражения национально-культурной идентичности Австрии, ее традиций, обычаев и ценностей.

Ещё одной исторической личностью, которая упоминается авторами статей в разделе «история», выступает Франц Иосиф, взойшедший на престол Австрийской империи в 1848 году. Его понимание власти характеризовалось большим чувством долга и миссионерства. После потрясений революции 1848 года он стремился утвердить легитимность монархического правления и сохранить единство распадающегося многонационального государства. При этом он был вынужден пойти на далеко идущие уступки, такие как установление двойной монархии путем соглашения с Венгрией в 1867 году и принятие конституции. *Erst über 100 Jahre später, zu Beginn der Österreichisch-Ungarischen Monarchie, verordnete Kaiser Franz Joseph I. eine regelmäßige Volkszählung im Zehn-Jahres Rhythmus* (Quo vadis, Österreich? 07.06.2024); *Noch herrschte Kaiser Franz Joseph über Österreich – der Doppeladler, der als Symbol der Habsburger gilt, hatte daher nichts im Plenum verloren* (Was macht eigentlich der Adler im Parlament? 07.02.2024); *Franz Josephs Denken war darauf ausgerichtet, alle Bürger seines Reichs als gleich anzusehen* (Der Antisemit, der Wien prägte, 06.09.2023). В текстах были обнаружены упоминания одной из могущественных монархий династий Габсбургов, которые оказали решающее влияние на историю и культуру Вены, и не только во время их Венского регентства с 1278 по 1918 год, но и по сей день. Дом Габсбургов был одним из

самых могущественных дворянских родов своего времени и представлял всех императоров Священной Римской империи с 1438 года до ее конца в 1806 году.

Имена политиков фиксируются в истории страны и выступают как культурно-маркированные единицы, обладающие смысловой нагрузкой. Они представляют собой маркеры личностной и временной идентичности, что в полной мере относится к современным политикам. Так, 29 сентября 2024 года состоялись выборы в Национальный совет Австрии. В связи с этим популярными именами в текстах статей газеты *Wiener Zeitung* являются нынешний федеральный канцлер Карл Нехаммер и австрийский политик, председатель партии «Австрийская партия свободы» Герберт Кикль, которые борются за пост канцлера Австрии. Так, например: *Währenddessen präsentierte sich Bundeskanzler und ÖVP-Chef **Karl Nehammer** als souveräner Krisenkommunikator und Babler als tatkräftiger Feuerwehrmann in seiner Heimatgemeinde Traiskirchen. «Das Hochwasser hat Kickl jede Bühne genommen», erklärt Stainer-Hämmerle (Herbert Kickls Charmeoffensive, 25.09.2024); **Herbert Kickl** inszeniert sich als «Volkskanzler» (Der «Volkskanzler» und warum Kickl einer sein will, 28.01.2024); «**Kickl** inszeniert sich als ruhiges Gegenmodell zu SPÖ-Chef **Andreas Babler**, der zunehmend hektisch und negativ wirkt», sagt die Politologin (Herbert Kickls Charmeoffensive, 25.09.2024)*. Кроме того, на политической сцене в качестве оппонента Г. Кикля выступает лидер социал-демократов Андреас Баблер. В связи с этим, отмечается частое использование и его имени: *SPÖ-Chef **Andreas Babler** will die Utopie zurück in die Politik bringen (Wie Babler die Wahl trotz SPÖ gewinnen will, 26.03.2024). Trotzdem sah ÖVP-Kanzler **Karl Nehammer** zumindest Anfang August in einem Interview keinen Bedarf für ein Sparpaket (Österreichs Schulden: Was ein Sparpaket für uns bedeutet, 24.09.2024); Vor kurzem gab Michael Ludwig seinen Rückzug aus den Bundesgremien bekannt und lässt **Babler** links liegen (Bablers Machtlosigkeit, 17.10.2023)*.

Наряду с антропонимами встречается большое количество (108) топонимов, которые подразделяются на хоронимы, ойконимы и урбанонимы. К группе хоронимов относятся названия шести федеральных земель Австрии: Форарльберг (Vorarlberg), Бургенланд (Burgenland), Нижняя Австрия (Niederösterreich), Верхняя Австрия (Oberösterreich), Штирия (Steiermark). В исследуемых статьях данные топонимические единицы были упомянуты в следующем контексте: *Im Vergleich zu den meisten Bundesländern hat **Salzburg** früh eine eigene Identität entwickelt und wurde bereits im Jahr 798 zur Erzdiözese erhoben (Salzburg: Schöne Berge, hohe Kultur und ein Energy-Drink, 24.09.2024); Richtig eigenständig war **Vorarlberg** damals aber auch noch nicht, die damalige Oberbehörde, die Statthalterei, war in Innsbruck, und **Vorarlberg** war nur ein bisschen autonom, aber nicht so autonom wie die*

*anderen Bundesländer (Vorarlberg: Alles alemannisch oder was? 05.09.24); Für viele Menschen ist das **Burgenland** der Inbegriff der Entspannung. Seit 103 Jahren gehört es zu Österreich. ... Historisch hätte sich als Hauptstadt des neuen Bundeslandes, das Österreich im Jahr 1921 zugeteilt wurde, Sopron, damals **Ödenburg**, angeboten (Vom Grenzland ins Herz Europas, 10.09.2024).*

Необходимо отметить, что все хоронимы выступают в роли хранителей и трансляторов историко-культурной информации об австрийском народе. Данные хоронимы содержат в себе сведения о важнейших исторических периодах материальной и духовной культуры нации и являются репрезентантами исторической действительности. Более того, они используются в качестве главных источников передачи значимой информации экстралингвистического характера. Топонимическое название *Vorarlberg* своими истоками восходит к транспортно-техническому пропускному пункту *Arlberg*, существовавшему в XIX веке и соединяющему австрийские федеральные земли Форарльберг и Тироль. Буквально оно имело значение 'перед Альбергом' и использовалось для обозначения двух объединившихся федеральных земель. Топоним *Burgenland* напоминает нам о том, что данная федеральная земля состоит из трех венгерских медье (административная единица в Венгрии), которые в составе своих топонимических названий имели лексему «Burg»: Wieselburg, Ödenburg, Eisenburg.

Топоним *Steiermark* происходит от топонима *Steyr* (город в Верхней Австрии), где находился замок графов династии Траунгау *Styraburg*. В результате присоединения графом Траунгау территорий от Пистинга (Piestung) до Земмеринга (Semmering) к Австрии во второй половине XIX века она была поделена на две части: «под» и «над» Энсом (город в Верхней Австрии). С XIX века обе части Австрии находились в абсолютной независимости друг от друга и имели разные административные органы власти. После создания Австрийской Республики (12 ноября 1918 г.) топонимические названия *Nieder-* и *Oberösterreich* стали исключительными и единственно законными для обозначения двух отдельных федеральных земель. Отсюда следует, что хоронимы содержат в себе большой лингвокультурный потенциал, подтверждающий факт историко-культурной ценности географической номинации.

Ойконимы как наименования населенных пунктов выступают в качестве самых значимых и самых употребительных лексических единиц топонимического пространства. Они отличаются наличием обширного информационного портала, который отображает самобытность именуемых ими населенных пунктов, что является результатом исторического развития духовной и материальной культуры народа: *Wien hat von allem ein bisserl was: Villen am Stadtrand, Einfamilienhäuser, Reihenhäuser-Siedlungen, den Wohnpark*

Alt-Erlaa, Gemeinde- und Genossenschaftsbauten, die historische Innenstadt (Wien: Hauptstadt der Seligen, 21.09.2024); *Es war im Zug einer Volksbefragung im März 1986, dass die Niederösterreicher:innen darüber abstimmten, ob sie künftig eine eigene Hauptstadt haben wollen, und falls ja, welche. St. Pölten, Krems, Baden, Tulln und Wiener Neustadt standen zur Wahl* (Niederösterreich: Glückliche Geschichte und doch konservativ, 14.09.2024).

Анализируя ойконимы с точки зрения отображения в них национального колорита австрийского народа, стоит отметить тот факт, что все они воспринимаются и интерпретируются исходя из определенных ассоциаций, образовавшихся в результате исторического развития нации. К примеру, Вена, столица Австрии, неразрывно связана с понятием «театральной и музыкальной столицы», где сосредоточена вся культурная жизнь европейского государства. Вена знаменита своими театрами и музеями, среди которых Венская государственная опера, Бургтеатр, Венская Филармония, Венский народный театр, Хофбург, музей истории искусств, Шенбрунн и др. *Versinkt es wirklich in Schlaf? Nein – denn das **Burgtheater** schläft niemals* (Das Burgtheater – einmal ganz ohne Schauspieler: innen, 27.01.2024), *«Nicht umsonst entschied er sich für diesen Teil der **Hofburg**, wo mit Maria Theresia, die aus damaliger Sicht, Übermutter der Nation», 40 Jahre lang gewohnt und regiert hatte* (Was macht eigentlich der Rathausmann am Dach? 14.08.2024); *Zum Neujahrskonzert der **Wiener Philharmoniker** mag es vorerst noch nicht reichen, das wird wohl auf längere Sicht in der Hand der alternden weißen Stars bleiben* (Die Chefdirigentin, das unbekannte Wesen, 25.11.2023). Вена ассоциируется также с богатым музыкальным наследием В. А. Моцарта, Ф. Шуберта, Л. Бетховена, К. В. Глюка и И. Гайдна. *Und das in der Geburtsstadt von **Wolfgang Amadeus Mozart*** (Salzburg: Schöne Berge, hohe Kultur und ein Energy-Drink, 24.09.2024); ***Mozart, Schubert, Beethoven** – wenn man an berühmte Komponisten der Geschichte denkt, braucht man gar nicht zu gendern: Komponistinnen sind offenbar unsichtbar* (Können Frauen überhaupt komponieren? 07.09.2023).

Отдельно представлена в статьях группа урбанонимов, названий внутригородских объектов: улиц, проспектов, площадей, переулков, бульваров, районов, а также организаций, осуществляемых деятельность в различных сферах общества [Кобозева, 2000: 219]. Именно урбанонимы содержат элементы восприятия культурной действительности, которые формируют лингвокультурную картину мира и передаются из поколения к поколению. Они не только отражают историческое прошлое Австрии, но и способствуют более точному осмыслению и толкованию культурных процессов, происходивших в разные исторические периоды с австрийским народом. Они являются трансляторами экономико-политического и социального развития общества, которые

оказали огромное влияние на формирование урбанонимического пространства Австрии. Например, *Neubau ist Wiens viertkleinster Bezirk, verfügt jedoch über das größte Werbebudget aller Bezirke. ... Wien-Neubau ist, was man einen Bobo-Bezirk nennt. Viele Lokale, kleine Geschäfte, eine bunte Kreativszene* (Das goldene Lächeln des grünen Bezirksvorstehers, 12.03.2024); *Auch an einer Neuen Mittelschule in Meidling wurde mit diesem Schuljahr alles anders: ... (Smartphone in der Schule: «Damit haben wir kein Problem», 18.06.2024); In Neumarkt am Wallersee etwa, wo Glas splitterte, als eigens für das Kunstprojekt aufgestellte Fenster mit Steinen zerschossen wurden: eine Aktion des Bildhauers Bernhard Gwiggner* (Lebendiges NS-Erinnern statt toter Denkmäler, 24.09.2023).

Как уже было отмечено выше, источником номинации австрийских улиц, площадей, районов, бульваров и т. п. служит богатая история народа. Многие австрийские урбанонимы получили свое название в честь выдающихся государственных и общественных деятелей: Kaiserstraße, Wieden, Josefstadt, Schillerplatz, Karlsplatz и Palais Lobkowitz. Тенденция к наименованию улиц и районов именами собственными возникла в XVIII – XIX вв. и продолжает сохраняться и на сегодняшний день. Некоторые внутригородские объекты служат напоминанием об определенном историческом событии, существенно повлиявшем на ход истории: *Das Kanzleramt war unter Kaiserin Maria Theresia der Hofkanzlei zugewiesen worden, später erledigten die Staatskanzler ihre Geschäfte von hier aus, das Gebäude ist Schauplatz zahlreicher bedeutender historischer Ereignisse (Wiener Kongress, Ermordung von Engelbert Dollfuß)* (Was macht eigentlich der Rathausmann am Dach? 14.08.2024). Упоминание исторических событий свидетельствует о «переломных моментах в истории государства и фиксирует данное явление общества как значимый ориентир этноспецифической лингвокультуры» [Ленец, Овсиенко, 2021: 80-83].

Древнее происхождение имеют урбанонимы, образовавшиеся от названий определенных ремесел и / или профессий. Например, 12-й район Вены Meidling ещё в Средневековье был знаменит тем, что там выращивали виноград, из которого делали белое и красное вино: *Sie ist seit gut drei Jahrzehnten Lehrerin an einer Neuen Mittelschule in Meidling, 12. Wiener Gemeindebezirk* (Wer ist Michael Ludwig? 21.09.2023).

Таким образом, следует заключить, что наименование в честь культурных и политических деятелей, проживавших на территории Австрии и внёсших вклад в развитие австрийской культуры, является наиболее распространённым видом номинации австрийских реалий в медийном пространстве. Очевидно, что все проанализированные урбанонимы неразрывно связаны с культурно-историческими событиями, происходившими в жизни австрийского народа.

На завершающем этапе исследования мы, основываясь на количественных результатах, провели сравнительный анализ проанализированных групп австрийских ономастических реалий (далее АОР), данные которого представлены в таблице.

Таблица. Сравнительный анализ австрийских ономастических реалий

Виды ономастических реалий	Подвиды ономастических реалий		
Общее количество АОР: 336 (100%)			
Антропонимы 228 (68 %)	Политические деятели	136	41%
	Исторические личности	92	27%
Топонимы 108 (32 %)	Хоронимы	18	5%
	Ойконимы	27	8%
	Урбанонимы	63	19%

В результате проведённого сравнительного анализа мы пришли к заключению, что на страницах австрийской газеты «Wiener Zeitung» преобладают антропонимы (68%), которые могут рассматриваться как ценностный маркер, обладающий национально-культурной спецификой.

Заключение

В результате проведенного лингвокультурологического анализа нам удалось выявить, описать и охарактеризовать австрийские реалии, обладающие национально-культурной спецификой. Каждое слово-реалия содержит в себе культурную информацию об австрийской нации и определяет ее ценности. Согласно полученным в ходе исследования данным, мы пришли к заключению, что в текстах статей австрийской онлайн-газеты Wiener Zeitung можно найти различные группы реалий, характерных для австрийской лингвокультуры. Проведенный анализ демонстрирует, что публицистические тексты могут служить источником информации о национально-культурной специфике австрийцев, так как их наличие помогает выявить особенности жизни и быта нации в конкретный исторический период, а также выделить культурные различия и соответствия. Более того, изучение и правильное толкование реалий является крайне важным при налаживании эффективной коммуникации на иностранном языке и приобщении к культуре другой нации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абкадырова И. Р. Когнитивно-прагматический потенциал мексиканских слов-реалий в романе Х. Веласко «Diablo Guardián» // Древняя и Новая Романия. 2015. № 16. С. 1-11.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Москва: Советская энциклопедия, 1988. 576 с.
3. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). Москва: Изд-во инст-та общ. ср. обр-ия РАО, 2001. 224 с.
4. Влахов С. И., Флорин С. П. Непереводимое в переводе. Москва: Международные отношения, 1980. 342 с.
5. Донец П. Н. Теория межкультурной коммуникации: специфика культурных смыслов

и языковых форм: специальность 10.02.19 «Теория языка»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Волгоград, 2004. 39 с.

6. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. Эдиториал УРСС. 2000. 352 с.

7. Ленец А. В., Овсиенко Т. В. Динамика лингвокультурных констант в современном немецкоязычном пространстве (Австрии, Германии, Швейцарии). Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 71. С. 70-90.

8. Левченко М. Н., Маркарян Н. В. Немецкие реалии и их функциональный потенциал в текстах разных стилей // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 8. С. 184-191.

9. Ленец, А. В., Зарипова А. Н. Лингвокультурный и прагматический аспекты использования терминов-реалий в медийных сообщениях о миграции (на материале медийного дискурса Германии и Австрии). Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2018. Т. 8, № 4 (29). С. 73-81.

10. Люксембург А. М. Реалии в немецком медиатексте: проблемы лингвокультурологического осмысления и перевода. Теория и практика. Ростов-на-Дону: Логос, 2008. 320 с.

11. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. Москва: Флинта: Наука, 2003. 320 с.

12. Панжиев Н. П. Лингвокультурологический аспект исследования топонимов // Academic research in educational sciences. Vol. 2. Issue 7. 2021. С. 188-194.

13. Соболев Л. Н. О переводе образа образом // Вопросы художественного перевода. Москва: Советский писатель, 1955. С. 259-309.

14. Томахин Г. Д. Реалии в языке и культуре. Москва: Высш. шк., 1997. С. 13-18.

15. Шумагер Е. И. Фоновая лексика, ее своеобразие и связь с культурой // Лексика и культура. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1990. С. 124-129.

16. Paul H. Prinzipien der Sprachgeschichte. Tübingen: Niemeyer, 1995. 76 S.

17. Riesel E. Stilistik der deutschen Sprache. Moskau: Staatsverlag Hochschule, 1963. 137 S.

REFERENCES

1. Abkadyrova, I. R. (2015). Kognitivno-pragmatischeskiy potentsial meksikanskikh slov-realiy v romane H. Velasco «Diablo Guardián» [Cognitive and pragmatic potential of Mexican realia words in the novel by H. Velasco «Diablo Guardián»] In *Drevnyaya i Novaya Romaniya*. No 16. Pp. 1-11. (In Russ.).

2. Akhmanova, O. S. (1988). *Slovar lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russ.).

3. Vinogradov, V. S. (2001). *Vvedenie v perevodovedenie* (obshhie i leksicheskie voprosy) [Introduction to Translation Studies (general and lexical issues)]. Moskva: Izd-vo inst-ta obshh. sr. obr-iya RAO. (In Russ.).

4. Vlahov, S. I., Florin, S. P. (1980). *Neperevodimoe v perevode* [Untranslatable in translation]. Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russ.).

5. Donets, P. N. (2004) *Teoriya mezhkulturnoy kommunikatsii: spetsifika kulturnykh smyslov i yazykovykh form* [Theory of intercultural communication: specific features of cultural meanings and linguistic forms]. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni doktora filologicheskikh nauk. Volgograd. (In Russ.).

6. Kobozeva, I. M. (2000). *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic semantics]. Moskva: Editorial URSS. (In Russ.).

7. Lenets, A. V., Ovsienko, T. V. (2021). Dinamika lingvokulturnykh konstant v sovremennom nemetskoyazychnom prostranstve (Avstrii, Germanii, Shveytsarii) [Dynamics of linguistic and cultural constants in modern German-speaking society (Austria, Germany, Switzerland)]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. No 71. Pp. 70-90. (In Russ.).

8. Levchenko, M. N., Markaryan, N. V. (2020) Nemetskie realii i ikh funktsionalnyy potentsial v tekstakh raznykh stiley [German realia and their functional potential in texts of different styles]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Vol. 13. Iss. 8. Pp. 184-191. (In Russ.).
9. Lenets, A. V., Zaripova, A. N. (2018). Lingvokulturnyy i pragmaticheskiy aspekty ispolzovaniya terminov-realiy v mediynnykh soobshheniyakh o migratsii (na materiale mediynogo diskursa Germanii i Avstrii) [Linguistic, cultural and pragmatic aspects of the use of realia terms in media reports on migration (based on the media discourse of Germany and Austria)]. In *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika*. Vol. 8. Iss. 4(29). Pp. 73-81. (In Russ.).
10. Lyuksemburg, A. M. (2008). *Realii v nemetskom mediatekste: problemy lingvokulturologicheskogo osmysleniya i perevoda. Teoriya i praktika* [Realia in German media text: problems of linguistic and cultural understanding and translation. Theory and practice]. Rostov-na-Donu: Logos. (In Russ.).
11. Nelyubin, L. L. (2003). *Tolkovyy perevodovedcheskiy slovar* [Explanatory Translation dictionary]. Moskva: Flinta: Nauka. (In Russ.).
12. Panzhiev, N. P. (2021). Lingvokulturologicheskiy aspekt issledovaniya toponimov [Linguistic and cultural aspects of toponymic research]. In *Academic research in educational sciences*. Vol. 2. Iss. 7. Pp. 188-194. (In Russ.).
13. Sobolev, L. N. (1995). *O perevode obraza obrazom* [On translating an image by an image]. In *Voprosy khudozhestvennogo perevoda*. Moskva: Sovetskiy pisatel. Pp. 259-309. (In Russ.).
14. Tomakhin, G. D. (1997). *Realii v yazyke i kulture* [Realities in language and culture]. Moskva: Vyssh. shk. Pp. 13-18. (In Russ.).
15. Shumager, E. I. (1990). Fonovaya leksika, eyo svoeobrazie i svyaz s kulturoy [Background vocabulary, its originality and connection with culture] In *Leksika i kultura*. Tver: Tver. gos. un-t. Pp. 124-129. (In Russ.).
16. Paul, H. (1995). *Prinzipien der Sprachgeschichte*. Tübingen: Niemeyer.
17. Riesel, E. (1963). *Stilistik der deutschen Sprache*. Moskau: Staatsverlag Hochschule.

Овсиенко Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры немецкой филологии Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации (e-mail: tvovsienko@sfedu.ru), Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет» 344006, Ростов-на-Дону, Университетский, 93

Ovsienko Tatiana V. – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of German Philology Department of Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication (e-mail: tvovsienko@sfedu.ru), Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Southern Federal University» 93, Universitetskiy, Rostov-on-Don, 344006

Ленец Анна Викторовна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой немецкой филологии Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации (e-mail: annalenets@sfedu.ru), Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет» 344006, Ростов-на-Дону, Университетский, 93

Lenets Anna V. – Doctor of Philology, Professor, Head of German Philology Department of Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication (e-mail: annalenets@sfedu.ru), Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Southern Federal University» 93, Universitetskiy, Rostov-on-Don, 344006

Поступила в редакцию 15 октября 2024 г.

DIE DEUTSCHEN ENTLEHNUNGEN IN DER RUSSISCHEN SPRACHE

Der Artikel setzt sich mit der Geschichte der deutschen Entlehnungen in der russischen Sprache, den Voraussetzungen und den Folgen dieser Prozesse auseinander. Dabei werden im Artikel die Bereiche der vorrangigen Verbreitung deutscher Wörter untersucht, und die Zeitperioden der Erscheinung deutscher Wörter in der russischen Sprache beschrieben.

Schlüsselwörter: die Entlehnung, das Verwendungsgebiet, die Verbreitung, der Begriff, die Bezeichnung, kulturelle Beziehungen, die Interaktion.

© 2024 E. V. Slepsova

GERMAN BORROWINGS IN THE RUSSIAN LANGUAGE

The article deals with the history of German borrowings in the Russian language, the pre-requisites and the consequences of these processes. At the same time, the article researches the areas of priority distribution of German words and describes the time periods of the German words appearance in the Russian language.

Key words: borrowing, area of use, distribution, term, appellation, cultural relations, interaction.

Kulturen interagieren eng miteinander, denn im Dialog bringt Kultur «das Verständnis von sich selbst näher, indem sie sich mit den Augen einer anderen Kultur betrachtet und dadurch eine ihrer Seiten und ihre Einschränkung überwindet. Es gibt keine einzelnen Kulturen – sie alle leben und entwickeln sich nur im Dialog mit anderen Kulturen» [Гойхман, 2016: 5]. Unsere Sprache ist lebendig und schlau: Was sie nicht hat, aber gut gebrauchen kann, borgt sie sich aus. Zum Beispiel: «Pizza» aus dem Italienischen oder «Coffee to go» aus dem Englischen. Solche Begriffe zeigen, dass sich verschiedene Sprachräume überlappen. Und sie zeigen noch viel mehr: Kulturen leben vom Austausch und sind keine «abgeschlossenen» Gebilde [Knapp, 2017].

Die russische Sprache ist deutscher als man denkt. Rund 450 Lehnwörter aus der deutschen Sprache sind im Russischen bekannt [Blask, 2019]. Die Entwicklung des Staates und seine Interaktion mit anderen Ländern in solchen Bereichen wie Sport, Wissenschaft, Kultur, Handel, Politik, Tourismus – all dies ermöglicht den Austausch von Ansichten, Entdeckungen und Wörtern und führt zwangsläufig zur Ergänzung der Staatssprache mit geliehenen Wörtern. Wenn sich die Entwicklung von Kultur, Kunst und Wissenschaft, insbesondere von Deutschland und Russland, weitergeht, ist der Austausch von lexikalischen Einheiten und deren Einfluss auf die Wortzusammensetzung der russischen Sprache offensichtlich.

Die **Aktualität** des Themas liegt daran, dass Deutsch als Fremdsprache in letzter Zeit zu Unrecht durch Englisch verdrängt wird. Aber viele Wörter, die wir für ursprünglich russisch

halten, sind deutsche Entlehnungen. Der Wortschatz der Sprache muss neue Wörter enthalten, um neue Dinge, Phänomene und Prozesse zu bezeichnen. Im Artikel werden die Bereiche der früheren Verbreitung deutscher Wörter untersucht, und es wird die Zeit des Durchdringens deutscher Wörter in die russische Sprache bestimmt.

Das **Ziel** der Untersuchung ist, die an den häufigsten verwendeten deutschen Lehnwörtern in russischer Sprache zu studieren.

Dazu sind die folgenden **Aufgaben** zu lösen:

1. Es ist zu beweisen, dass die Entlehnung ein wichtiger Weg der Sprachbereicherung ist.
2. Russische kulturelle, wirtschaftliche und historische Voraussetzungen, die das Eindringen der deutschen Wörter in die russische Sprache fördern, sind zu studieren; die Quellen der Entlehnungen sind zu identifizieren; der Prozess der Worterscheinung in der russischen Sprache in verschiedenen historischen Perioden ist zu beschreiben.

3. Es ist festzustellen, welche Veränderungen die entlehnten Wörter beim Übergang aus dem Deutschen ins Russische erlebten, die Bedeutung der Entlehnung als der Weise der Wortbildung im Russischen zu zeigen, die Bereiche der häufigsten Entlehnungen zu bestimmen.

Bei der Untersuchung wurde die **Methode** der etymologischen Analyse verwendet, da der Ursprung der lexikalischen Einheiten zugrunde liegt.

Das Entlehen von Wörtern aus Fremdsprachen wird als Sprachadoption bezeichnet [Haspelmath, 2009]. Das ist der natürliche Weg, um Sprachen zu bereichern. Als Entlehnungen werden entlehnte Wörter und Wortteile (Morpheme) bezeichnet, die von einer Sprache aus einer anderen genommen werden [Ожеров, 2020]. Die Entlehnung von fremdsprachigen Wörtern in verschiedenen Epochen hat auf die Geschichte unseres Volkes eingewirkt. Wirtschaftliche, politische, kulturelle Kontakte zu anderen Ländern, kriegerische Auseinandersetzungen beeinflussen die Sprachentwicklung. Schon im Altertum kommunizierten die Russen gerne mit den benachbarten Völkern, knüpften zu ihnen Kontakte an. Natürlich sind fremdsprachige Wörter im Laufe vieler Jahrhunderte durch lebhafte Kommunikation in die russische Sprache eingedrungen.

Wirtschaftliche, politische und kulturelle Verbindungen zwischen Deutschland und Russland existieren bereits seit dem 10.-12. Jahrhundert. Schon im Mittelalter gab es Handel zwischen Russland und dem Römischen Reich, der über Polen oder das Baltikum abgewickelt wurde. Gerade die Hanse spielte hier eine große Rolle, die durch ihre Niederlassung in Nowgorod ihre Handelsbeziehungen mit Russland ausbaute. So verstärkte sich ebenfalls der Kontakt zwischen den Deutschen und den Russen. Auch nach dem Mittelalter brach diese Verbindung nicht ab, russische Zaren förderten den Ausbau der Handelsbeziehungen und

bemühten sich schließlich noch um die Ankunft von Fachleuten aus dem Ausland, damit sie den Sprach austausch entwickelten [Botjes, 2022].

Die Beziehungen der beiden Völker wurden im 15. Jahrhundert unter Iwan III., im 17. Jahrhundert unter Zar Alexei Michailowitsch verstärkt. Die deutschen Experten hatten einen positiven Einfluss auf die Gestaltung der Ansichten und Persönlichkeit des jungen Peter I. Anschließend lud Peter I. aktiv deutsche Ingenieure, Ärzte und Offiziere zum Dienst nach Russland ein. Die Transformation aller Lebensbereiche unter Peter I., seine Reformen, die Fortschritte der Aufklärung, die Entwicklung der Wissenschaft – all dies trug zur Bereicherung des russischen Wortschatzes mit fremdsprachigen Wörtern bei. Es waren zahlreiche Namen von damals neuen Haushaltsgegenständen, militärische und maritime Begriffe, Wörter aus dem Bereich der Wissenschaft und Kunst.

Im 19. Jahrhundert war es in der russischen Gesellschaft typisch, deutsche Kurorte zu besuchen, Reisen zu Bildungszwecken zu unternehmen. Von solchen Reisen wurden in der Regel solche Wörter nach Hause gebracht wie *Kutscher, Bäcker, Maler, Kurort, Feuerwerk, Badewanne*. Aus der deutschen Sprache wurden solche Wörter geliehen wie *Butterbrot, Krawatte, Karaffe, Hut, Büro, Paket, Prozent, Buchhalter, Wechsel, Aktie, Agent, Lager, Stab, Kommandant, Junker, Werkbank, Nickel, Quarz, Salpeter, Wolfram, Kartoffel, Zwiebel*. Die Gründe für fremdsprachige Entlehnungen können außersprachlich und interlingual sein.

Der Einfluss der deutschen Sprache auf die russische Sprache war seit dem 16. Jahrhundert sehr bedeutend und erreichte im 18. und 19. Jahrhunderten ihren Höhepunkt. Zu dieser Zeit gibt es jedoch auch Kontakte der russischen Sprache mit anderen europäischen Sprachen. Die Entwicklung von mehrsprachigen Kontakten in der Petrinischen und Nachpetrinischen Zeit wird oft als «Kontaktvielfalt» bezeichnet. Nämlich diese Vielfalt der sprachlichen Beziehungen, die in einigen Fällen die Aneignung des entlehnten Wortreichtums der einen oder der anderen «Spendersprache» schwierig macht [Гарцуева, 2020: 25].

Die Gestalt von Deutschland nimmt in der russischen Kultur einen besonderen Platz ein: Europa wird in Texten russischer Denker am häufigsten in deutscher Gestalt dargestellt. Das Interesse Russlands für westliche, insbesondere deutsche Kultur, entstand in der Petrinischen Epoche und wird in späteren Zeiten in verschiedenen Interpretationen weiterentwickelt [Гребинник, 2005].

Mit den Problemen der Entlehnungen setzten sich viele inländische und ausländische Wissenschaftler auseinander: I. A. Baudouin de Courtenay, L. V. Ščerba, A. A. Reformatskij, T. G. Linnik, L. P. Krysin, N. V. Vaganova, L. V. Vasiljeva, J. N. Sorokin, V. M. Aristova, V. T. Klovov, V. A. Vinogradov, D. S. Lotte, A. E. Suprun, A. R. Timirgalejeva, G. G. Timofejeva,

A. Martine, L. Blumfeld, W. Weinreich, G. Paul, G. Schuchard, T. Kaufman, R. A. Appel, E. Haugen, S. G. Thomason usw. [Малыгин, 2018].

Außersprachliche Gründe der Entlehnungen:

1. Die Entlehnung eines Wortes zusammen mit der Entlehnung einer Sache oder eines Begriffs. *Das Auto, das Radio, das Kino, der Laser* sind mit ihren Bezeichnungen in die russische Sprache gekommen. Die meisten Kreditaufnahmen sind mit der Entwicklung von Wissenschaft, Technologie, Kultur und Wirtschaft verbunden. Die meisten Entlehnungen sind mit der Entwicklung von Wissenschaft, Technologien, Kultur und Wirtschaft verbunden.

2. Bezeichnung mit Hilfe eines fremdsprachigen Wortes einer besonderen Art von Objekten.

Interlinguale Gründe der Entlehnungen:

1. Die Tendenz zum Ersatz einer beschreibenden Bezeichnung durch eine Einwortbezeichnung: *das Hotel (отель statt гостиница для туристов), der Kurort (курорт statt местность, обладающая природными лечебными средствами), die Rundfahrt / die Tournee (турне statt путешествие по круговому маршруту)* usw.

2. Festigung der entlehnten Wörter in der Sprache mit einer bestimmten morphologischen Struktur.

Zu einer Entlehnung der Wörter kommt es mündlich durch Konversation oder schriftlich durch Bücher, Zeitungen, Anweisungen usw. Auf dem ersten Weg werden die entlehnten Wörter leichter aufgenommen und beherrscht, aber ein Teil verzerrt sich dabei. Beim zweiten Weg sind die entlehnten Wörter sowohl in ihrer Klangart als auch in ihrer Bedeutung originalnäher, behalten jedoch einige Merkmale bei, die der Phonetik und Grammatik der Leihsprache fremd sind.

Die Bereicherung des russischen Wortschatzes ging in zwei Richtungen:

1. Neue Wörter wurden aus den in der Sprache vorhandenen wortbildenden Elementen (Wortwurzeln, Suffixe, Präfixe) erstellt.

2. Neue Wörter kamen in die russische Sprache aus anderen Sprachen infolge der wirtschaftlichen, politischen und kulturellen Beziehungen zu anderen Völkern.

Laut N. Schanskij «wurde das von außen Genommene im Russischen verarbeitet, den Gesetzen der russischen Phonetik und Grammatik, den Regeln der russischen Wortbildung und des semantischen Systems folgend» [Шанский, 1985]. Beim Übergang der Wörter aus dem Deutschen ins Russische finden Integrationsprozesse statt.

Wörter können sich phonetisch, grafisch, grammatisch, lexikalisch integrieren.

Die phonetische Integration ist eine solche Entlehnung einer lexikalischen Einheit, bei der sich ihre Klangform entsprechend den phonetischen Merkmalen der Sprache, in die das Wort kommt, etwas verändert: *der Spinat, der Spion, die Schokolade*. Die Diphthonge der deutschen

Sprache bringen phonetische Korrekturen mit: *das Feuerwerk* (фейерверк); *die Nadelfeile* (надфиль), *das Fräulein* (фрейлина), *das Automobil* (автомобиль).

Wenn man über die Wörtermerkmale spricht, die aus der deutschen Sprache gekommen sind, muss man das unbetonte -er in Substantiven nennen: *der Buchhalter*, *der Gastarbeiter*, *der Riesenschauzler*, *der Feldscher* usw. Das deutsche [s] wird wie [c] ausgesprochen und das [e] wird reduziert: *die Reise* (пейс). Die Konsonanten werden im Russischen weich ausgesprochen: *der Rucksack* (рюкзак), *das Formular* (формуляр). Der Akzent fällt im Deutschen meistens auf die erste Silbe und im Russischen auf die zweite: *der Anschlag* (анишлэг), *der Bündestag* (Бундестэг).

Die grafische Integration eines entlehnten Wortes ist seine schriftliche Wiedergabe im russischen Alphabet: *der Jäger* (езерь). Fremdwörter, die sich in die russische Sprache integrieren, erhalten sofort eine russische grafische Gestalt.

Entlehnte Wörter, die jetzt zum Wortschatz der russischen Sprache gehören, unterliegen ihren grammatischen Normen. Einige deutsche Wörter erhalten russische Flexionen, die die Indikatoren des grammatikalischen Geschlechts sind: *die Bucht* (бухта), *die Rakete* (ракета). Bei der Entlehnung ändert sich gemäß dem im Wort vorhandenen Ende die Geschlechtskategorie. Daneben ändern viele Substantive des weiblichen Geschlechts, die aus dem Deutschen gekommen sind, wo sie den Endungsvokal -e haben, im Russischen -e durch -a, wobei sie ihr weibliches Geschlecht beibehalten: *Badewanne* (ванна), *Vase* (ваза), *Watte* (вата), *Kasse* (касса) usw.

Manchmal ändert sich das Geschlecht der entlehnten Substantive: *das Halstuch* (n) – галстук (m), *das Butterbrot* (n) – бутерброд (m), *die Klasse* (f) – класс (m), *die Losung* (f) – лозунг (m), *die Tomate* (f) – томат (m), *das Hospital* (n) – госпиталь (m).

Die wichtigsten Formen der lexikalischen Entlehnungen sind schriftliche / mündliche, direkte / indirekte, gleichzeitige (parallele) / zeitweilige, materielle / versteckte [Маринова, 2006]. Für jede Periode in der Geschichte der russischen Sprache ist eine eigene Kombination bestimmter Formen der Entlehnungen gekennzeichnet [Маринова, 2008].

Als lexikalisch integriert können Wörter nur dann gelten, wenn sie Dinge oder Phänomene nennen, die der russischen Realität entsprechen, wenn es nichts in ihrer Bedeutung gibt, was auf ihren fremdsprachigen Ursprung hinweisen könnte: *галстук*, *фартук*, *планка*, *стамеска*, *рубанок*, *локон*, *проба*.

Die Wortkombination ist im Deutschen eine sehr verbreitete Art, neue Substantive zu bilden. Das Wort kann mit einem anderen unmittelbar kombiniert werden (Substantiv + Substantiv): *die Kur* + *der Ort* = *der Kurort* (курорт), *das Feuer* + *das Werk* = *das Feuerwerk* (фейерверк),

das Wunder + das Kind = das Wunderkind (*вундеркинд*). Es können auch andere Wortkombinationen sein: (Adjektiv + Substantiv) grün + der Kohl = der Grünkohl (*зрюнколь, листовая капуста*); (Stamm des Verbes + Substantiv) leit + das Motiv = das Leitmotiv (*лейтмотив*); (Präfix + Substantiv) der Vorsatz (*форзац*), der Ablaut (*аблаум*); (Substantiv + Suffix) die Trauer (*траур*), das Fräulein (*фрейлина*) usw.

Viele Germanismen werden nach ihren Erfindern, Wissenschaftlern, Biologen usw. gebildet: *Дизель* (Diesel), *маузер* (Mauser), *ом* (Ohm), *рентген* (Röntgen), *герц* (Hertz) usw.

Einige Entlehnungen behalten ihre phonetischen und morphologischen Eigenschaften für eine lange Zeit bei. So bleibt in einer Reihe von Wörtern eine harte Aussprache der Konsonanten vor -e erhalten: *ателье, полонез, коктейль, майонез, термос*, einige entlehnte Substantive und Adjektive, die in die russische Sprache gekommen sind, ändern sich nicht: *жюри, кино, пальто, кофе, мини, пюссе*. Die Sprache strebt nach der Kürze. Ein entlehntes Wort kann die Mehrdeutigkeit eines Wortes beseitigen, aber gleichzeitig kann es seine besondere Bedeutung genauer zum Ausdruck bringen.

Die deutschen Entlehnungen werden in vielen Bereichen des Lebens verwendet:

1. Gesellschaft, Politik: *абонент, авторитет, адресат, аукцион, диктат, конференц-зал, лозунг, почтамт, фальш, шаблон, ярмарка*.
2. Finanzen: *банкир, банкрот, бухгалтерия, инвестиции, крах, марка, штраф*.
3. Kunst: *анилаг, вальс, гастроль, мольберт, тушь, ультрамарин, илягер, итрих*.
4. Militär: *адъютант, аксельбант, блицкриг, граната, ординарец, патронташ, плац, ранг, фельдмаршал, флаг, флагишток, флагман, фронт, итурм, юнга*.
5. Sport: *кегельбан, кегли, итанга*.
6. Lebensmittel: *бутерброд, глазурь, кольраби, марципан, ипинат, фенхель, трюфель*.
7. Geräte, Technik: *фотоаппарат, гарнитур, фейерверк, центрифуга, циферблат, илагбаум, илюз*.
8. Alltagsgegenstände: *дурилаг, кастрюля, кружка, папка, раниец, рюкзак, тарелка, фляга, иирма, иланг, инуур, кафель*.
9. Natur: *айсберг, бухта, дюна, крона, лавина, ландшафт*.
10. Medizin: *курорт, иприц, пластырь*.
11. Stoffe: *цемент, никель*.
12. Maße: *центнер, процент, штука*.

Von besonderem Interesse sind die Prozesse semantischer Wortänderungen während der gesamten Periode ihrer Existenz im System der russischen Sprache, die nicht nur in der Linguistik, sondern auch in verwandten Wissenschaften, die insbesondere die Beziehungen von

Sprache und Denken studieren, eine große theoretische und praktische Bedeutung haben [Володарская, 2024].

Nach all dem Gesagten kann man zur **Schlussfolgerung** kommen, dass die Entlehnung der Wörter aus dem Deutschen verschiedene Gründe hat: für die Bezeichnung der entlehrenden Gegenstände und Begriffe, für das Präzisieren der Bezeichnungen von ähnlichen Gegenständen, Werkzeugen. Bei der Entlehnung erleben die deutschen Wörter im Russischen phonetische, semantische und morphologische Veränderungen. Der Entlehnungsprozess ist in der Sprache unendlich, weil jedes Volk wirtschaftliche, politische, kulturelle und wissenschaftlich-technische Kontakte zu anderen Völkern hat. Die Entlehnungen sollen existieren, da keine Gesellschaft und keine Sprache isoliert sein kann. Und wenn eine Entlehnung rationell gebraucht wird, bereichert sie die Sprache, macht sie präzise und expressiv.

LITERATURVERZEICHNIS

1. Володарская Э. Ф. «Портрет» русского языка // Наука и жизнь. Москва, 2009. № 9. С. 30-31.
2. Гарцуева О. А. Влияние немецких заимствований на русский язык // Наука. Образование. Современность. Москва, 2020. № 3. С. 25-28.
3. Гойхман О. Я. Диалог культур // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. Москва, 2016. № 6. С. 5-7.
4. Гребинник Л. В. Процесс заимствования из немецкого языка на фоне взаимодействия двух культур // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология». Том 18 (57). 2005. № 1. С. 103-107.
5. Малыгин В. Т. Немецкие заимствования в русском языке: генезис и освоение // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2018. № 4. С. 180-192. Доступ: <http://www.tverlingua.ru>. (дата обращения: 19.10.2024).
6. Маринова Е. В. Заметки об основных формах заимствования // Вестник ННГУ. Серия Филология. Вып. 1 (7). 2006. С. 35-38.
7. Маринова Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI века: проблемы освоения и функционирования: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Москва: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 2008. 45 с.
8. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. Москва: «Мир и образование», 2020. 736 с.
9. Шанский Н. М. В мире слов: книга для учителя. 3-е изд., испр. и доп. Москва: Просвещение, 1985. 255 с.
10. Blask D. Deutsche Wörter im Russischen. 2019. Zugang: <https://lektorat-korrekturen.de/deutsche-woerter-im-russischen>. (abgerufen am: 17.10.2024).
11. Botjes F. Deutsche Wörter im Russischen. 2022. Zugang: <https://lidenz.com/de/deutsche-woerter-im-russischen>. (abgerufen am: 17.10.2024).
12. Haspelmath M. Lexikal Borrowing: Concepts and Issues. In: M. Haspelmath, U. Tadmor: Loanwords in the World's Languages. A Comparative Handbook. Berlin: De Gruyter, 2009. P. 35-54.
13. Knapp F. Kogge, General und Schlamm: deutsche Wörter im Russischen. Zugang: <https://hoou-russland.blogs.uni-hamburg.de>. (abgerufen am: 18.10.2024).

REFERENCES

1. Volodarskaya, E. F. (2009). «Portret» russkogo yazyka [The «portrait» of the Russian language]. In *Nauka i zhizn*. Moskva. No 9. Pp. 30-31. (In Russ.).
2. Gartsuyeva, O. A. (2020). Vliyanie nemetskikh zaimstvovaniy na russkiy yazyk [The influence of German loanwords on the Russian language]. In *Nauka. Obrazovanie. Sovremennost*. No 3. Pp. 25-28. (In Russ.).
3. Goykhman, O. Ya. (2016). Dialog kultur [Dialogue of cultures]. In *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika*. Moskva. No 6. Pp. 5-7. (In Russ.).
4. Grebinnik, L. V. (2005). Protsess zaimstvovaniya iz nemetskogo yazyka na fone vzaimodeystviya dvukh kultur [The process of borrowing from the German language against the background of the interaction of two cultures]. In *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsionalnogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya «Filologiya»*. Vol. 18 (57). No 1. Pp. 103-107. (In Russ.).
5. Malygin, V. T. (2018). Nemetskie zaimstvovaniya v russkom yazyke: genezis i osvoenie [Germanic borrowings in the Russian language: genesis and accustoming]. In *Mir lingvistiki i kommunikatsii: elektronnyy nauchnyy zhurnal*. No 4. Pp. 180-192. Available at: <http://www.tverlingua.ru>. (accessed: 19.10.2024). (In Russ.).
6. Marinova, E. V. (2006). Zametki ob osnovnykh formakh zaimstvovaniya [Notes on the main forms of borrowing]. In *Vestnik NNGU*. No 1 (7). Pp. 35-38. (In Russ.).
7. Marinova, E. V. (2008). *Inoyazychnye slova v russkoy rechi kontsa XX – nachala XXI veka: problemy osvoeniya i funktsionirovaniya* [Foreign language words in Russian speech of the end of the XX – beginning of the XXI century: problems of development and functioning]: avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk: 10.02.01. Moskva: Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN. (In Russ.).
8. Ozhegov, S. I. (2020). *Tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moskva: «Mir i obrazovanie». (In Russ.).
9. Shanskiy, N. V. (1985). *V mire slov: kniga dlya uchitelya* [In the world of words: teacher's book]. 3-e izd., ispr. i dop. Moskva: Prosveshchenie. (In Russ.).
10. Blask, D. (2019). *German words in Russian*. Available at: <https://lektorat-korrekturen.de/deutsche-woerter-im-russischen>. (accessed: 17.10.2024).
11. Botjes, F. (2022). *Deutsche Wörter im Russischen*. Available at: <https://lidenz.com/de/deutsche-woerter-im-russischen>. (accessed: 17.10.2024).
12. Haspelmath, M. (2009). Lexikal Borrowing: Concepts and Issues. In *M. Haspelmath, U. Tadmor: Loanwords in the World's Languages. A Comparative Handbook*. Berlin: De Gruyter, 2009. Pp. 35-54.
13. Knapp, F. *Kogge, general and mud: German words in Russian*. Available at: <https://hoou-russland.blogs.uni-hamburg.de>. (accessed: 18.10.2024).

Слепцова Евгения Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры романо-германских языков и методики их преподавания
(e-mail: slepzova_evgenia@mail.ru),
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»
390000, Рязань, Свободы, 46

Slepsova Evgeniya V. – Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of the Romano-Germanic Languages and Methods of their Teaching
(e-mail: slepzova_evgenia@mail.ru),
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ryazan State University named after S. Yesenin»
46, Svobody, Ryazan, 390000

Поступила в редакцию 21 октября 2024 г.

УДК 811.111'37'373.7

© 2024 Е. В. Трофимова, М. С. Болотова

АНТОНИМИЧНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: СЕМАНТИКА И РОЛЬ В ОТОБРАЖЕНИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА*

Статья посвящена анализу особенностей семантики антонимичных фразеологических единиц в английском языке. Представлены результаты исследования семантических и лингвокультурных особенностей фразеологических единиц в английском языке. Описаны факторы, повлиявшие на формирование английской языковой картины мира.

Ключевые слова: фразеологическая единица, антоним, языковая картина мира, семантика.

© 2024 E. V. Trofimova, M. S. Bolotova

ANTONYMIC PHRASEOLOGICAL UNITS IN ENGLISH: SEMANTICS AND ROLE IN REFLECTING THE LINGUISTIC WORLDVIEW

The article deals with the analysis of the peculiar antonymic phraseological units' semantics in English. The paper reveals the research results of semantic and linguacultural features of phraseological units in English. The factors shaping the English linguistic worldview have been described.

Key words: phraseological unit, antonym, linguistic worldview, semantics.

1. Введение

Данная статья посвящена исследованию особенностей семантики антонимичных фразеологических единиц (ФЕ) в английском языке. Антонимичные ФЕ традиционно классифицируются как отдельная подкатегория ФЕ. Исследуемые единицы используются в языке в связи с тем, что у говорящего появляется необходимость передать противоречивость окружающего мира.

В основе нашего исследования семантики ФЕ с оппозиционными значениями лежит теория А. В. Кунина, который полагает, что важной процедурой описания ФЕ является установление семантических групп, в которых употребляются те или иные ФЕ [Кунин, 2005: 160]. Например, ФЕ *let smb. go in peace* 'отпустить с миром' – *run fall of* 'переругаться в пух и прах', *make one's peace with smb.* 'помириться с кем-то' – *pull caps* 'поссориться', *make peace* 'помириться' – *be at loggerheads with smb.* 'поссориться, быть не в

* Исследование проводилось по теме государственного задания «Декодирование и интерпретация аксиологической семантики в славянских, германских, романских и кавказских лингвокультурах» (номер госрегистрации 124012400351-9).

ладах с кем-то' имеют в своих значениях общие семантические компоненты «поссориться – помириться» значит они могут быть определены в одну семантическую группу.

Данное исследование выполнено с позиции лингвокультурологии, которая изучает язык в тесной связи с культурой. В научной сфере существует множество работ, посвящённых анализу этого феномена в лингвистике (см., например, работы Е. Ф. Арсентьевой [Арсентьева, 1989], М. С. Гутковской [Гутковская, 2014], В. И. Карасика [Карасик, 2002], Р. А. Майтиевой [Майтиева, 2022]).

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что проблема фразеологической антонимии в английском языке изучена недостаточно хорошо, особенно в части критериев её выделения. Данная работа предлагает исследование семантических и лингвокультурных особенностей ФЕ в английском языке, а также выявление особенностей языковой картины мира, отражённых в английских фразеологизмах.

Объектом исследования являются антонимичные ФЕ в английском языке.

Предметом исследования служат семантические и лингвокультурологические особенности антонимичных ФЕ.

Материалом исследования послужили 450 ФЕ в английском языке, отобранных методом сплошной выборки из фразеологических словарей английского языка. Источниками фразеологизмов послужили такие фразеологические словари, как Англо-русский фразеологический словарь под ред. А. В. Кунина [Кунин, 2005], а также Cambridge Idioms Dictionary [Cambridge Idioms Dictionary, 2006]; Longman Idioms Dictionary [Longman Idioms Dictionary, 2000]; Oxford Dictionary of Idioms [Oxford Dictionary of Idioms, 2004]; McGraw-Hill's Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs [McGrawHill's Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs, 2005].

2. Результаты исследования

2.1. В структуре языка антонимы – слова, имеющие противоположные значения, занимают особое место. Антонимы являются важным аспектом системных отношений в словарном запасе языка, в данном случае английского. Современная лингвистика рассматривает синонимию и антонимию как крайние случаи, когда слова взаимозаменяемы и имеют противоположные значения. Синонимические отношения характеризуются семантическим сходством, а антонимические – семантическим различием. Как категория лексико-семантической системы языка, антонимия является лингвистически универсальной категорией: она встречается во всех языках, а ее единицы демонстрируют базовую структуру общего антонимического значения и высокую степень сходства в структурно-семантической классификации антонимов.

Согласно Лингвистическому энциклопедическому словарю, антонимы – «слова одной части речи, имеющие противоположные значения» [Ярцева, 1990: 137]. С учетом выражаемого типа противоположности антонимы можно подразделить на следующие классы:

1. Антонимы, выражающие качественный контраст. Они реализуют контрапунктическую оппозицию и выявляют постепенное противопоставление: «легкий» (простой, тривиальный) – «трудный» (сложный).

2. Антонимы, выражающие дополнительность (комплементарность). Шкала противоположностей представлена как две противоположности, дополняющие друг друга во множестве, так что отрицание одной из них передает смысл другой: «не + истинный» = «ложный».

3. Антоним, который выражает противоположную направленность действий, атрибутов и свойств энергии. Эта лингвистическая оппозиция основана на логически противоположных понятиях «входит» – «выходит», «горит» – «гаснет».

Д. Н. Шмелев определяет антонимы как слова, которые противоречат наиболее общему и основному семантическому признаку своего значения, поскольку находятся на крайнем конце соответствующей лексико-семантической парадигмы [Шмелев, 1977: 156].

Вполне естественно, что антонимия как семантическое противопоставление двух языковых единиц может наблюдаться и во фразеологии. По определению А. В. Кунина, под фразеологическими антонимами понимаются языковые единицы с противоположными значениями [Кунин, 2005: 150].

Американские и английские лингвисты, изучающие устойчивые словосочетания, характеризуют ФЕ как идиомы. Дж. Сейдл и У. Макморди определяют идиому как ряд слов, приобретающих определенное значение, отличное от значений его компонентов [Seidl, 1978: 67].

Фразеологическая антонимия определяется А. И. Алехиной как «тип семантической сочетаемости фразеологических единиц», который «составляет особую подсистему английской фразеологии».

Описывая основные характеристики фразеологической антонимии, А. И. Алехина отмечает, что основным семантическим признаком исследуемой лексикки является семантическое сходство, выраженное «семантической корреляцией» с противоположным значением, т. е. выражающим одно и то же общее понятие [Алехина, 1968: 25].

2.2. Национально-культурная специфика присутствует на всех языковых уровнях, но наиболее ярко она проявляется в языковых единицах, которые являются имманентными, и внутренняя форма которых отражает мировоззрение конкретной

этнической группы – ФЕ. Являясь фрагментом языковой картины мира, фразеология выражает материальную и духовную культуру, мышление и познание людей.

По мнению известного лингвиста В. Н. Телия, фразеологический состав языка – это «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание», именно фразеологизмы как бы навязывают носителям языка особое видение мира, ситуации. В. Н. Телия утверждает, что «образы, лежащие в основе фразеологизмов-идиом и связанных значений слова, в основной массе прозрачны для данной лингвокультурной общности, т. к. отражают характерное для нее мировидение и миропонимание, что и позволяет говорить о культурно-национальной специфике фразеологического состава языка, проявляющейся более ярко, чем в его словарном запасе» [Телия, 1996: 91].

Д. О. Добровольский отмечает, что фразеология является частью лингвистического мировоззрения. ФЕ отражают в своей семантике длительный процесс развития народной культуры, определяют культурные установки и передают их от поколения к поколению. Они являются словесным выражением не только окружающей человека действительности, но и национально сформированного духовного сознания [Добровольский, 1990: 40].

Фразеология, как никакая другая наука о языке, наиболее полно отражает всю специфику фольклора. ФЕ особым образом воссоздают, наряду со словами, языковую картину мира. Природа значения ФЕ тесно связана с фоновыми знаниями носителя языка, с практическим опытом личности, с культурно-историческими традициями народа, говорящего на данном языке.

В. А. Маслова пишет, что значение целого ряда базовых слов и ФЕ сформировалось на основе антропоцентрического понимания мира – голова колонны, горлышко бутылки, ножка стола, прибрать к рукам, палец о палец не ударить, на каждом шагу и др. Такие номинативные единицы создают культурно-национальную картину мира, в которой отражаются быт и нравы, обычаи и поведение людей, их отношение к миру и друг к другу [Маслова, 2001: 68].

Фразеологизмы содержат прямую или косвенную культурную информацию о повседневной жизни, религии, национальной материальной и духовной культуре и традициях языкового сообщества. Ф. Г. Фаткулина отмечает, что языковая картина мира создается разными красками, наиболее яркими являются мифологемы, образно-метафоричные слова, коннотативные слова и др. Наше миропонимание частично находится в плену у языковой картины мира. Каждый конкретный язык включает в себе национальную, самобытную систему, которая определяет мировоззрение носителей

данного языка и формирует их картину мира [Фаткулина, 2011: 1003].

Е. А. Шимко в своей статье отмечает, что именно в содержательной стороне языка явлена картина мира данного этноса, которая становится фундаментом всех культурных стереотипов. Ее анализ помогает понять, чем различаются национальные культуры, как они дополняют друг друга на уровне мировой культуры. При этом если бы значения всех слов были культурно-специфичны, то вообще было бы невозможно исследовать культурные различия. Поэтому занимаясь культурно-национальным аспектом, мы учитываем и универсальные свойства языковых единиц [Шимко, 2012: 350].

Отличие фразеологизмов от других номинативных единиц состоит в том, что первые всегда обращены на субъект. Они возникают не только для того, чтобы описывать мир, но и для его оценки, интерпретации и выражения субъективного отношения к нему.

Анализируя языковую картину мира, создаваемую фразеологизмами, можно выделить ее основной признак – антропоцентричность. Так, антропоцентричность картины мира выражается в ее ориентации на человека, т. е. человек выступает как мера всех вещей: близко – *under one's nose*, быстро – *in a blink of an eye*, *at breakneck speed*, иметь голову на плечах – *to have a head on one's shoulders* и т. д.

Система образов в языковом фразеологическом составе функционирует как определенная «ниша» для образа мира и связана с материальной, социальной или духовной культурой данного языкового сообщества, поэтому может быть выражением его культурного и национального опыта и традиций.

2.3. Анализ английских антонимичных ФЕ позволил выделить восемь семантических групп: Действия, Социальное положение и его оценка, Эмоциональное состояние, Межличностные отношения, Абстрактные понятия, Характер, Внешние физические качества и Умственные способности (см. табл.).

Таблица. Семантическая классификация антонимичных ФЕ

Семантическая группа	Кол-во ФЕ, ед. (%)	Примеры
1	2	3
1. Действия	85 (19)	<i>blow away the cobwebs</i> 'выйти прогуляться' – <i>keep the house</i> 'оставаться дома'
2. Социальное положение и его оценка	64 (14)	<i>dog's dinner</i> 'презренный человек' – <i>of much account</i> 'имеющий ценность, значение'
3. Эмоциональное состояние	55 (12)	<i>be up in the air</i> 'выйти из себя, взбеситься' – <i>hold one's own</i> 'держаться в руках'

Окончание табл.

1	2	3
4. Межличностные отношения	54 (12)	<i>make peace</i> 'помириться' – <i>be at loggerheads with smb.</i> 'поссориться, быть не в ладах с кем-то'
5. Абстрактные понятия, связанные с измерением уровня сложности	52 (12)	<i>as easy as pie</i> 'очень просто, проще пареной репы' – <i>double Dutch</i> 'китайская грамота'
6. Характер	51 (11)	<i>get the breeze out</i> 'трус' – <i>as game as a cocker</i> 'храбрец, бесстрашный'
7. Внешние, физические качества	47 (10)	<i>a long drink of water</i> 'высокий человек, долговязый' – <i>Tom Thumb</i> 'маленький человек, мальчик-с-пальчик'
8. Умственные способности	42 (10)	<i>all there</i> 'умный, смекалистый' – <i>for the birds</i> 'глупый, нелепый'
Всего	450 (100)	

С учетом полученных данных, представленных в таблице, наиболее многочисленной группой являются ФЕ, используемые для характеристики действий человека – 85 ФЕ, т. е. 19%.

ФЕ, используемые для характеристики действий человека, выражают:

1. Физическую активность: *blow away the cobwebs* 'выйти прогуляться' – *keep the house* 'оставаться дома';
2. Решение возникающих проблем: *beat about the bush* 'ходить вокруг да около' – *to come to the point* 'перейти к сути дела';
3. Приемы пищи: *be given to one's belly* 'объесться, придаваться чревоугодию' – *perish with hunger* 'умереть с голоду';
4. Взаимоотношения: *be off one's bargain* 'освободиться от сделки' – *drive a bargain* 'заключить сделку'.

Следующую в количественном плане группу составляют ФЕ, обозначающие социальное положение и его оценку, – 64 ФЕ, т. е. 14%. Данные ФЕ можно разделить на следующие подгруппы:

1. Положение человека в обществе: *dog's dinner* 'презренный человек' – *of much account* 'имеющий ценность, значение';
2. Семейное положение: *jump the broom-stick* 'жениться, выйти замуж' – *keep bach* 'вести холостяцкий образ жизни'.

ФЕ, обозначающие эмоциональное состояние – 55 ФЕ, т. е. 12%, также являются многочисленной группой. ФЕ, используемые для характеристики эмоционального состояния человека, выражают:

1. Реакцию на происходящее вокруг / непосредственно с человеком: *be up in the air* 'выйти из себя; взбеситься' – *hold one's own* 'держат себя в руках';
2. Темперамент человека: *cool as cucumber* 'невозмутимый; спокойный' – *of good cheer* 'веселый; полный жизни';
3. Эмоциональный фон человека: *flash one's ivories* 'смеяться от души' – *cry like a baby* 'горько плакать'.

Стоит отметить также группу ФЕ, обозначающую межличностные отношения – 54 ФЕ, т. е. 12%. Эти ФЕ можно разделить на следующие подгруппы:

1. Воздействие на другого человека: *bring smb. to terms* 'заставить кого-то согласиться на условия' – *come to terms* 'пойти на уступки';
2. Добросовестность по отношению к другим людям: *double cross* 'обман, надувательство' – *play square game* 'вести честную игру';
3. Оказание поддержки: *throw a monkey wrench into* 'мешать, вставлять палки в колеса' – *open a green signal* 'дать зеленый свет, разрешить'.

Нельзя не упомянуть многочисленную группу ФЕ, обозначающих абстрактные понятия, связанные с измерением – 52 ФЕ, 12%. Данные ФЕ делятся на следующие подгруппы:

1. Время: *in a good hour* 'вовремя' – *in an ill hour* 'не вовремя';
2. Количество: *no room to swing a cat* 'яблоку негде упасть' – *to mill the wind* 'переливать из пустого в порожнее';
3. Ценность: *worth its weight in gold* 'на вес золота' – *not worth an old song* 'грош цена'.

Следующую в количественном плане группу составляют ФЕ, обозначающие характер человека, – 51 ФЕ, т. е. 11%. Данные ФЕ можно разделить на следующие подгруппы:

1. Отношение к себе: *gentle as a lamb* 'кроткий как ягненок' – *hard as nails* 'закаленный; выносливый';
2. Отношение к окружающим: *a fighting cock* 'забияка; драчун' – *a poster boy* 'примерный мальчик';
3. Реакция на раздражители: *lose countenance* 'выйти из себя; потерять самообладание' – *be master of oneself* 'держат себя в руках'.

3. Выводы

Таким образом, как категория лексико-семантической системы языка антонимия является лингвистически универсальной категорией: она встречается в английском и русском языках, а ее единицы демонстрируют базовую структуру общего

антонимического значения и высокую степень сходства в структурно-семантической классификации антонимов.

Язык представляет собой не только средство общения и способ взаимодействия между людьми, но и сокровищницу знаний, накопленных человечеством. Антонимичные ФЕ занимают особое место в картине мира носителей языка, поскольку они неразрывно связаны с повседневной жизнью человека: его привычками, эмоциями, поведением, а также с обычаями и традициями общества, в котором он живёт. Это явление возникает в языке в связи с необходимостью отразить двойственную природу событий, которые происходят вокруг человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алехина А. И. Фразеологическая антонимия в современном английском языке: пособие. Челябинск. 1968. 41 с.
2. Арсентьева Е. Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц: на материале фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека в английском и русском языках. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1989. 123 с.
3. Гутовская М. С. Этноспецифичность фразеологической картины мира и факторы, ее порождающие // Вестник БДУ. Минск, 2014. Сер. 4. 2014. № 2. С. 50-52.
4. Добровольский Д. О. Сопоставительная фразеология (на материале германских языков). Владимир: ВГПИ, 1990. 80 с.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 389 с.
6. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. 3-е изд., стер. Дубна: Феникс +, 2005. 479 с.
7. Майтиева Р. А. Сопоставительный анализ антонимичных устойчивых словосочетаний русского и английского языков // Universum: филология и искусствоведение: электрон. научн. журн. Москва, 2022. Вып. 3 (93). Доступ: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/13259>. (дата обращения: 24.09.2024).
8. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. Москва: Академия, 2001. 208 с.
9. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва: Шк. «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
10. Фаткулина Ф. Г. Языковая картина мира как способ концептуализации действительности // Вестник Башкирского университета / ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет». Уфа, 2011. С. 1002-1004.
11. Шимко Е. А. О проблемах перевода фразеологических единиц // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. Красноярск: ФГБОУ ВПО «Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева», 2012. Вып. 4 (22). С. 349-354.
12. Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. Москва: Просвещение, 1977. 335 с.
13. Seidl J. English idioms and how to use them. Oxford: Oxford University Press, 1978. 157 p.

СПИСОК ЛЕКСИГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кунин А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь: ок. 20000 фразеол. 6-е изд., испр. Москва: Живой язык, 2005. 942 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. Москва: Сов. Энциклопедия, 1990. 683 с.
3. Cambridge international dictionary of idioms. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 504 p.
4. Longman Idioms Dictionary. Longman Ltd., 2000. 396 p.
5. Oxford Dictionary of Idioms. Second edition. Oxford: Oxford University Press, 2004. 340 p.
6. Spears Richard A. Dictionary of American idioms and phrasal verbs. Chicago: McGraw-Hill, 2005. 1080 p.

REFERENCES

1. Alekhina, A. I. (1968). *Frazeologicheskaya antonimiya v sovremennom angliyskom yazyke: posobie* [Phraseological antonymy in modern English: a handbook]. Chelyabinsk. (In Russ.).
2. Arsenteva, E. F. (1989). *Sopostavitelnyy analiz frazeologicheskikh yedinit: na materiale frazeologicheskikh yedinit, semanticheski orientirovannykh na cheloveka v angliyskom i russkom yazykakh* [Comparative analysis of phraseological units: based on the material of phraseological units semantically oriented to a person in English and Russian languages]. Kazan: Izd-vo Kazan. un-ta. (In Russ.).
3. Gutovskaya, M. S. (2014). Etnospetsifichnost frazeologicheskoy kartiny mira i faktory, eyo porozhdayushhie [Ethnospecificity of the phraseological picture of the world and factors generating it]. In *Vestnik BDU*. Minsk. Vol. 4. Pp. 50-52. (In Russ.).
4. Dobrovolskiy, D. O. (1990). *Sopostavitelnaya frazeologiya (na materiale germanskikh yazykov)* [Comparative phraseology (based on the material of the Germanic languages)]. Vladimir: VGPI. (In Russ.).
5. Karasik, V. I. (2002). *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd: Peremena. (In Russ.).
6. Kunin, A. V. (2005). *Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka*. 3d ed., ster. [Course of phraseology of the modern English language]. 3d ed., ster. Dubna: Feniks +. (In Russ.).
7. Maytieva, R. A. (2022). *Sopostavitelnyy analiz antonimichnykh ustoychivyykh slovosochetaniy russkogo i angliyskogo yazykov*. In *Universum: filologiya i iskusstvovedenie: elektron. nauchn. zhurn.* [Comparative analysis of antonymous set expressions of Russian and English]. Moskva. Vol. 3 (93). Available at: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/13259>. (accessed: 24.09.2024). (In Russ.).
8. Maslova, V. A. (2001). *Lingvokulturologiya: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedeniy* [Lingvoculturology: textbook for students of higher educational institutions]. Moskva: Akademiya. (In Russ.).
9. Teliya, V. N. (1966). *Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokulturologicheskiy aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moskva: Shk. «Yazyki russkoy kultury». (In Russ.).
10. Fatkulina, F. G. (2011). Yazykovaya kartina mira kak sposob kontseptualizatsii deystvitelnosti [Linguistic worldview as a way of conceptualisation of reality]. In *Vestnik Bashkirskogo universiteta. FGBOU VPO «Bashkirskiy gosudarstvennyy universitet»*. Ufa. Pp. 1002-1004. (In Russ.).
11. Shimko, E. A. (2012). O problemakh perevoda frazeologicheskikh yedinit [On problems when translating phraseological units]. In *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astafeva*. Krasnoyarsk: FGBOU VPO «Krasnoyarskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet im. V. P. Astafeva», 2012. Vol. 4 (22). Pp. 349-354. (In Russ.).

12. Shmelev, D. N. (1977). *Sovremennyy russkiy yazyk. Leksika* [Modern Russian language. Lexicon]. Moskva: Prosveshhenie.

13. Seidl, J. (1978). *English idioms and how to use them*. Oxford: Oxford University Press.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. Kunin, A. V. (2005). *Bolshoy Anglo-russkiy frazeologicheskiy slovar* [Unabridged English-Russian Phraseological Dictionary]. Moskva: Russkiy yazyk. (In Russ.).

2. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistic Encyclopaedic Dictionary]. In V. N. Yartseva (ed.). Moskva: Sov. Entsiklopediya, 1990. (In Russ.).

3. Cambridge international dictionary of idioms. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

4. Longman Idioms Dictionary. Longman Ltd., 2000.

5. Oxford Dictionary of Idioms. Second edition. – Oxford: Oxford University Press, 2004.

6. Spears, Richard A. Dictionary of American idioms and phrasal verbs. Chicago: McGraw-Hill, 2005.

Трофимова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии (e-mail: elenatrofimova_vl@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Trofimova Elena V. – Candidate of Philology, Associate Professor of English Philology Department (e-mail: elenatrofimova_vl@mail.ru), Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Болотова Мария Сергеевна – студент магистратуры кафедры английской филологии (e-mail: boloticm@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Bolotova Maria S. – Master Degree Student of English Philology Department (e-mail: boloticm@mail.ru), Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 01 октября 2024 г.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 811.111.134.2'373.7

© 2024 Д. А. Гармаш

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОНЯТИЯ «СПРАВЕДЛИВОСТЬ» В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ И ИСПАНОЯЗЫЧНОЙ КАРТИНАХ МИРА*

В статье рассматриваются сходства и отличия фразеологической репрезентации понятия «справедливость» в картинах мира англоязычного и испаноязычного лингвокультурных сообществ. Общими признаками в значении фразеологизмов в языках сопоставления являются: «справедливость как моральное качество»; «справедливое отношение»; «судебное разбирательство» и «наказание правонарушителя». Признак «справедливость» как качество человека обнаружен только в значении английских фразеологизмов.

Ключевые слова: справедливость, семантический объем, фразеологизм, код культуры, стереотип, эталон.

© 2024 D. A. Garmash

PHRASEOLOGICAL REPRESENTATION OF 'JUSTICE' IN ENGLISH AND RUSSIAN WORLDVIEWS

The article addresses similarities and differences of phraseological verbalization of the notion 'justice' in the English and Spanish worldviews. The similarity in phraseological representation manifests itself in such common semantic features as 'justice as a moral principle'; 'fair treatment'; 'litigation'; 'punishment of the offender'. Semantic feature 'justice' as a quality of a person is found only in the meaning of English phraseological units.

Key words: justice, semantic volume, phraseological unit, cultural code, stereotype, standard.

1. Введение

Статья посвящена описанию сходств и отличий фразеологической вербализации понятия *справедливость* в картинах мира англоязычного и испаноязычного сообществ.

Понятие *справедливость* носит междисциплинарный характер, потому как является одной из основополагающих нравственно-этических категорий [Есиева, 2020], предметом исследования философии [Васяев, 2021], социальной ценностью [Umarova, Shamileva, 2019], юридической ценностью [Ibragimov, 2023; Matantseva, 2019], социальным конструктом в правосудии [Пичугин, 2022], фактором укрепления идентичности [Колесникова, 2020], критерием ценности права [Петров, Жичкина, 2022], а также отождествляется с правосудием

* Исследование проводилось по теме государственного задания «Декодирование и интерпретация аксиологической семантики в славянских, германских, романских и кавказских лингвокультурах» (номер госрегистрации 124012400351-9).

[Андрейченко, 2019]. Оппозиция «справедливость / несправедливость» рассматривается в современном медиадискурсе как представление о ценностях и антиценностях [Руженцева, 2022], а также в выступлениях российских политиков [Цзэн, 2021].

Ценностное понятие *справедливость* активно изучается как на материале русского [Воркачев, 2018], английского [Воркачев, 2011a], немецкого [Ершова, 2021] языков, так и в работах сопоставительного характера на материале русского и английского [Воркачев, 2011b; Новоселова, 2015; Шатилова, Попова и др., 2021], русского и немецкого [Скачева, 2019] языков.

По мнению философа Дж. Ролза, *справедливость* является первой добродетелью общественных институтов, точно так же как истина – первая добродетель систем мысли [Rawls, 1999: 139]. В философском словаре понятие *справедливость* выступает категорией этики, права и социально-политических наук, фокусирующей общие нравственно-правовые формы условия совместной жизни людей, рассматриваемой под углом зрения сталкивающихся желаний, интересов, обязанностей [Кузнецов, 2005: 545]. Более того, *справедливость* соотносится с таким этическим понятием как золотое правило нравственности – одно из главных моральных требований, задающее принцип поведения по отношению к другим людям: не поступай с другими так, как ты бы не хотел, чтобы поступали с тобой, т. е. люди должны относиться друг к другу как равноценные [Некрасова, Некрасов и др., 2008: 36].

Актуальность данной работы обусловлена лингвокультурологическим и сопоставительным подходами к изучению семантических особенностей фразеологизмов, вербализующих понятие *справедливость* в таких разноструктурных языках, как английский и испанский.

В ходе анализа лексикографических источников было установлено, что семантический объем английского понятия *justice* ‘справедливость’ представлен восьмью признаками. Ядерными признаками являются: 1. **the system of judgement** ‘система правосудия’; 2. **the quality of being just** ‘справедливость как качество человека’; 3. **the fair treatment of people** ‘справедливое отношение к людям’; 4. **a judge in a court** ‘судья’ [NSEOD, OALD, Collins COBUILD]. К периферийным признакам, зафиксированным в NSEOD, относятся: 1. **judicial proceedings** ‘судебное разбирательство’; 2. **infliction of punishment on an offender** ‘наказание правонарушителя’; 3. **righteousness** ‘праведность’; 4. **conformity (of an action or thing) to moral right or to reason, truth, or fact**

‘соответствие (действия или явления) моральному праву, истине или факту’; 5. **a member of the Supreme Court of Judicature** ‘член Верховного суда’ [NSEOD].

В семантический объем понятия *justicia* ‘справедливость’ в испанском языке входят девять признаков. Ядерными признаками являются: 1. **principio moral que lleva a determinar que todos deben vivir honestamente** ‘моральный принцип, означающий, что каждый должен жить честно’; 2. **pena o castigo** ‘карательная мера или наказание’; 3. **poder judicial** ‘судебная власть’; 4. **persona o tribunal que administra justicia** ‘лицо или суд, осуществляющий правосудие’ [RAE, Diccionarios, WordReference]. Периферийными являются признаки: 1. **derecho, razón, equidad** [RAE, WordReference] ‘право, справедливость’; 2. **conjunto de todas las virtudes** [RAE] ‘совокупность всех добродетелей’; 3. **lo que debe hacerse según el derecho o la razón** [RAE, WordReference] ‘то, что должно быть сделано в соответствии с правом или по справедливости’; 4. **virtud cardinal que consiste en someterse a la voluntad y supremo juicio de Dios** [RAE, Diccionarios] ‘основная добродетель, состоящая в том, чтобы подчиниться воле и высшему суду Бога’; 5. **ejercicio del derecho y aplicación de las leyes por parte de tribunales, magistrados o conjunto de personas competentes** [Diccionarios] ‘осуществление права и применение законов судами, судьями или всеми компетентными лицами’.

Объектом данного исследования является понятие *справедливость*, репрезентированное фразеологическими средствами в английском и испанском языках.

Предметом исследования выступают семантические и лингвокультурологические особенности анализируемых фразеологизмов.

Целью работы является описание сходств и отличий вербализации исследуемого понятия в английской и испанской фразеологических картинах мира.

2. Методологические основы и материал исследования

Изучение кодов культуры и их реализация в языке находит отражение во многих работах по лингвокультурологии. Так, в фокусе внимания находятся различные подходы к определению понятия *код культуры*, а также классификации кодов [Изотова, 2020; Маслова, 2022; Савицкий, Черкасова, 2023], рассмотрение кодов культуры в авторской картине мира [Пименова, Алаева, Бекмурзаева, 2021], репрезентации различных культурных кодов во фразеологической системе русского [Гудков, 2018], английского [Бессонова, Трофимова, 2018] языков, а также в работах сопоставительного характера [Бессонова, Войтенко, 2023; Тагаев, 2023].

Согласно В. В. Красных, коды культуры универсальны, однако их проявления, а также метафоры, в которых они реализуются, всегда национально детерминированы

и обуславливаются конкретной культурой [Красных, 2003: 146]. Коды культуры «образуют» систему координат, которая содержит и задает **эталоны** культуры, которые понимаются как мера, в соответствии с которой оцениваются те или иные феномены. Выделенные в образе ФЕ признаки (функции, размер) реалий, соотносимых с кодами культуры, выполняют роль **символов**. О **стереотипах** речь идет тогда, когда сочетание реалий играет роль образца каких-либо действий. Данный подход к исследованию фразеологизмов отражен в Большом фразеологическом словаре русского языка, разработанном В. Н. Телия и коллективом авторов [БФСРЯ, 2012]. Рассмотрение кодов культуры направлено на выявление и описание культурно значимой информации, заложенной в образную структуру фразеологизмов, соотносимой в языке с метафорой, метонимией и т. д.

Материал исследования составили 70 английских и 53 испанских фразеологических единиц (ФЕ), репрезентирующих понятие *справедливость*, отобранных из современных фразеологических и толковых словарей.

В корпус языкового материала вошли фразеологизмы, в значении которых актуализируются ядерные и периферийные признаки, составляющие семантический объем понятия, например, англ. *to give as good as one gets* ‘оплатить той же монетой’, исп. *al justo medio* ‘справедливо, по справедливости’.

В корпус включены ФЕ не только со структурой словосочетания, но и со структурой предложения, являющиеся пословицами и поговорками, например, англ. *Turnabout is fair play* ‘Что посеешь, то пожнешь’, исп. *Con las que repican, doblan* ‘Как аукнется, так и откликнется’.

Рассмотрения также заслуживают языковые единицы, являющиеся фразеологическими антонимами, вербализующими отрицательный полюс оппозиции ценность / антиценность. Такими единицами являются, например, англ. *to be hard done by* ‘испытывать к себе несправедливое отношение’ – *to be or feel unfairly treated / to do smb. (smth.) justice* ‘воздавать должное, оценить кого-л. по справедливости’ – *treat or represent someone or something with due fairness or appreciation.*; исп. *de justicia* ‘справедливо, по всей справедливости’ – *debidamente, según justicia y razón / ley del embudo* ‘беззаконие, несправедливость’ – *ley que se emplea con desigualdad, aplicándola estrictamente a unos y ampliamente a otros.*

3. Результаты исследования

3.1. Семантические особенности ФЕ, объективирующие понятие *справедливость*, представлены в таблице следующим образом:

– ядерные и периферийные признаки понятия, реализуемые в значении анализируемых ФЕ;

– признаки фразеологических антонимов.

Таблица. Семантические особенности фразеологической репрезентации понятий *justice* и *justicia*

Тип семантического признака	Наименование признака		Кол-во ФЕ	
	англ. яз.	исп. яз.	англ. яз.	исп. яз.
1. Ядерный признак понятия <i>justice / justicia</i> , реализуемый в значении ФЕ	the fair treatment of people ‘справедливое отношение к людям’	pena o castigo ‘карательная мера или наказание’	18 (26%)	11 (21%)
	system of judgement ‘система правосудия’	principio moral que lleva a determinar que todos deben vivir honestamente ‘моральный принцип, означающий, что каждый должен жить честно’	3 (4%)	5 (9%)
	the quality of being just ‘справедливость как качество человека’		2 (3%)	
2. Периферийный признак понятия <i>justice / justicia</i> , реализуемый в значении ФЕ	infliction of punishment on an offender ‘наказание правонарушителя’	lo que debe hacerse según el derecho o la razón ‘то, что должно быть сделано в соответствии с правом’	24 (34%)	21 (40%)
	judicial proceedings ‘судебное разбирательство’	ejercicio del derecho y aplicación de las leyes por parte de tribunales, magistrados o conjunto de personas competentes ‘осуществление права и применение законов компетентными лицами’	3 (4%)	4 (8%)
3. Признаки фразеологических антонимов	+	+	20 (29%)	12 (22%)
Всего			70 (100%)	53 (100%)

3.2. Культурное кодирование фразеологизмов, вербализующих понятие *справедливость* в английском и испанском языках.

Ряд ФЕ, репрезентирующих понятие *справедливость* в анализируемых языках, имеют сходный компонентный состав:

1) полные эквиваленты в двух языках (англ. *an eye for an eye and a tooth for a tooth*, исп. *ojo por ojo (diente por dientes)* ‘око за око, зуб за зуб’);

2) частичные эквиваленты в двух языках (англ. *to pay smb. (back) in his own coin*, исп. *pagar con (en) la misma moneda* ‘платить той же монетой’);

3) фразеологические аналоги с разной структурно-грамматической организацией, но с похожим компонентным составом (англ. *to hold the scales even (true)*, исп. *como la balanza* ‘быть беспристрастным, справедливым’).

Однако компонентный состав большинства исследуемых фразеологизмов отличается, и его рассмотрение позволяет проанализировать особенности ФЕ в кодах культуры, которые понимаются как «сетка, которую культура ‘набрасывает’ на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его» [Красных, 2002: 232].

3.2.1. Изучение компонентного состава английских фразеологизмов, обозначающих понятие *justicia* ‘справедливость’, позволило выделить следующие коды культуры:

1) **духовно-нравственный:** ФЕ *to be on the side of the angels* ‘быть на стороне праведников, быть поборником справедливости’) дефинируется как ‘supporting the good side’ [AHDI]; ‘if someone is on the side of the angels, they are doing or supporting what is morally right’ [CCALD]. Бенджамин Дизраэль впервые использовал ФЕ в 1864 году в речи о теории Дарвина о том, что человек происходит от обезьян: «Вопрос в том, является ли человек обезьяной или ангелом? Теперь я на стороне ангелов». Вскоре ФЕ получила более широкое использование, в частности на моральный взгляд. Образ фразеологизма через компонент *angel* ‘ангел’ соотносится с духовно-нравственным кодом культуры. В религиозном сознании ангел олицетворяет силы добра, озарения и просветления в невидимом мире. Согласно различным религиям, ангел – это сверхъестественное духовное существо, служитель Бога, исполнитель его воли и его посланец к людям. Фразеологизм выступает в роли эталона доброго, справедливого и морально совершенного человека;

2) **соматический:** ФЕ *to get it in the neck* (British English, informal) ‘получить взбучку’ означает ‘to be shouted at or punished because of something that you have done’ [OALDCE]; ‘if someone gets it in the neck they are punished or strongly criticized for something wrong that they have done’ [CCALD]. Переносное значение ФЕ получило широкое использование в Америке в конце 19го века. Соматический компонент *neck* ‘шея’ – жизненно важная, уязвимая часть человеческого тела, служащая соединением головы и тела, содержащая важные сосуды и нервы. Угроза шее метонимически означает угрозу телесной жизни человека. Происхождение ФЕ связано со старинной практикой

наказания, которая состояла в ударах в шею, с различными видами казни (через повешение, расстрел). Таким образом, *neck* 'шея' выступает переосмысленным образом беззащитности, уязвленности, а во фразеологизме представлен стереотип агрессивно-безжалостной расправы с кем-л., наказания, целью которого является осознать последствия дурного поступка;

3) **топонимический**: ФЕ *Jedburgh justice* 'суд после расправы' означает 'a justice in which trial comes after punishment, Scottish version of lynch law' [FD]. Jedburgh – шотландский пограничный город, в котором по приказу короля Джеймса VI в 17 веке казнили бандитов без суда. Образ фразеологизма образован путём метафоризации: топонимический компонент *Jedburgh* 'Джедбург' ассоциируется с отсутствием правосудия, быстрой расправой без суда и следствия. Фразеологизм содержит стереотипное представление об отсутствии правосудия;

4) **предметно-вещевой**: ФЕ *If the shoe (cap) fits, wear it.* (prov., British / American) 'Что заслужил, то и получай' дефинируется как 'if something (typically negative) applies to one, one should acknowledge it or accept responsibility or blame for it' [FD]; 'you say if the shoe fits when you are telling someone that unpleasant remarks which have been made about them are probably true or fair' [CCALED]. ФЕ возникла в начале 18-го века и первоначальным вариантом является *If the cap fits, put it on*. Фразеологизм содержит аллюзию на шутовской колпак. В современном английском языке более распространённым вариантом является *If the shoe fits, wear it*. Вероятно, этот вариант приобрел популярность благодаря сказке о Золушке, в которой принц искал её с помощью туфельки, потерянной на балу [АНДИ]. Образ фразеологизма через компонент *shoe* 'туфля' соотносится с предметно-вещевым кодом культуры, т. е. с совокупностью наименований предметов, одежды и т. д., функционирующих как знаки «языка» культуры. ФЕ содержит стереотипное представление о том, что необходимо нести ответственность за свои поступки.

3.2.2. Анализ компонентного состава испанских фразеологизмов, репрезентирующих понятие *justicia* 'справедливость', позволил выявить следующие коды культуры:

1) **духовно-нравственный**: ФЕ *sacarle el sambenito de encima a uno* 'оправдать кого-л., снять несправедливое обвинение с кого-л.' Антонимом является фразеологизм *colgarle / colocarle / ponerle a alguien el / un sambenito* (col.) 'acusar a alguien injustamente de algo o recordar a alguien únicamente por una mala acción, sin considerar sus virtudes' [DDFH]. *Sambenito* 'самбенито' была своего рода ризой или большой шерстяной накидкой, которую одевали на осужденных инквизицией. Это делали для того, чтобы осужденные покаялись, либо для публичного издевательства, чтобы предупредить народ о том, что этот человек осужден *el Santo Oficio* 'инквизиция'. Название самбенито, вероятно, связано

со святым Бенито, учредителем ордена бенедиктинцев. Это намек на монашескую рясу из грубой мешковины с ярким желтым колпаком и красным андреевским крестом. Лица, приговоренные к смертной казни, т. е. на костер: ведьмы, евреи, еретики и вероотступники, носили самбенито чёрного цвета [DDFH]. Компоненты *colgarle* 'одеть' / *sacarle* 'снять' соотносятся с деятельностным кодом культуры, а компонент *sambenito* 'самбенито' – с предметно-вещевым кодом. Надеть самбенито на кого-л. метафорически переосмысливается и используется в значении обвинения кого-л., а снять – напротив, означает оправдать кого-л., чаще всего несправедливо обвиненного. В образе ФЕ нашло дошедшее до наших времен представление о том, что преступника следует отметить специальным знаком. В целом фразеологизм отождествляется с духовно-нравственным кодом культуры, потому как содержит метафору, уподобляющую нравственные последствия дурного поступка знаку (специальному одеянию), характерным для осужденных инквизицией;

2) **соматический**: ФЕ *tomarse uno la justicia por su mano* 'отомстить за себя, самолично восстановить справедливость' означает 'aplicar por su cuenta una medida o castigo que cree merecidos' [RAE]; 'resolver un asunto personalmente, sin recurrir a los tribunales, lo que, generalmente, lleva a la venganza y a la violencia. Quien así obra se convierte en mano ejecutora, suplantando al juez' [DDFH]. Синонимичным фразеологизмом является *justicia catalana (por su mano)* 'самосуд', который означает 'se denomina así a la venganza que alguien ejerce por su cuenta a raíz de algún daño o perjuicio sufrido' [DDFH]. Происхождение ФЕ связано с жестокими репрессиями, которые войска каталонского авантюриста Роже де Флора, называемые *almogávares* 'средневековый солдат, в основном из Арагона, и, как правило, пехотинец, который входил в состав нерегулярных войск, специализирующихся на атаках и грабежах на территории врага', совершили после убийства своего военачальника. Роджер де Флор приехал со своими войсками в Константинополь, чтобы спасти императора Андроника II, преследуемого турками. Покончив с врагами Константинополя, Роже де Флор добился большой славы и признания до такой степени, что это стало представлять серьезную угрозу для императорской власти, что стало причиной его убийства. Впоследствии войска Роже жестоко и дико мстили и долго разоряли территории Восточной империи [DDFH]. Образ фразеологизма восходит к реальным историческим событиям, нашедшим отражение в испанском фольклоре. В образе фразеологизма лежит существующее национальное архетипическое представление о каталонской справедливости как о страшной, беспощадной и разрушительной силе. Компонент *mano* 'рука' метонимически замещает самого

человека и символизирует власть, т. е. кто-либо самостоятельно творит справедливость. Во ФЕ представлен стереотип поведения, связанного с возмездием за причинённый вред;

3) **зооморфный:** ФЕ *(dar) estocada por cornada* (coloq.) ‘как аукнется, так и откликнется’ определяется как ‘para denotar el daño que alguien recibe en el mismo acto de hacérselo a otro’ [RAE]. Происхождение ФЕ связано с терминологией тавромахии, т. е. состязания человека с быком. Как известно, коррида является не просто зрелищем, соревнованием для испанцев, а важным элементом культуры, воплощением испанского национального духа, который также нашел свое отображение и в языке. Термины тавромахии давно вышли за рамки профессионального употребления, обогатив разговорную речь различными метафорами. Компонент *estocada* (от сущ. *estoque* ‘шпага тореро’) ‘удар шпагой, рана, нанесённая шпагой’ соотносится с предметным кодом культуры, а *cornada* ‘удар рогом’ – с зооморфным кодом. Имеется в виду, что матадор шпагой убил быка, ранившего его рогом. Даная ФЕ является частью пословицы *Estocada por cornada, ni el toro ni yo no nos debemos nada* ‘Мы в расчете’ и, таким образом, выполняют функцию лаконизации речи. Во ФЕ представлен стереотип поведения, связанного с возмездием за причинённый вред;

4) **предметно-вещевой:** ФЕ *doblar la vara de la justicia* ‘судить несправедливо, с пристрастием’ дефинируется как ‘inclinarse injustamente en favor de alguien’ [RAE]. Компонент *doblar* ‘сгибать, складывать’ соотносится с деятельностным кодом культуры, а компонент *vara* ‘жезл’ – с предметно-вещевым. Компонент *vara* ‘жезл’ обозначает трость, которую раньше представители правосудия носили в качестве символа власти. Имеется в виду, что уполномоченное лицо (судья, губернатор) сложил жезл правосудия и, таким образом, вынес несправедливое решение, чаще всего в пользу кого-л. другого. ФЕ содержит стереотипное представление о несправедливом судебном решении, которое, вероятно, связано с продажным судьей. Интересно отметить употребление данного фразеологизма в романе «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» Мигеля де Сервантеса. Когда Санчо Панса назначают губернатором полуострова Баратария, Дон Кихот советует ему: «*Si acaso doblares la vara de la justicia, no sea con el peso de la dádiva, sino con el de la misericordia*». ‘Если когда-нибудь жезл правосудия согнётся у тебя в руках, то пусть это произойдёт не под тяжестью даров, но под давлением сострадания’.

4. Выводы

4.1. Сопоставительный анализ семантического объема лексем *justice* и *justicia* показывает, что эти лексемы имеют различный семантический потенциал. В семантический объем лексемы *justice* входят восемь признаков, а семантический объем лексемы *justicia* состоит из девяти признаков. Общими признаками в значении

фразеологизмов являются: **справедливость как моральный принцип; справедливое отношение; судебное разбирательств; наказание правонарушителя.** Универсальные черты, зафиксированные при сопоставительном анализе семантики английских и испанских фразеологизмов, обусловлены общезначимым характером ценности *справедливость*. Еще одна общая черта фразеологической вербализации заключается в том, что во фразеологизмах обоих языках объективированы ядерные и периферийные признаки понятия *справедливость*.

Отличием является то, что в английском языке наибольшей номинативной плотностью характеризуется признак **наказание правонарушителя**, а в испанском – **то, что должно быть сделано в соответствии с правом или по справедливости.** Признак **справедливость как качество** человека реализован только в значении английских фразеологизмов. В английском языке в отличие от испанского зафиксировано большее количество фразеологических антонимов (29% и 22% соответственно). В обеих лингвокультурах порицается **несправедливое отношение к кому-л., суд после расправы, судебная ошибка, избежание наказания, воспрепятствование правосудию, отмщение**, а в испанском языке также была отмечена ФЕ, называющая **нечестного судью**.

4.2. Изучение компонентного состава фразеологизмов, вербализующих понятие *справедливость*, позволило установить, что ряд фразеологизмов имеет полные, частичные эквиваленты, а также аналоги в анализируемых языках. Фразеологизмы с разным компонентным составом отличаются культурным своеобразием и представляют интерес с точки зрения исторических реалий, повлиявших на их происхождение. Например, происхождение проанализированных английских единиц связано с судами и практикой наказания в Америке конца 19-го века; с историческими событиями в Шотландии 17 века; со знаменитой сказкой о Золушке. Изучение фразеологизмов испанского языка позволило проследить связь происхождения и компонентного состава фразеологизмов с корридой, которая является национальным достоянием испанцев; с реальным историческим персонажем Роже де Флора; с испанской инквизицией; с одним из самых известных романов, написанном на испанском языке («Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» Мигель де Сервантес).

Отличительная особенность кодирования исследуемых фразеологизмов заключается в том, что в английском языке был выделен топонимический код культуры, а в испанском – зоонимический. Выделенные в образах ФЕ коды культуры позволили установить, что английские фразеологизмы содержат стереотипные представления о наказании, незаконном суде, об ответственности за свои поступки. Стереотипы,

отображенные в испанских фразеологизмах, связаны с отмщением, оправданием кого-л., несправедливым судебным решением. Также в образах ФЕ были выявлены эталоны: эталон справедливого и морально совершенного человека в английском языке и эталон поборника справедливости в испанском языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрейченко Л. С. Реализация справедливого правосудия через призму его социальной ценности // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 4. С. 22-27.
2. Бессонова О. Л., Войтенко Е. Ю. Особенности перевода природного культурного кода во фразеологической картине мира // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2023. № 73. С. 62-77.
3. Бессонова О. Л., Трофимова Е. В. Реализация кодов культуры в оценочных композитах-субстантивах английского языка // Учитель. Ученик. Учебник. 2018. С. 166-169.
4. Васяев А. А. Понятие справедливости в философии: правовой аспект // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Т. 10, № 3А. С. 234-243.
5. Воркачев С. Г. Справедливость в английской лексикографии: имя концепта // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2011а. № 13. С. 35-41.
6. Воркачев С. Г. Справедливость / несправедливость (на материале русской и английской лингвокультур) // Славянская концептосфера в сопоставительном освещении. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2011б. С. 357-369.
7. Воркачев С. Г. Усердней с каждым днем гляжу в словарь: справедливость в русской лексикографии // Русистика без границ. 2018. Т. 2, № 4. С. 20-27.
8. Гудков Д. Б. Мифологическая основа кодов культуры // Язык, сознание, коммуникация: Сборник статей посвящен юбилею заслуженного профессора МГУ имени М. В. Ломоносова Майи Владимировны Всеволодовой. Москва: МАКС Пресс, 2018. Вып. 60. С. 44-50.
9. Ершова Н. Б. Особенность репрезентации концепта СПРАВЕДЛИВОСТЬ на материале фразеологии немецкого языка // Сборник избранных статей по материалам научных конференций ГНИИ «Нацразвитие». Санкт-Петербург: ГНИИ «Нацразвитие», 2021. С. 45-47.
10. Есиева Ф. К. Справедливость как одна из основополагающих нравственно-этических категорий // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10. № 1А. С. 42-47.
11. Изотова Н. Н. К вопросу о прочтении «культурного кода» в лингвокультурологии // Культура и цивилизация. 2020. Т. 10, № 4А. С. 5-11.
12. Колесникова Г. И. Социальная справедливость как фактор гармонизации межэтнических отношений и укрепления общероссийской идентичности на постсоветском пространстве // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 11 (101). С. 168-177.
13. Красных В. В. Предметный код культуры в русском культурном пространстве // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы. Москва: 2003. С. 146-148.
14. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. Москва: ИТДГК «Гнозис», 2002. 284 с.
15. Кузнецов В. Г. Словарь философских терминов. Москва: ИНФРА-М, 2005. 731 с.
16. Маслова В. А. Код языка как пространство реализации культуры // Коммуникативные стратегии. Минск: Минский государственный лингвистический университет, 2022. С. 99-102.
17. Некрасова Н. А., Некрасов С. И., Садикова О. Г. Тематический философский словарь. Москва: МГУ ПС (МИИТ), 2008. 164 с.
18. Новоселова О. В. Языковая репрезентация категории справедливости

в переводческом аспекте // Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода. Нижний Новгород, 2015. № 5. С. 169-181.

19. Петров А. В., Жичкина С. Е. Справедливость как критерий ценности права // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 2 (68). С. 40-47.

20. Пименова М. В., Алаева С. А., Бекмурзаева Ф. Ш. Коды лингвокультуры в индивидуально-авторской картине мира А. А. Ахматовой // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2021. Т. 21. № 2. С. 81-91.

21. Пичугин В. Г. Справедливость как социальный конструкт в правосудии // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12. № 1А. С. 29-36.

22. Руженцева Н. Б. Справедливость и несправедливость: речевое представление ценностей и антиценностей в современном медиадискурсе (на материале печатных СМИ) // Политическая лингвистика. 2022. № 2 (92). С. 52-59.

23. Савицкий В. М., Черкасова Е. В. Культурные и лингвокультурные коды: теоретический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 12. С. 4352-4358.

24. Скачёва Н. В. Семантика концепта «справедливость» в образных фразеологизмах русского и немецкого языков // Litera. 2019. № 3. С. 62-66.

25. Тагаев М. Дж. Лингвокультурный код как способ аксиологического описания национально-культурного своеобразия языков // Научная мысль Кавказа. 2023. № 1. С. 108-117.

26. Цзэн Я. Справедливость / несправедливость в метафорах российских политиков // Litera. 2021. № 2. С. 69-76.

27. Шатилова Л. Г., Попова Л. Г., Бирюкова Е. В., Поташова А. А. Семантическая репрезентация концепта «справедливость» в значении «правда» в английском и русском языках // Современные тенденции в изучении европейских языков: этнокультурный, лингвопрагматический и дидактический аспекты: коллективная монография. Орехово-Зуево: Государственный гуманитарно-технологический университет. 2021. С. 75-82.

28. Ibragimov K. D. Justice as a Basic Legal Value // American Journal of Social and Humanitarian Research. 2023. 4 (2). Pp. 106-110.

29. Matantseva M. Justice As A Legal Value: Cultural And Philosophical Analysis // Revista San Gregorio. 2019. Pp. 115-125.

30. Rawls J. A theory of justice. Cambridge, MA: Belknap Press, 1999. 538 p.

31. Umarova Z., Shamileva R. To The Question Of Justice Being A Social Value // D. Karim-Sultanovich Bataev, S. Aidievich Gapurov, A. Dogievich Osmaev, V. Khumaidovich Akaev, L. Musaevna Idigova, M. Rukmanovich Ovhadov, A. Ruslanovich Salgiriev, M. Muslamovna Betilmerzaeva (Eds.), Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2019. Vol. 76. Pp. 3611-3616.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / И. С. Брилева, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, И. В. Зыкова, С. В. Кабакова, М. Л. Ковшова, В. В. Красных, В. Н. Телия. Москва: Ридерз Дайджест, 2012. 781 с. [БФСРЯ].

2. Collins COBUILD Advanced Learner's English Dictionary. Glasgow: HarperCollinsPublishers, 2003. 1712 p. [CCALED].

3. Diccionario de dichos y frases hechas / Buitrago J. Madrid: Espasa, 2012. 900 p. [DDFH].

4. Diccionarios. Available at: <https://www.diccionarios.com>. (accessed: 24.09.2024). [Diccionarios].
5. The American Heritage Dictionary of Idioms / Ammer Ch. Boston.: American Heritage, 1997. 190 p. [AHD].
6. The Free Dictionary. Available at: <https://idioms.thefreedictionary.com>. (accessed: 24.09.2024). [FD].
7. The New Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles / Brown L. Michigan: Clarendon Press, 1993. 3801 p. [NSOED].
8. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / Hornby A. S. Oxford: Oxford University Press, 2010. 1796 p. [OALDCE].
9. Real Academia Española. Diccionario de la lengua española. Available at: <https://www.rae.es>. (accessed: 24.09.2024). [RAE].
10. WordReference. Available at: <https://www.wordreference.com>. (accessed: 24.09.2024). [WordReference].

REFERENCES

1. Andreychenko, L. (2019). Realizatsiya spravedlivogo pravosudiya cherez prizmu ego sotsialnoy tsennosti [Realization of fair justice in terms of its social value]. In *Sudebnaya vlast i ugolovnyy protsess*. No 4. Pp. 22-27. (In Russ.).
2. Bessonova, O., Voytenko, E. (2023). Osobennosti perevoda prirodnogo kulturnogo koda vo frazeologicheskoy kartine mira [Translation of cultural codes expressed by idioms]. In *Mir lingvistiki i kommunikatsii*. No 73. Pp. 62-77. (In Russ.).
3. Bessonova, O., Trofimova, E. (2018). Realizatsiya kodov kultury v otsenochnykh kompozitakh-substantivakh angliyskogo yazyka [Implementation of culture codes in evaluative composites of English substantives]. In *Uchitel. Uchenik. Uchebnik*. 2018. Pp. 166-169. (In Russ.).
4. Vasyaev, A. (2021). Ponyatie spravedlivosti v filosofii: pravovoy aspekt [The concept of justice in philosophy: legal aspect]. In *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke*. Vol. 10, No 3A. Pp. 234-243. (In Russ.).
5. Vorkachev, S. (2011). Spravedlivost v angliyskoy leksikografii: imya kontsepta [Justice in English lexicology: concept's name]. In *Aktualnye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*. 2011a. No 13. Pp. 35-41. (In Russ.).
6. Vorkachev, S. (2011). Spravedlivost / nespravedlivost (na materiale russkoy i angliyskoy lingvokultur) [Justice / injustice (based on Russian and English linguocultures)]. In *Slavyanskaya kontseptosfera v sopostavitel'nom osveshenii*. 2011b. Pp. 357-369. (In Russ.).
7. Vorkachev, S. (2018). Userdny s kazhdym dnevny glyazhu v slovar: spravedlivost v russkoy leksikografii [Searching dictionaries more attentively day by day: justice in the Russian lexicography]. In *Rusistika bez granits*. 2018. Vol. 2, No 4. Pp. 20-27. (In Russ.).
8. Gudkov, D. (2018). Mifologicheskaya osnova kodov kultury [Mythological basis of culture codes]. In *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya: Sbornik statey posvyashen yubileyu zaslyzhennogo professora MGU imeni M. V. Lomonosova Mayi Vladimirovny Vsevolodovoy*. Moskva: MAKSS Press, Vol. 60. Pp. 44-50. (In Russ.).
9. Ershova, N. (2021). Osobennost reprezentatsii kontsepta SPRAVEDLIVOST na materiale frazeologii nemetskogo yazyka [Peculiar representation of the concept 'justice' based on the German phraseology]. In *Sbornik izbrannykh statey po materialam nauchnykh konferentsiy GNII «Natsrazvitiye»*. Sankt-Peterburg: GNII «Natsrazvitiye». Pp. 45-47. (In Russ.).
10. Esieva, F. (2020). Spravedlivost kak odna iz osnovopolagayushikh nravstvenno-eticheskikh kategoriy [Justice as one of the fundamental ethical categories]. In *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*. Vol. 10. No 1A. Pp. 42-47. (In Russ.).
11. Izotova, N. (2020). K voprosu o prochtenii «kulturnogo koda» v lingvokulturologii

[On interpreting «cultural codes» in linguoculturology]. In *Kultura i tsivilizatsiya*. Vol. 10, No 4a. Pp. 5-11. (In Russ.).

12. Kolesnikova, G. (2020). Sotsialnaya spravedlivost kak faktor garmonizatsii mezhetnicheskikh otnosheniy i ukrepleniya obsherossiyskoy identichnosti na postsovetском prostranstve [Social justice as a factor of harmonization of interethnic relations and strengthening of national identity in the countries of the former Soviet Union]. In *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*. No 11 (101). Pp. 168-177. (In Russ.).

13. Krasnykh, V. (2003). Predmetnyy kod kultury v russkom kulturnom prostranstve [Subject code of culture in the Russian cultural space]. In *Rusistika na poroge XXI veka: problemy i perspektivy*. Moskva. Pp. 146-148. (In Russ.).

14. Krasnykh, V. (2002). *Etnopsikholingvistika i lingvokulturologiya: Kurs lektsiy*. [Ethnopsycholinguistics and linguoculturology: course of lectures]. Moskva: ITDGK «Gnozis». (In Russ.).

15. Kuznetsov, V. (2005). *Slovar filosofskikh terminov* [Dictionary of philosophical terms]. Moskva: INFRA-M. (In Russ.).

16. Maslova, V. (2022). Kod yazyka kak prostranstvo realizatsii kultury [Language code as a space for culture realization]. In *Kommunikativnye strategii*. Minsk: Minskiy gosudarstvennyy lingvisticheskiy universitet. Pp. 99-102. (In Russ.).

17. Nekrasova, N. (2008). *Tematicheskii filosofskiy slovar* [Thematic philosophical dictionary]. Moskva: MGU PS (MIIT). (In Russ.).

18. Novoselova, O. (2015). Yazykovaya reprezentatsiya kategorii spravedlivosti v perevodcheskom aspekte [Language representation of the category of justice in translation aspect]. In *Aktualnye voprosy perevodovedeniya i praktiki perevoda*. Nizhniy Novgorod. No 5. Pp. 169-181. (In Russ.).

19. Petrov, A., Zhichkina, S. E. (2022). Spravedlivost kak kriteriy tsennosti prava [Justice as a criterion for the value of law]. In *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*. No 2 (68). Pp. 40-47. (In Russ.).

20. Pimenova, M. (2021). Kody lingvokultury v individualno-avtorskoy kartine mira A. A. Akhmatovoy [Linguocultural Codes in Anna Akhmatova's Individual Author's Worldview]. In *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsialnye nauki*. Vol. 21. No 2. Pp. 81-91. (In Russ.).

21. Pichugin, V. (2022). Spravedlivost kak sotsialnyy konstrukt v pravosudii [Justice as a social construct in law]. In *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*. Vol. 12. No 1A. Pp. 29-36. (In Russ.).

22. Ruzhentseva, N. (2022). Spravedlivost i nespravedlivost: rechevoe predstavlenie tsennostey i antitsennostey v sovremennom mediadiskurse (na materiale pechatnykh SMI) [Justice and Injustice: Speech Representation of Values and Anti-values in Modern Media Discourse (Based on the Material of Print Media)]. In *Politicheskaya lingvistika*. No 2 (92). Pp. 52-59. (In Russ.).

23. Savitskiy, V., Cherkassova, E. V. (2023). Kulturnye i lingvokulturnye kody: teoreticheskiy obzor [Culture and linguoculture codes: A theoretical review]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Vol. 16. No 12. Pp. 4352-4358. (In Russ.).

24. Skachyova, N. (2019). Semantika kontsepta «spravedlivost» v obraznykh frazeologizmakh russkogo i nemetskogo yazykov [Semantics of the concept justice in figurative phraseological units of Russian and German]. In *Litera*. No 3. Pp. 62-66. (In Russ.).

25. Tagaev, M. (2023). Lingvokulturnyy kod kak sposob aksiologicheskogo opisaniya natsionalno-kulturnogo svoeobraziya yazykov [Linguistic and cultural code as a way of axiological description of national and cultural identity of languages]. In *Nauchnaya mysl Kavkaza*. No 1. Pp. 108-117. (In Russ.).

26. Tszen, Ya. (2021). Spravedlivost / nespravedlivost v metaforakh rossiyskikh politikov

[Justice / injustice in the metaphors of Russian politicians]. In *Litera*. No 2. Pp. 69-76. (In Russ.).

27. Shatilova, L., Popova, L. G., Biryukova, E. V., Potashova, A. A. (2021). Semanticheskaya reprezentatsiya kontsepta «spravedlivost» v znachenii «pravda» v angliyskom i russkom yazykakh [Semantic representation of the concept «justice» in the meaning «truth» in English and Russian]. In *Sovremennye tendentsii v izuchenii evropeyskikh yazykov: etnokulturnyy, lingvopragmaticheskiy i didakticheskiy aspekty: kollektivnaya monografiya*. Orekhovo-Zuevo: Gosudarstvennyy humanitarno-tekhnologicheskiy universitet. Pp. 75-82. (In Russ.).

28. Ibragimov, K. (2023). *Justice as a Basic Legal Value*. In *American Journal of Social and Humanitarian Research*. 2023. 4 (2). Pp. 106-110. (In Eng.).

29. Matantseva, M. (2019). Justice As A Legal Value: Cultural And Philosophical Analysis. In *Revista San Gregorio*. 2019. Pp. 115-125. (In Eng.).

30. Rawls, J. (1999). *A theory of justice*. Cambridge, MA: Belknap Press. (In Eng.).

31. Umarova, Z. (2019). To The Question Of Justice Being A Social Value // In D. Karim-Sultanovich Bataev, S. Aydievich Gapurov, A. Dogievich Osmaev, V. Khumaidovich Akaev, L. Musaevna Idigova, M. Rukmanovich Ovhadov, A. Ruslanovich Salgiriev, M. Muslamovna Betilmerzaeva (Eds.). *Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism*. In *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. 2019. Vol. 76. Pp. 3611-3616. (In Eng.).

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. *Bolshoy frazeologicheskiy slovar russkogo yazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kulturologicheskiy kommentariy* [Large phraseological dictionary of the Russian language. Significance. Use. Cultural commentary] / I. S. Brileva, D. B. Gudkov, I. V. Zakharenko, I. V. Zykova, S. V. Kabakova, M. L. Kovshova, V. V. Krasnykh, V. N. Teliya. Moskva: Riderz Daydzhest, 2012. (In Russ.).

2. *Collins COBUILD Advanced Learner's English Dictionary*. Glasgow: HarperCollinsPublishers, 2003.

3. *Diccionario de dichos y frases hechas* / Buitrago J. Madrid: Espasa, 2012.

4. *Diccionarios*. Available at: <https://www.diccionarios.com>. (accessed: 24.09.2024).

5. *The American Heritage Dictionary of Idioms* / Ammer Ch. Boston.: American Heritage, 1997.

6. *The Free Dictionary*. Available at: <https://idioms.thefreedictionary.com>. (accessed: 24.09.2024).

7. *The New Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles* / Brown L. Michigan: Clarendon Press, 1993.

8. *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English* / Hornby A. S. Oxford: Oxford University Press, 2010.

9. *Real Academia Española*. *Diccionario de la lengua española*. Available at: <https://www.rae.es>. (accessed: 24.09.2024).

10. *WordReference*. Available at: <https://www.wordreference.com>. (accessed: 24.09.2024).

Гармаш Дарья Алексеевна – преподаватель
кафедры английской филологии
(e-mail: daria.garmash@list.ru),
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Донецкий государственный
университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Garmash Daria A. – Teacher of English
Philology Department
(e-mail: daria.garmash@list.ru),
Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education «Donetsk State University»
24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 02 октября 2024 г.

УДК 811.111.8'282/3(292.79)

© 2024 В. А. Дроздов

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ОЦЕНКИ В КАРИБСКИХ КРЕОЛЯХ НА АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ОСНОВЕ*

В статье представлены результаты исследования семантических особенностей репрезентации оценки во фразеологических единицах карибских креолей. Установлена роль компонентов со значением оценки в исследуемых креолях. Оценочное значение фразеологических единиц (далее ФЕ) может формироваться при наличии в составе ФЕ слов с негативной или позитивной коннотацией. Описаны ФЕ с фиксированной положительной и фиксированной отрицательной оценкой в карибских креолях.

Ключевые слова: фразеологическая единица, карибские креоли, заимствование, метонимия, фиксированная положительная / отрицательная оценка.

© 2024 V. A. Drozdov

PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE MEANING OF EVALUATION IN THE ENGLISH-BASED CARIBBEAN CREOLES

The article reveals the investigation results of semantic peculiarities' evaluation representation in phraseological units (PUs) of Caribbean creoles. We have disclosed the role of PUs' evaluation components of the above creoles. PUs' evaluation meaning can be formed, words with negative and positive connotation being present in the PUs. Fixed positive and fixed negative evaluation in Caribbean creoles' phraseological units has been described.

Key words: phraseological unit, Caribbean creoles, loan-word, metonymy, evaluation, fixed positive / negative evaluation.

1. Введение

Фразеологическая репрезентация оценки характерна для английского языка в совокупности его микросистем. Характерна она и для карибских креолей на англоязычной основе (далее ККАО). Креольские языки – языки, сформировавшиеся на основе пиджинов (не родных ни для кого, из говорящих на них) и ставшие родными (первыми) для определённого коллектива их носителей. На плантациях в бассейне Карибского моря смешение различных африканских народностей происходило в отрыве от имманентной культурной среды при сильном воздействии со стороны европейских традиций. Поэтому вновь образованные креольские общности не только в языковом, но и в культурном отношении отличались от тех народностей, в результате смешения которых они произошли [Дроздов, 2019: 41-42]. Данная статья посвящена описанию оценочного значения фразеологических единиц (далее ФЕ) карибских креолей на англоязычной

* Исследование проводилось по теме государственного задания «Декодирование и интерпретация аксиологической семантики в славянских, германских, романских и кавказских лингвокультурах» (номер госрегистрации 124012400351-9).

основе – тринидадо-тобагского и ямайского креолей. Объем выборки составил 1120 ФЕ: 480 ФЕ с положительной оценкой и 640 с отрицательной оценкой. При структурной однотипности креольские языки, характеризуются «оптимальным грамматическим строем, переносящим центр тяжести на синтаксические способы выражения грамматических значений. В них отсутствуют такие избыточные черты европейских языков как род, число, падеж у местоимений, сложные глагольные формы и т. п.) [Дьячков, 1987: 10-11]. Механизм оценочной фразеологической номинации основывается на закономерной связи дескриптивной и оценочной семантики во фразеологии. Оценочные фразеологические единицы являются важным способом представления знаний об окружающем мире.

Актуальность данного исследования обусловлена возрастающим интересом лингвистов к изучению фразеологических единиц с точки зрения их оценки и связи с национальной культурой. **Цель** данного исследования – определить структурно-семантические особенности оценочных ФЕ в карибских креолях на англоязычной основе.

Данной цели подчинено разрешение следующих **задач**: 1) сформировать корпус оценочных ФЕ в исследуемых креолях; 2) установить место оценочного компонента в структуре фразеологического значения; 3) выявить компоненты в составе ФЕ, которые способствуют формированию оценки в этих ФЕ.

Объект данной работы – исследование фразеологических единиц со значением положительных и отрицательных эмоций. **Предмет** – исследование особенностей оценочной семантики ФЕ, выражающих отрицательные и положительные эмоции в карибских креолях на англоязычной основе. **Материалом** исследования послужили полученные методом сплошной выборки оценочные фразеологические единицы в ККАО. Корпус ОФЕ данного исследования формировался на основе сплошной выборки из словарей карибских креолей: Dictionary of Caribbean English Usage by R. Allsop (1996), Dictionary of Jamaican English by F. G. Cassidy, R. B. Le Page (1967). **Методы исследования**: сопоставительный метод, метод фразеологической идентификации и фразеологического описания, метод компонентного анализа. **Методологической основой** данного исследования служила теория фразеологической оценки и концепция фразеологической номинации А. В. Кунина [Кунин, 1967; 1986] и В. Н. Телия [Телия, 1996]. Знаковыми исследованиями ФЕ, на которые опирается автор, являются следующие публикации: Н. Д. Арутюнова [Арутюнова 1988], Ш. Р. Басыров [Басыров 2019], Е. М. Вольф [Вольф, 1985], В. Н. Телия [Телия, 1981; 1996], Н. М. Шанский [Шанский, 1972].

2. Основная часть. Следует отметить, что во фразеологических исследованиях ККАО ещё не получили адекватного описания структурно-семантические особенности ФЕ, значение которых осложнено оценочным компонентом. В данном исследовании рассматривается фиксированная и нефиксированная оценка в ФЕ ККАО.

Фразеологическая единица – словосочетание, в котором сематическая монолитность (цельность номинации) довлеет над структурной раздельностью составляющих его элементов (выделение признаков предмета подчинено его целостному обозначению), вследствие чего оно функционирует в составе предложения как эквивалент отдельного слова [Ахманова, 2004: 503-504].

Фразеологическое сращение – разновидность фразеологической единицы, характеризующаяся наибольшей степенью семантической неделимости, спаянности, монолитности (глобальности) вследствие непродуктивности той синтаксической модели, по которой она построена [Ахманова, 2004: 504].

Фразеологическое сочетание – разновидность фразеологической единицы, которая, будучи построена по продуктивной модели, не обладает в отличие от единства полной семантической слитностью (семантической глобальностью). Она отличается от свободного сочетания лишь тем, что ее опорное слово употребляется в несвободном, фразеологически связанном значении, т. е. в таком значении, которое реализуется только в сочетании с данным набором лексических единиц; ср. фразеологическое единство / сращение [Ахманова, 2004: 504].

Оценка – это объективно-субъективное или субъективно-объективное отношение человека к объекту, выраженное языковыми средствами эксплицитно или имплицитно [Кунин, 1986: 155-156].

Н. А. Лукьянова считает, что оценочность, представляемая как соотносённость слова с оценкой, и эмоциональность, связываемая с эмоциями, чувствами человека, не составляют разных компонентов значения, они едины, как неразрывны оценки и эмоции на внеязыковом уровне. Положительная оценка может быть передана только через положительную эмоцию: одобрение, похвалу, ласку, восторг, восхищение и т. д., отрицательная оценка – через отрицательную эмоцию: неодобрение, неприятие, осуждение, досаду, раздражение [Лукьянова, 1976: 16].

Фиксированная отрицательная оценка [Телия, 1996] с обертонами неодобрения, иронии характерна для идиом типа:

2.1. ФЕ *kokte your leg* (Dmca, Trin) [AF–Joc] ‘сидеть, закинув ногу за ногу, когда другие работают’ (шутливое) // *cock ten* (Guyn) [DCEU, 1996: 333].

[Fr *coqueter* ‘to be stylish’ ‘быть модным, элегантным; быть выдержанным в определённом стиле’ > FrCr *kokte (your leg)*]. (It blended with the idea of showing ten toes: следует заметить, что от креольской ФЕ *kokte your leg* путём народной этимологии получилось контаминированная ФЕ *cock ten* (Guyn) [AF–Joc] ‘сидеть, закинув ногу за ногу, в то время, когда другие работают’ [досл.: ‘вскинуть десять (пальцев ног)’] [DCEU, 1996: 333].

Семантическое развитие Фр *coqueter* ‘быть модным, элегантным; быть выдержанным в определённом стиле’ вероятно вошло в качестве компонента в ФЕ FrCr *kokte (your leg)*. От ФрКр лексемы *kokte* путём народной этимологии была образована тринидадская ФЕ *cock ten* [досл.: ‘поднять десять (пальцев ног)’] [DCEU, 1996: 333]. Данный семантический процесс можно изобразить при помощи следующей записи:

Фр. *coqueter* ‘быть модным, элегантным; быть выдержанным в определённом стиле’ → ФрКр *kokte (your leg)* (Trin) ‘сидеть закинув ногу за ногу, когда другие работают’ → народная этимология ФЕ *cock te(n)* (Dmca, Trin) [досл.: ‘поднять десять (пальцев ног)’] → (Trin) *kokte (your leg)* // *cock ten* ‘сидеть закинув ногу за ногу в то время, когда другие работают’. Например:

He only want to sit do(w)ng and kokte his leg while everybody working. ‘Он только хочет сидеть, закинув ногу за ногу, когда другие работают’. Синонимичными для ФЕ *cock ten* в ямайском креоле являются ФЕ *chop ten* [Jmca] (досл.: срубить десятку), *cut ten* [Jmca] [DCEU, 1996: 159] (досл.: срезать десятку).

В данной ФЕ отрицательная оценка передана через отрицательную эмоцию: неодобрение, неприятие, осуждение. Эти эмоции «прочитываются» в самом значении ФЕ: *to sit with your legs crossed, when others are working* [DCEU, 1996: 159] ‘сидеть, закинув ногу за ногу, когда другие работают’. Данное словарное значение повторяется и в части предложения *sit do(w)ng and kokte his leg while everybody working* ‘сидеть, закинув ногу за ногу, когда другие работают’.

Синонимичными ФЕ с тем же значением ‘сидеть, закинув ногу за ногу, когда другие работают’ являются сравнительные ФЕ *sit like miss Priss* (Baha) [досл.: ‘сидеть как мисс Присс’], а также ФЕ *sit like miss Queensie* (Dmca) [DCEU, 1996: 159] [досл.: ‘сидеть как мисс Квинзи’].

2.2. Особенностью следующего варианта ФЕ *Sit down janm-an-kwa* ‘сидеть, закинув ногу за ногу, когда другие работают’ (Dmca, Trin) является наличие заимствованной лексической единицы *janm-an-kwa* (Fr. *jambes en croix* > FRCr *janm-an-kwa*) в её составе.

ФЕ французского языка *jambes en croix* (досл.:) ‘ноги крестообразно (сложенные)’; ‘(закинув) ногу за ногу’ была усвоена в том же значении во французско-креольском патуа в фонетически деформированном виде: *janm-an-kwa*. Из французско-креольского патуа она была заимствована в англоязычный тринидадо-тобагский креоль: *Sit down janm-an-kwa* (Dmca, Trin) [AF-Joc] [DCEU, 1996: 159] ‘сидеть, закинув ногу за ногу особенно, когда другие работают’.

Семантическое развитие производной тринидадской ФЕ от исходной ФЕ французского языка через посредство французско-креольского патуа можно представить в виде следующей формульной записи: Фр. *jambes en croix* ‘ноги крестообразно (сложенные)’ > ФрКр. *janm-an-kwa* ‘ноги крестообразно (сложенные)’ > ФЕ (Trin) *Sit down janm-an-kwa* ‘сидеть, закинув ногу за ногу, когда другие работают’.

Например: *Don't bother to sit there and cock off (yourself) as if somebody bound to feed you! Go and look for work!* (Trin) [DCEU, 1996: 159] ‘Не сиди, откинувшись в кресле как господин с важным видом, как будто кто-то тебя обязан кормить. Иди, ищи работу!’.

В приведённой ФЕ отрицательная оценка связана с эмоциями раздражения, недовольства, присутствующими в семе ФЕ *cock off yourself* ‘сидеть с важным видом, откинувшись в кресле, как господин’.

2.3. *Cock off (yourself)* (CarA) [AF] // *cock up your foot / feet* vb phr (CarA) ‘to sit with an air of importance; to recline esp. with the feet up in a lordly manner’ ‘сидеть с важным видом; откинуться (в кресле) с поднятыми ступнями ног словно господин’; ‘to relax with haughty indifference’ ‘высокомерно откинуться (в кресле). Например:

If I were retired I would go home and cock up my feet and be satisfied with whatever I got [DCEU, 1996: 159] ‘Если бы я отошёл от дел, я направился бы домой, высокомерно возлежал бы и был бы доволен тем, что имею’.

2.4. Фиксированная отрицательная оценка характерна для ФЕ *enough to make a dog sick* (adj. or adv. phr.) [AF] [DCEU, 1996: 218]. (especially of a dwelling place): *In an extremely filthy condition* (особенно о жилье) ‘в крайне запущенном состоянии’ (досл.: «даже у собаки вызовет тошноту»).

2.5. Перейдём к рассмотрению ямайской поговорки *change black dog for monkey* (to get no good out of an exchange; to be as badly off as before) [DJE, 1967: 98] ‘Не получить никакой выгоды в результате обмена’ (досл.: обменять чёрную собаку на обезьяну).

В британском Большом Оксфордском словаре (COED) говорится, что ‘во времена царствования королевы Анны ФЕ-жаргонизм *black dog* обозначал *a cant name for a bad shilling or other base silver coin* ‘неполноценный шиллинг или любую другую

неполноценную серебряную монету' (уст).

Приводятся примеры употребления ФЕ *black dog* 'фальшивая или неполноценная монета'. Все примеры приходятся на 1706-1724 г., т. е. на первую четверть XVIII века.

OED 1. 1706 Luttrell in Ashton Reign Q. Anne II. 225 *The Art of making Black Dogs, which are Shillings, or other pieces of money made only of Pewter, double Wash'd* [COED, 1993: 95/851] 'Искусство изготовления фальшивых монет, которыми являются шиллинги или другие монеты, изготовленные из сплава олова и свинца, подвергавшиеся двойной промывке'.

В словаре ямайского креоля [DJE, 1967: 48] говорится о том, что *black dog* – 'вероятно, серебряная монета, бывшая в ходу в Вест-Индии на протяжении XVIII века. У неё была самая низкая стоимость'.

В этом же словаре имеется помета о том, что 'слово *monkey* часто используется в расовом значении 'цветной', а ФЕ '*black dog*' – в значении 'абсолютно чернокожий человек'. *Monkey is often used as the symbol for a coloured man and 'black dog' for the full black* [DJE, 1967: 98].

Учитывая, что рассматриваемая поговорка построена на каламбуре, укажем каламбурно обыгрываемые значения в ней. *Change black dog for monkey*: 1. 'обменять цветного на черномазого'; 2. 'обменять неполноценный шиллинг на любую другую неполноценную монету' т. е. 'не получить никакой выгоды в результате обмена'.

В следующем примере, взятом из словаря ямайского креоля, 1925 Beckwith, 24. *black dog for monkey, changey fe changey* [DJE, 1967: 98] 'подразумевается, что зачастую перемена происходит к худшему'.

Таким образом, в данной ФЕ-поговорке заключена фиксированная отрицательная оценка.

2.6. Break biche (bish, buisse) vb phr (Gren, Tbgo, Trin) [IF] // Break / make lekol biche [DCEU, 1996: 97] (Gren, Trin, Tbgo) [IF] 'прогуливать уроки в школе'. Например:

In fact, while at school I use to break biche an go to swim near the Aquatic club [DCEU, 1996: 97] 'На самом же деле, обучаясь в школе, я обычно прогуливал занятия и ходил плавать возле клуба Водного спорта'.

Отметим, что в англоязычных креолях словоконечные двухсогласные стыки невозможны. Отсюда в приведенном примере союз *an* употребляется вместо *and*; *use to* – вместо *used to*.

He always making lekol biche – 10 o'clock Monday morning I see him kicking ball in the savannah 'Он всегда прогуливает школьные занятия. По утрам в понедельник в 10 часов утра я вижу, как он бьёт по мячу в саванне'.

Этимологическая справка: Фр *faire l'école buissonniere* 'прогуливать уроки' [Гак, Ганшина, 1997: 147] // *make lekol biche* // *break biche* (Trin) (досл.: 'посещать занятия в кустарниках'). 'Вероятно, лексема *buissonniere* происходит от диалектного слова *buisse* > *biche* 'кустарник; чаща', которое в качестве компонента включается в состав ФрКр ФЕ 'make lekol biche' [DCEU, 1996: 97]. Данный ФЕ чаще используется в сельской местности Тринидада (перевод наш).

При сравнении и градуировании класс объектов, обладающих определённым признаком, выстраивается по шкале оценок [Сэпир, 1985: 45]. Идиома *break l'école buissonniere* 'прогуливать уроки в школе' является нарушением нормы посещения школьных занятий. В данном случае оценка находится в отрицательной части шкалы и связана с формулой «только плохо» со знаком «-». Таким образом, установить наличие оценочной коннотации в структуре ФЕ возможно путём анализа её этимологии.

2.7. ФЕ *Be in bobol; make bobol* (ECar) vb phr (Tbgo, Trin) [AF / IF] – (of a company or government official) To be profitably involved in a network of fraud [*cynical, Joc-Derog*] [DCEU, 1996: 109] '(о правительственном чиновнике или о компании) быть вовлечённым в коррупционную схему' (шутливо-уничижительное; циничное).

В составе данной ФЕ имеется слово *fraud* 'обман; коррупция' с отрицательной коннотацией. Именно поэтому оценка находится в отрицательной зоне шкалы.

2.8. *France* n (CarA) [IF] (A euphemism for hell (often as an oath) [DCEU, 1996: 242]. *France* (CarA) [разг.] Эвфемизм для слова 'чёрт' (часто используемого в качестве ругательства). Например:

Boy, woman is France, yes! [A ref to France as the scene of doom and horror where many West Indians died in World War II]. 'Да, женщина – это ад'. [Подразумевается, что Франция – сцена смерти и ужаса, где многие солдаты из Вест-Индии погибли во II мировой войне].

Приведём примеры ещё некоторых ФЕ, в которых в британском варианте английского языка (далее БрА) предпочтительным было бы использование слова *hell*: *Get to France out of here!* 'Проваливай отсюда к чёрту!'; *play France with smb* 'погубить кого-либо'; *to France with that!* [DCEU, 1996: 242] 'К чертям со всем этим!'. В приведенных примерах, содержащих отрицательную оценку, оценки зоны «-» указывают на свойства объекта, хотя бы и вымышленные.

Отрицательная фиксированная оценка характерна для следующих ФЕ.

2.9. *Haiah and Kaiah and Buddy-born-drunk* phr (Jmca, Bdos) [AF – Joc] [DCEU, 1996: 278] // (сочинительное сочетание) *the duppy and the dog* (Jmca, Bdos) [AF] // *toute moune bakaila* (Jmca, Bdos, StLu) // *toute moune la, Sam Poochy and the Duppy* 'Первый

встречный; всякий, каждый, все без разбора; каждый встречный и поперечный; большая смешанная толпа, включающая всех без разбора’.

В этих ФЕ отрицательная оценка связана с наличием в этих оборотах следующих компонентов с отрицательной коннотацией: *Buddy-born-drunk* ‘малыш, зачатый в алкоголическом запое’, *Sam Poochy and the Duppy* ‘Сэм Пучи и злой дух’, (*Habra, Dabra and) the duppy and the dog* ‘злой дух и собака’.

Фиксированная отрицательная оценка характерна для следующих номинативных ФЕ:

2.10. *Be fresh and fast* (Gren); *(Be) fresh and forward* (BrVI); *be/play fresh (up) with yourself* (CarA) [AF/IF– derog] *be bold and impertinent* ‘быть решительным и наглым’; ‘to be sexually presumptuous or promiscuous [DCEU, 1996: 243] ‘вести беспорядочную половую жизнь’. Например:

What daughter is safe from the fresh (and forward) men cruising these streets looking for their own pleasure? [DCEU, 1996: 243] ‘Разве может чья-либо дочь быть в безопасности от наглых мужчин на улице, которые ищут с кем поразвлечься? *At Port Station the court heard D. B. – alledgingly admit having stolen women’s jewellery because they were too ‘fresh and fast’* [DCEU, 1996: 243] ‘В районе Порт Стейшен суд слушал Д.Б., который якобы признался в том, что украл драгоценности у женщин потому, что они вели беспорядочную половую жизнь’.

Фиксированная отрицательная оценка в вышеприведённых ФЕ связана с наличием лексических компонентов *the fresh (and forward) men* ‘наглые мужчины’; *they were too ‘fresh and fast* ‘вели беспорядочную половую жизнь’.

Фиксированная положительная оценка присуща идиоматическим ФЕ типа *coming to come* ‘идти в гору; проявлять признаки хорошего результата’. Например:

2.11. *Coming to come* [vb phr] (CarA) [AF] *Showing signs of improvement or of a good outcome* [DCEU, 1996: 165] ‘Проявляющий признаки улучшения или хорошего результата’.

Фиксированная положительная оценка предполагает состояние блаженства, хотя бы даже временного. Например:

2.12. ФЕ *In goat heaven* [Bdos, Gren] (*+and kiddy kingdom*) [adj phr] (Bdos) [AF – Joc] // *In hog heaven and John Crow paradise* [adj phr] [Belz], [DCEU, 1996: 289] ‘На седьмом небе; в состоянии (временного) большого счастья’ [антиофициальное – шутливое].

3. Выводы

3.1. Образность – один из источников формирования оценочного значения у ФЕ.

3.2. Эмоциональный характер ФЕ формируется в тесной взаимосвязи с формированием их образности в процессе метафорического переноса.

3.3. Оценочное значение ФЕ может формироваться при наличии в составе ФЕ слов с негативной или позитивной коннотацией, закреплённой в их значениях.

3.4. Установить наличие оценочной коннотации в структуре ФЕ возможно путём анализа её этимологии.

3.5. Оценка в ФЕ в карибских креолях может быть фиксированной положительной и фиксированной отрицательной.

В качестве перспективы дальнейшего исследования представляет интерес проблема фразеологической репрезентации нефиксированной и флуктуирующей оценки на материале карибских креолей.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ККАО – карибские креоли на англоязычной основе; ОФЕ – оценочные фразеологические единицы; JmCa – Ямайка; Trin – Тринидад.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. Москва: Наука, 1988. 341 с.
2. Басыров Ш. Р. Метафоры и метонимии в разноструктурных языках. Донецк: ДонНУ, 2019. 287 с.
3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. Москва: Наука, 1985. 223 с.
4. Дроздов В. А. Формирование словарного состава карибских креольских языков. Донецк: ДонНУ, 2019. 348 с. (Типологические, сопоставительные, диахронические исследования; Т. 18).
5. Дьячков М. В. Креольские языки. Москва: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1987. 106 с.
6. Кунин А. В. Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины // Англо-русский фразеологический словарь. Москва: Советская Энциклопедия, 1967. С. 1233-1264.
7. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. Москва: Высшая Школа, 1986. 336 с.
8. Лукьянова Н. А. О соотношении понятий экспрессивность, эмоциональность, оценочность // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск: Новосибирский гос. ун-тет, 1976. Вып. 5. С. 3-21.
9. Сэпир Э. Градуирование // Новое в зарубежной лингвистике. Москва: Прогресс, 1985. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. С. 43-78.
10. Телия В. Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. Москва: Наука: ИЯ АН СССР, 1981. 269 с.
11. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический лингвистический аспекты. Москва: Наука, 1996. 284 с.
12. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. Москва: Просвещение, 1972. 327 с.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Москва: УРСС, 2004. 576 с.
2. Гак В. Г., Ганшина К. А. Новый французско-русский словарь. 70000 слов. 3-е изд., испр. Москва: Рус. язык, 1997. 1195 с.
3. Allsopp R. Dictionary of Caribbean English Usage. Oxford University Press, 1996. 697 p. [DCEU].
4. Cassidy F. G., Page Le R. B. Dictionary of Jamaican English. Cambridge at the University Press, 1967. 487 p. [DJE].
5. Compact Oxford English Dictionary. Complete text reproduced micrographically. Clarendon Press. Oxford. Published in the USA by Oxford University Press, Inc. New York. Second edition, 1993. 2572 p. [COED].

REFERENCES

1. Arutyunova, N. D. (1988). *Tipy yazykovykh znacheniy. Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of language meanings. Evaluation. Event. Fact]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
2. Basyrov, Sh. R. (2019). *Metafori i metonimii v raznostrukturnykh yazykakh* [Metaphors and metonymies in the languages of different structure]. Donetsk: DonNU. (In Russ.).
3. Volf, E. M. (1985). *Funktsionalnaya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
4. Drozdov, V. A. (2019). *Formirovanie slovarnogo sostava karibskikh kreolskikh yazykov* [Formation of vocabulary in Caribbean Creole languages]. Donetsk: DonNU. (Tipologicheskie, sopostavitelnye, diakhronicheskie issledovaniya; Vol. 18). (In Russ.).
5. Dyachkov, M. V. (1987). *Kreolskie yazyki* [Creole languages]. Moskva: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury. (In Russ.).
6. Kunin, A. V. (1967). Osnovnye ponyatiya angliyskoy frazeologii kak lingvisticheskoy distsipliny [Basic concepts of English phraseology as a linguistic discipline]. In *Anglo-russkiy frazeologicheskiy slovar*. Moskva: Sovetskaya Entsiklopediya. Pp. 1233-1264. (In Russ.).
7. Kunin, A. V. (1986). *Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka* [A course in Modern English phraseology]. Moskva: Vysshaya Shkola. (In Russ.).
8. Lukyanova, N. A. (1976). O sootnoshenii ponyatiy ekspressivnost, emotsionalnost, otsenochnost [On the correlation of concepts expressivity, emotionalism, evaluation]. In *Aktualnye problemy leksikologii i slovoobrazovaniya*. Novosibirsk: Novosibirskiy gos. un-tet, Iss. 5. Pp. 3-21. (In Russ.).
9. Sepir, E. (1985). Graduirovanie [Grading]. In *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. Moskva: Progress. Iss. 16. Lingvisticheskaya pragmatika. Pp. 43-78. (In Russ.).
10. Teliya, V. N. (1981). *Tipy yazykovykh znacheniy. Svyazannoe znachenie slova v yazyke* [Types of language meanings. Phraseologically bound meaning of a word in language]. Moskva: Nauka: IYa AN SSSR. (In Russ.).
11. Teliya, V. N. (1996). *Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy lingvisticheskiy aspekty* [Russian Phraseology. Semantic, pragmatic, linguistic aspects]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
12. Shanskiy, N. M. (1972). *Leksikologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Modern Russian Lexicology]. Moskva: Prosveschenie. (In Russ.).

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. Akhmanova, O. S. (2004). *Slovar lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terminology]. Moskva: URSS. (In Russ.).
2. Gak, V. G., Ganshina, K. A. 1997. *Novyy frantsuzsko-russkiy slovar* [New French-Russian Dictionary]. 70000 slov. 3-e izd., ispr. Moskva: Rus. yazyk. (In Russ.).
3. Allsopp, R. (1996). *Dictionary of Caribbean English Usage*. Oxford University Press.
4. Cassidy, F. G., Page, Le R. B. (1967). *Dictionary of Jamaican English*. Cambridge at the University Press.
5. *Compact Oxford English Dictionary*. Complete text reproduced micrographically. Clarendon Press. Oxford. Published in the USA by Oxford University Press, Inc. New York. Second edition, 1993.

Дроздов Владимир Александрович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики перевода (e-mail: drozdov@donnu.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Drozdov Vladimir A. – Doctor in Philology, Reader, Professor of Translation Theory and Practice Department (e-mail: drozdov@donnu.ru), Federal State Budget Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk State University»
24, Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 07 мая 2024 г.

УДК 81'373.612:005

© 2024 А. В. Жерденовская

ОСОБЕННОСТИ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ В СФЕРЕ АВТОМОБИЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)*

В статье рассматривается метафорический перенос значения в автомобильной терминологии английского и русского языков, выясняются способы метафорического терминообразования сопоставляемых языков.

Ключевые слова: *термин, терминосистема, метафоризация, семантика, метафорический перенос, автомобильная терминология, метафорическая модель.*

© 2024 A. V. Zherdenovskaya

PECULIARITIES OF THE METAPHORIC NOMINATION IN THE SPHERE OF AUTOMOBILE TERMINOLOGY (BASED ON THE MATERIAL OF ENGLISH AND RUSSIAN)

The article considers metaphoric transference of meaning in automobile terminology in the English and Russian languages, means of the metaphoric terminology of the languages in comparison have been clarified.

Key words: *term, system of terms, metaphorization, semantics, metaphoric transfer, automobile terminology, metaphoric model.*

Введение. Стремление изучать языки в тесной взаимосвязи с сознанием, мышлением, практической деятельностью человека является важной особенностью современной лингвистики. Исследование процесса терминологизации позволяет выявить как та или иная сфера деятельности человека выражается в языке, каким образом она соотносится с окружающей действительностью, даёт возможность обозначить ассоциации, которые привели к образованию термина.

Таким образом, **актуальность** данной работы обусловлена общей направленностью современных лингвистических исследований на выяснение взаимосвязи языка и культуры, языка и мышления, а также недостаточной изученностью функционирования метафоры как способа выражения подобной взаимосвязи в сфере терминологии.

Метафорический перенос в терминологии достаточно редко становится объектом сопоставительного исследования. Однако именно этот метод исследования позволяет подробно осветить различные аспекты терминообразования в рассматриваемых языках.

По своей референтной соотнесённости научно-технические термины весьма

* Исследование проводилось в рамках НИР ДонГУ (номер госрегистрации 12411180021-7).

разнообразны и охватывают много областей. Автомобильная терминология – обширный, бурно развивающийся и важный с точки зрения коммуникации участок лексики современного английского языка, который до настоящего времени не рассматривался с точки зрения его структурно-семантических особенностей. Номинируемая этой терминологией отрасль техники в последнее время характеризуется бурным развитием.

Объектом исследования является автомобильная терминология в английском и русском языках, **предметом исследования** – метафорический перенос как один из способов образования автомобильных терминов в английском и русском языках.

Материалом исследования послужили лексикографические источники – толковые словари английского и русского языков, переводные англо-русские словари автомобильных терминов, среди которых «Новый англо-русский и русско-английский автомобильный словарь» под редакцией В. В. Комарова [Комаров, 2008], «Большой англо-русский автомобильный словарь под редакцией» В. Р. Лесова [Лесов, 1998], «Англо-русский словарь по автомобильной технике и автосервису», авторами которого являются Б. В. Гольд, Р. В. Кугель и С. А. Шершер [Гольд, Кугель, Шершер, 1999]. Кроме того, материал отбирался из английских и американских научно-технических изданий, статей, руководств по эксплуатации и ремонту автомобилей отечественного и зарубежного производства. В общем было проанализировано 212 автомобильных терминов в английском и русском языках, из них 153 термина английского языка и 110 терминов русского языка.

Методы исследования: метод семантического анализа, сопоставительный, метод контекстуального анализа, метод количественного анализа.

В области автомобильной промышленности в последние десятилетия наблюдается тенденция к укреплению рыночных и развития внешнеэкономических отношений. В связи с этим произошёл ряд существенных изменений в структуре терминоведения как научной дисциплины и его места в составе наук: изменился статус терминоведения, которое превращается в один из компонентов комплекса наук, включающего в себя теорию специального дискурса и ряд отраслевых дисциплин, таких, как язык бизнеса, медицины, судебный и т. д. [Гринёв-Гриневиц, 2012: 11].

Цель исследования – изучение метафоры как способа терминологической номинации и установление особенностей метафорического терминообразования в разноструктурных языках, которыми являются английский и русский.

Достижение поставленной цели предусматривает решение следующих **задач**:

– охарактеризовать языковую сущность термина, обозначить его специфику относительно общеупотребительного слова;

– установить частотность употребления метафорического переноса в автомобильной терминологии английского и русского языков, установить объекты метафоризации в терминообразовании рассматриваемых языков.

Различные проблемы терминоведения в разное время исследовались в трудах как отечественных, так и зарубежных учёных: О. С. Ахмановой [Ахманова, 2007], В. В. Виноградова [Виноградов, 1967], Г. О. Винокура [Винокур, 1939], Б. Н. Головина и Р. Ю. Кобрин [Головин, Кобрин, 1987], В. П. Даниленко [Даниленко, 1970], А. А. Реформатского [Реформатский, 2004], А. В. Суперанской [Суперанская, 2012], Дж. Лакоффа [Lakoff, 1980], Г. Фелбера [Felber, 1984] и многих других. В этих исследованиях термин определяется как сложная и противоречивая единица языка, конструируемая в процессе научного творчества. Термины рассматриваются как особый, быстро развивающийся слой лексики, образующийся и изменяющийся в соответствии с развитием знания.

Среди научных работ последних лет следует назвать работы Л. М. Алексеевой [Алексеева, 1998], Ш. Р. Басырова [Басыров, 2020], С. В. Гринёва-Гриневича [Гринёв-Гриневич, 2012], В. М. Лейчика [Лейчик, 2012], которые внесли большой вклад в изучение данной проблемы.

Вслед за В. М. Лейчиком считаем, что термин – это «лексическая единица определённого языка для специальных целей, обозначающая общее – конкретное или абстрактное понятие теории определённой специальной области знаний или деятельности» [Лейчик, 2012: 29]. Данная дефиниция подчёркивает специальный характер термина, термин представляется как элемент терминосистемы и является составной частью естественного языка. В нашем понимании термин – это лексическая единица, создающаяся для обозначения предметов, явлений, процессов, признаков, когнитивно и дискурсивно значимых лишь в особом семиотическом пространстве, обладающая конвенциональностью в употреблении и являющаяся членом определенной терминологической системы.

Исследователи подъязыков науки и техники отмечают тенденцию к систематическому отбору слов из общенародного языка, причём терминологизируются обычно самые «обыкновенные» слова. Семантический способ образования терминов из общенародных слов основан чаще всего на сужении значения слова или метафорических

переносах, то есть по сходству функции, формы, назначения, количественного признака, возникновения, внешнего вида, взаимосвязи компонентов, смежности понятий, часто в сочетании этих признаков [Журавлёва, 1998: 125].

Характерной чертой терминологизации является наличие какой-либо общей черты между объектом терминологизации и предметом, чьё название используется в качестве термина. Э. Ф. Скороходько считает, что перенос названия возможен лишь в случае наличия точки соприкосновения [Скороходько, 1980], поэтому семантический способ чаще всего используется для называния предметов, – ведь понятия о конкретных предметах всегда имеют больше точек соприкосновения.

1. Главная функция терминологической метафоры – номинативная. Метафора в терминологии появляется, прежде всего, для того, чтобы дать имя понятию, которое до этого не имело словесного определения.

Способность метафоры синтезировать конкретное и абстрактное, гипотетическое и реальное, образно представлять как реально осязаемые объекты, так и невидимые и даже несуществующие, делает её одним из самых популярных способов номинации в науке.

2. А. В. Суперанская и др. утверждают, что «термин лежит вне эмоционального плана», поэтому «образность может быть использована в терминологической номинации для особой мотивировки термина, для показа его отношений с другими терминами, а также именуемых вещей друг с другом» [Суперанская, 2012: 93]. Термин может быть экспрессивным, так как он является результатом вербализации человеческого мышления и в целом отражает человеческое сознание, которое подразумевает эмоции. В исследованиях некоторых учёных-лингвистов находит подтверждение мнение о том, что «термины могут выражать отношение говорящего к предмету речи и быть экспрессивными» [Прохорова, 1970: 153].

2.1. Метафорический термин, как и любое другое слово, образованное путём метафорического переноса, может иметь тесную связь с коннотативным аспектом значения, т. е., с эмоциональной, оценочной или стилистической окраской языковой единицы. Так происходит потому, что любой перенос не ограничивается использованием названия – вместе с именем переходит весь семантический объём, содержащийся в прототипе (слове, послужившем основой для переноса). Кроме того, одновременное объединение в языковом знаке его старых и новых гносеологических связей создаёт образность.

2.2. Все элементы коннотативности, образности терминологической метафоры ослаблены её вынужденной номинативностью, они находятся в подчинённой к её сигнификату позиции и имеют тенденцию к угасанию. Скорость этого процесса зависит от

степени используемости метафоры: чем чаще употребляется термин, тем менее явным становится связь с первичным источником номинации, тем быстрее исчезает двуплановость.

2.3. Все термины, образованные способом метафорического переноса, мотивированы. Внутренней формой метафорического термина является значение лексической единицы, использованной как материал для вторичной номинации. Прозрачная внутренняя форма обуславливает точность метафорического термина, его осмысленность, простоту запоминания, связь с родным языком.

3. Метафорические термины автомобильной промышленности не единичны, не случайны, а представляют собой систему, которая формируется в соответствии с определёнными семантическими моделями, представленными в английском и в русском языках несколькими тематическими группами.

Исследования, изучающие метафорические аспекты терминообразования, дают возможность сделать заключение о том, что базовыми понятийными областями в образовании терминов-метафор выступают человек, природа, фауна, флора, война, ландшафт, артефакты (ткань, пища, архитектура) [Мишанкина, 2012: 39].

Как замечает А. П. Чудинов, «человек метафорически создает (концептуализирует) действительность в виде некоего подобия своего тела и составляющих его органов, своих физиологических и иных действий и потребностей, своих генетических и иных связей с собственными родственниками [Чудинов, 2001: 60].

В таблице продемонстрирована частотность использования различных видов автомобильных метафор в терминосистемах английского и русского языков.

Таблица. *Виды метафорических автомобильных терминов в английском и русском языках и частотность их использования*

Тематические группы метафорических терминов	Английский язык		Русский язык	
	Количество	%	Количество	%
1. Зооморфная метафора	50	32,7	21	19,1
2. Антропоморфная метафора	56	36,7	36	32,7
3. Метафора, основанная на ассоциации с одеждой человека, её элементами и предметами быта	26	17	46	41,8
4. Метафора по ассоциации с объектами растительного мира	13	8,4	7	6,4
5. Национально-географическая метафора	8	5,2	—	—
<i>Всего</i>	<i>153</i>	<i>100</i>	<i>110</i>	<i>100</i>

3.1. Зооморфная метафора образуется на основе переосмысления зоонимов, которые являются источником создания метафоры во всех языках. В основе метафорического

переноса такого типа метафоры лежит семантический признак (внешнее сходство с животным или характерная для него черта), который переносится на наименование термина автомобильной промышленности.

В английском языке: *tail board* 'задний откидной борт', *butterfly bolt* 'барашковый болт', *dog bolt* 'откидной шарнирный болт', *fang* 'анкерный болт', *cockpit* 'кокпит', 'кабина', *worm-type steering gear* 'червячный рулевой механизм', *kangaroo* 'бронетранспортёр', *wing* 'крыло', *tail-light* 'задние фонари', *horn* 'сигнал', *crab bolt* 'сквозной анкерный болт', *spider wheel* 'колесо со спицами', *cock wheel* 'промежуточная шестерня', *caterpillar tube* 'гофрированная трубка', *midget truck* 'малогабаритный грузовой автомобиль', *herringbone tooth* 'шевронный зуб', *mongrel tire* 'шина с европейской маркировкой', *pit lizard* 'фанат автогонок', *goose eggs* 'идеальное время реакции на старте', *bull ring* 'короткий трек', *fishtail* 'занос задней части автомобиля', *butterfly* 'дроссельная заслонка', *caterpillar* 'гусеничный трактор', *zebra crossing* 'пешеходный переход типа «зебра»', *claw* 'клещи, грунтозацеп'.

В русском языке: *лебёдка*, *хвостовая часть*, *барашковый болт*, *крыло*, *лапка*, *зебра*.

Опишем один из примеров английского языка в соответствии с моделью «нечто – крыло». Данная метафорическая модель может быть отнесена к терминологическим образованиям, утратившим свой метафорический смысл. Первоначальный образ (крыло птицы) сменился образом техническим (крыло самолёта), далее – крыло автомобиля, т. е. часть его кузова. Метафора «нечто – крыло» в рамках естественно-научного дискурса стала исключительно номинативной, но в гуманитарном дискурсе возможно соотнесение этой модели с общеязыковой, получающей выражение в языковых сочетаниях.

However, in some racing contexts, such as Formula One, wings are used to generate downforce and improve the handling of the vehicle 'Однако, в некоторых видах автомобильных гонок, таких как Формула 1, крылья используют для создания прижимной силы и улучшения управляемости болида'.

В русском языке, например, термин *лебёдка* (грузоподъёмная машина) базируется на метафорическом использовании слова *лебедь*. По аналогии с тем, как лебедь вытягивает длинную шею, механическая лебёдка вытягивается, поднимая грузы.

3.2. Антропоморфная метафора. Значительная часть данной группы – метафоры, образованные на основе ассоциации с частями тела человека.

В английском языке: *arm* 'рычаг, рукоятка', *body* 'кузов', *eye bolt* 'болт с проушиной', *shoulder bolt* 'болт с буртиком', *wrist* 'палец (кривошипа, шатуна)', *jockey wheel* 'натяжной ролик', *cylinder head* 'головка цилиндра', *bladder* 'устройство, содержащее топливо', *tooth* 'зуб', *fuel nose unit* 'пистолет заправки топливом', *thief* 'пробоотборник для жидкостей',

baby ‘противовес, малый, маломощный’, *knee-action wheel* ‘колесо с коленчатым рычагом’, *tire toe-in wear* ‘износ при чрезмерном схождении колёс’, *external cheek break* ‘ленточный тормоз’, *neck* ‘цапфа’, *dual-throat carburetor* ‘двухдиффузорный карбюратор’, *valve chest* ‘клапанная колодка’, *jaw clutch* ‘кулачковая муфта’.

There are many types of car body styles ‘Существует много типов автомобильных кузовов’.

Изначальный образ кузова автомобиля как ‘тела’ тоже постепенно стёрся, но не утратил свою образность полностью. Кузов автомобиля, например, часто изображается подобным телу человека, с колёсами – ногами и руками, фарами – глазами и т. д.

В русском языке: *ус, ребро, плечо, зуб, глазок, ушко*.

Автомобильный термин русского языка *ребро* часто используется в технических текстах – ребро жёсткости, ребро рубашки охлаждения двигателя, и образован по аналогии с соответствующей частью человеческого скелета.

3.3. Метафора, основанная на ассоциации с одеждой человека и её элементами. К этой группе относятся метафоры, основанные на ассоциации с предметами, которые окружают человека и используются в быту.

В английском языке: *bed* ‘станина, рама’, *hairpin* ‘шпилька, поворот на 180 градусов’, *sleeve assembly* ‘цилиндро-поршневой комплект, гильза’, *bonnet* ‘капот’, *boot* ‘багажник’, *jacket* ‘рубашка охлаждения двигателя’, *apron* 1. ‘фартук’, 2. ‘мощёный участок гоночного трека, отделяющий гоночную поверхность от внутреннего поля’, *diaper* ‘защита вокруг масляного поддона, сделанная из абсорбирующего материала’, *bow-tie* ‘автомобиль марки Шевроле’, *shoes* ‘покрышки’, *skirt* ‘юбка поршня’, *cuff* ‘манжета’.

The water jacket consists of a series of passages that allow coolant to flow around the hottest parts of the engine, such as the cylinders and combustion chambers ‘Рубашка водяного охлаждения двигателя состоит из множества каналов, которые позволяют охлаждающей жидкости обтекать наиболее горячие части двигателя, такие как цилиндры и камеры сгорания’.

В русском языке: *косынка, фартук, ремень, манжета, башмак, серъга*.

В русском языке ремень, как термин автомобильной промышленности, например, образован путём метафорического переноса по аналогии с предметом одежды, но со временем стал совершенно понятным даже для неспециалиста в технике как неотъемлемая часть механизма двигателя.

Рубашка водяного охлаждения располагается вокруг двигателя подобно одежде, надетой на тело. Метафорические автомобильные термины, образованные при помощи

метафорического переноса по аналогии с тем или иным предметом одежды, как в английском, так и в русском языках, дают своего рода пояснение на что похожа деталь при помощи предмета обихода, известного всем.

3.4. Метафора по ассоциации с объектами растительного мира. В основе метафор данного типа, аналогично зооморфной метафоре, лежит семантический признак (внешнее сходство с растением или характерная для него черта), который переносится на наименование термина автомобильной промышленности.

В английском языке: *tulip valve* ‘тюльпанообразный клапан’, *mushroom valve* ‘тарельчатый [дисковый] клапан’, *leaf valve* ‘откидной клапан’, *canopy top* ‘нескладной верх кузова’, *canopy body* ‘крытый кузов’, *cloverleaf body* ‘трёхместный кузов’, *‘grass front’* ‘ветровое стекло’ *‘mushroom-type follower’* ‘грибовидный толкатель’ *‘leaf’* ‘тонкая пластина, створка’.

Один из актуальных для метафорического переосмысления аспект – структурный [Мишанкина, 2012: 41]. Структурная метафора «нечто – дерево» выступает основой для структурной метафоры «нечто – крона». В следующем примере из английского языка складной верх автомобиля понимается как элемент, аналогичный кроне, являющейся верхней частью дерева.

Each canopy is expertly designed for discerning Ranger owners using their vehicle as a daily workhorse or as the family car – or a combination of both ‘Каждый из вариантов складного верха разработан, чтобы выделить владельцев Рэнджеров, использующих свою машину в качестве рабочей лошади или семейного автомобиля – или комбинации обоих’.

В русском языке: *грибок, лист, лепесток*.

В примере из русскоязычной терминологии, *лепесток*, т. е., тонкая пластина клапана – метафорически переосмысленный по аналогии с известной всем частью цветка, тонкий подвижный элемент механизма.

3.5. Национально-географическая метафора. В английских терминах этого типа присутствует географическое название, которое послужило для наименования того или иного термина автомобильной промышленности.

В английском языке: *‘California top’* ‘откидной (тканевый) верх кузова с боковинами’, *‘Brickyard (nickname for Indianapolis)’* ‘Старая кирпичница (неформальное популярное название трека в Индианаполисе)’, *‘Arizona road dust’* ‘дорожная пыль штата Аризона (для испытаний воздушных фильтров)’, *‘Belgian pave road’* ‘бельгийская дорога (с неровным булыжным или брусчатым покрытием)’.

Национальная отраслевая терминология несёт неповторимую национальную образность мышления, которая наиболее ярко проявляется в терминах, образованных

путём метафорического переноса. Примером здесь может служить национально-географическая метафора 'Brickyard' 'Старая кирпичница'.

Indianapolis Motor Speedway is one of the oldest and largest racing tracks in the world, and is known as 'The Brickyard' among the Indy and NASCAR fans 'Автодром Индианаполис – один из старейших и больших гоночных треков в мире, среди фанатов Инди и НАСКАР он также известен под названием 'Старая кирпичница'.

Осенью 1909 года трассу в Индианаполисе замостили кирпичом (потребовалось 3,2 миллиона кирпичей), отсюда и прозвище 'Старая кирпичница'.

Выводы

1. В результате проведённого анализа английских и русских автомобильных терминов были установлены следующие виды метафор: антропоморфная метафора, зооморфная метафора, метафора, основанная на ассоциации с одеждой человека, её элементами и предметами быта, метафора по ассоциации с объектами растительного мира, национально-географическая метафора.

2. Антропоморфная метафора занимает первое место в английском языке, но второе в русском. Метафора, основанная на ассоциации с одеждой человека, её элементами и предметами быта на первом месте в русском языке, но на третьем в английском. В свою очередь, зооморфная метафора занимает второе место в английском и третье место в русском языке. Метафора по ассоциации с объектами растительного мира, тем не менее, на четвёртом месте в обоих языках. Национально-географическая метафора наименее частотна в английском, в русском языке её примеров среди проанализированных автомобильных терминов обнаружено не было.

3. Метафора является отражением специфического способа восприятия окружающего мира представителями того или иного этноса. Основываясь на результатах проведённого анализа можно утверждать, что как английская, так и русская автомобильные терминологические системы совсем не лишены образности, которая не меняет сущности термина, что и доказывают единицы исследования, образованные при помощи метафорического переноса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева Л. М. Проблемы термина и терминообразования. Пермь: Изд-во Пермского гос. ун-та. 1998. 120 с.
2. Басыров Ш. Р. Метафоры и метонимии в разноструктурных языках // Иностранные языки в современном мире. Казань, 2020. С. 46-52.
3. Виноградов В. В. проблема литературных языков и закономерностей их образования и развития. Москва, 1967. 132 с.

4. Винокур Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Сборник статей по языковедению. Москва: Моск. ин-т ист., филос. и лит-ры, 1939. Т. 5. С. 3-54.
5. Головин Б. Н., Кобрин Р. Ю. Лингвистические основы учения о терминах. Москва: Высш. шк., 1987. 104 с.
6. Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение – прошлое, настоящее, будущее // Вопросы терминоведения. Москва: МГПИ. 2012. Вып. 1. С. 4-13.
7. Даниленко В. П. Терминологизация разных частей речи // Проблемы языка науки и техники. Москва: Наука, 1970. С. 67- 89.
8. Журавлёва Т. А. Особенности терминологической номинации. Донецк: АООТ Торговый дом «Донбасс», 1998. 253 с.
9. Лейчик В. М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. Москва: Либроком, 2012. 264 с.
10. Мишанкина Н. А. Метафора в терминологических системах: функции и модели // Вестник Томского Государственного Университета. 2012. № 4 (20). С. 32-45.
11. Прохорова В. Н. Об эмоциональности термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. Ленинград: Наука, 1970. С. 153-159.
12. Реформатский А. А. Введение в языковедение. 5-е изд., испр. Москва: Аспект Пресс, 2004. 536 с.
13. Скороходько Э. Ф. Полнота и точность перевода научно-технических терминов // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1980. С. 19-23.
14. Суперанская А. В. Общая терминология: вопросы теории. 6-е изд. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 248 с.
15. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале // Русская речь. 2001. № 1-2. С. 26-31.
16. Felber H. Terminology manual. Paris, 1984. 426 p.
17. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago, 1980. 193 p.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 4-е изд., стереотипное. Москва: КомКнига, 2007. 576 с.
2. Англо-русский словарь по автомобильной технике и автосервису / Б. В. Гольд, Р. В. Кугель и С. А. Шершер. Минск: Новая звезда лтд, 1999. 704 с.
3. Большой англо-русский автомобильный словарь / В. Р. Лесов. Санкт-Петербург: «Б. С. К.», 1998. 830 с.
4. Новый англо-русский и русско-английский автомобильный словарь. С транскрипцией / под ред. В. В. Комарова (НИИАТ). Москва: Живой язык, 2008. 624 с.

REFERENCES

1. Alekseeva, L. M. (1998). *Problemy termina i terminoobrazovaniya* [Problems of terms and terms formation]. Perm: Izd-vo Permskogo gos. un-ta. (In Russ.).
2. Basyrov, Sh. R. (2020). *Metafori i metonimii v raznostrukturnykh yazykakh* [Metaphors and metonymies in different structure languages]. In *Inostrannye yazyki v sovremennom mire*. Kazan. Pp. 46-52. (In Russ.).
3. Vinogradov, V. V. (1967). *Problema literaturnykh yazykov i zakonomernostey ikh obrazovaniya i razvitiya* [Problem of literary languages and their formation and development patterns]. Moskva. (In Russ.).
4. Vinokur, G. O. (1939). *O nekotorykh yavleniyakh slovoobrazovaniya v russkoy tekhnicheskoy terminologii* [On several phenomena of word formation in Russian technical terminology]. In *Sbornik statey po yazykovedeniyu*. Moskva: Mosk. in-t ist., filos. i lit-ry. Vol. 5. Pp. 3-54 (In Russ.).
5. Golovin, B. N., Kobrin, R. Yu. (1987). *Lingvisticheskie osnovy ucheniya o terminakh*. [Linguistic basis of terms' theory]. Moskva: Vyssh. shk. (In Russ.).

6. Grinev-Grinevich, S. V. (2012). Terminovedenie – proshloe, nastoyashchee, budushchee [Terminology – past, present, future]. In *Voprosy terminovedeniya: Nauchnyy zhurnal*. Moskva: MGPI. Issue 1. Pp. 4-13. (In Russ.).
7. Danilenko, V. P. (1970). Terminologizatsiya raznykh chastey rechi [Terminologization of different parts of speech]. In *Problemy yazyka nauki i tekhniki*. Moskva: Nauka. Pp. 67-89.
8. Zhuravleva, T. A. (1998). *Osobennosti terminologicheskoy nominatsii* [Terminological nomination peculiarities]. Donetsk: AOOT Torgovyy dom «Donbass». (In Russ.).
9. Leichik, V. M. (2012). *Terminovedenie: Predmet, metody, struktura* [Terminology: subject, methods, structure]. Moskva: Librokom. (In Russ.).
10. Mishankina, N. A. (2012). Metafora v terminologicheskikh sistemakh: funktsii i modeli [Metaphor in terminological systems: functions and models]. In *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. No 4 (20). Pp. 32-45. (In Russ.).
11. Prokhorova, V. N. (1970). Ob emotsionalnosti termina [On emotional nature of term]. In *Lingvisticheskie problemy nauchno-tekhnicheskoi terminologii*. Leningrad: Nauka. Pp. 153-159. (In Russ.).
12. Reformatskiy, A. A. (2004). *Vvedenie v yazykovedenie* [Introduction to linguistics]. 5-e izd., rev. Moskva: Aspekt Press. (In Russ.).
13. Skorokhodko, E. F. (1980). Polnota i tochnost perevoda nauchno-tekhnicheskikh terminov [Complete and precise translation of scientific and technical terms]. In *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya*. Ser. 2. Pp. 19-23. (In Russ.).
14. Superanskaya, A. V. (2012). *Obshchaya terminologiya: voprosy teorii* [General terminology: theoretical issues]. 6-e izd. Moskva: Knizhnyy dom «LIBROKOM». (In Russ.).
15. Chudinov, A. P. (2001). Rossiya v metaforicheskom zerkale [Russia in the mirror of metaphor]. In *Russkaya rech*. No 1-2. Pp. 26-31. (In Russ.).
16. Felber, H. (1984). *Terminology manual*. Paris.
17. Lakoff, G., Johnson, M. (1980). *Metaphors we live by*. Chicago.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. Akhmanova, O. S. (2007). *Slovar lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. 4-e izd., stereotipnoe. Moskva: KomKniga. (In Russ.).
2. Gold, B. V., Kugel, R. V., Shersher, S. A. (1999). *Anglo-russkiy slovar po avtomobilnoy tekhnike i avtoservisu* [English-Russian Dictionary of Automotive Vehicles and Service]. Minsk: Novaya zvezda ltd. (In Russ.).
3. Lesov, V. R. (1998). *Bolshoy anglo-russkiy avtomobilnyy slovar* [English-Russian Automotive Dictionary]. Sankt-Peterburg: 'B. S. K.'. (In Russ.).
4. Komarov, V. V. (2008). *Novyy anglo-russkiy i russko-angliyskiy avtomobilnyy slovar. S transkripsiey Tekst* [New English-Russian and Russian-English Automotive Dictionary]. Moskva: Zhivoy yazyk. (In Russ.).

Жерденовская Анна Витальевна – старший преподаватель кафедры теории и практики перевода (e-mail: a.zherdenovskaya@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Zherdenovskaya Anna V. – Senior Teacher of Translation Studies Department (e-mail: a.zherdenovskaya@mail.ru), Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University»
24, Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 25 июня 2024 г.

УДК 81-116; 81-22; 811.581.11; 81'44

© 2024 Чжан Мо

КАУЗАТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ В ЛЕКСИЧЕСКИХ И МОРФОЛОГИЧЕСКИХ КАУЗАТИВАХ КАК ОСОБЫЙ ТИП ПЕРЕХОДНЫХ ГЛАГОЛОВ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье проводится сравнительный анализ каузативных глаголов в лексических и морфологических каузативах как особой подгруппы переходных глаголов в сопоставляемых языках. Каузативные глаголы в таких каузативах в статье определяются «знаменательными» и разделены по их происхождению на исходно каузативные и производные. В статье выявляются морфологические и синтаксические особенности знаменательных каузативных глаголов в сопоставляемых языках.

Ключевые слова: переходный глагол, каузативность, каузация, знаменательный каузативный глагол, лексические каузативы, морфологические каузативы, декаузатив.

© 2024 Zhang Mo

CAUSATIVE VERBAL UNITS IN LEXICAL AND MORFOLOGICAL CAUSATIVES AS A SPECIAL TYPE OF TRANSITIVE VERBS IN RUSSIAN AND CHINESE

The article compares causative verbs in lexical and morphological causatives as a special subgroup of transitive verbs in the compared languages. Causative verbs in such causatives are defined in the article as «significant» and are divided by their origin into initially causative and derivatives. The article reveals the morphological and syntactic features of significant causative verbs in the compared languages.

Key words: transitive verb, causation, causativity, notional causative verb, lexical causatives, morphological causatives, decausative.

1. Введение

Каузатив репрезентирует категорию «каузативность» на формальном уровне. Последняя понимается, исходя из ситуативного подхода, как макроситуация, в составе которой можно выделить как минимум две микроситуации (каузирующую и каузируемую), друг с другом связанные через «каузирующее воздействие», направленное каузатором на объект каузации и инициирующим таким образом создание К2 [Касевич, Храковский, 1983: 23]. Данное «каузирующее воздействие» в ряде работ получает и название «каузация» [Бессонов, 2014: 438-439; Недялков, Сильницкий, 1969: 6; Рец, Губанов: 2012; Шустова, 2011: 4-14; Bilandžija, 2018].

Вся каузативная макроситуация, в таком случае, будет представляться следующим образом: в первой (каузирующей) микроситуации (далее – К1) каузатор оказывает воздействие на объект; а во второй (каузированной) микроситуации (далее – К2) – объект в результате воздействия каузатора в К1 приступает к совершению определённого действия или

приобретает определённый признак. Так, вопреки тому, какая формальная структура имеется у каузатива, семантически он будет характеризоваться полиситуативностью.

Полиситуативность также подразумевает и полипредикативность конструкции, поскольку, с точки зрения пропозитивной структуры предложения, наличие двух представленных микроситуаций обуславливает и наличие сразу двух единиц пропозиции в одном каузативе. Пропозицию образует комплекс предиката в качестве её центра и набора аргументов утверждения, которые соотносятся и с семантическим актантом глагола [Касевич, Храковский, 1983:13-15].

Глагол при этом – воплощение конкретного предиката на формальном уровне. Каузативность, согласно Ю. В. Баклаговой [Баклагова, 2008], это семантический признак, который присущ глагольным предикатам и выделяет каузативные глаголы (далее – КГ) в отдельную группу. Поэтому, как справедливо замечает Н. Ю. Бессонов, центром каузатива на формальном уровне, безусловно, является и КГ [Бессонов, 2014: 438-439].

Каузативы, согласно принятой в большинстве исследований формальной классификации, представлены тремя основными типами: 1) лексическим, который образуется каузативным глаголом, включающим в своё лексическое значение каузативную семантику; 2) морфологическим, образуемым глагольной единицей, каузативное значение которой не является исходным для неё, а становится результатом каузативизации посредством глагольной формы исходно некаузативного глагола; 3) синтаксическим, который создаётся с помощью введения глагола (типа *заставлять*), выражающего значение каузации, а каузированное действие в К2 при этом выражает другая глагольная лексика [Баклагова, 2008, 2009; Бессонов, 2019; Романова, 2018; Kulikov, 2011: 886-887].

Каузативные глаголы, образующие лексические каузативы, будем называть **знаменательными** на основании наличия у них вполне очевидного денотативного значения и способности самостоятельно выражать каузативную макроситуацию без дополнительного введения другой глагольной формы и выступать в предложении сказуемым.

2. Знаменательные каузативные глаголы как особая группа русских переходных глаголов

Каузативность в русском языке – категория не грамматикализованная, поэтому каузативами в русском языке могут выступать конструкции разных структур. Как правильно замечает ряд исследователей, в русском языке морфологический тип каузатива отсутствует [Баклагова, 2008; Nichols, 1993: 70]. Но это не значит, что сама каузативация

как способ образовать каузатив в русском языке никогда не существовала. Просто данная операция в русском языке уже не является продуктивной и не осуществляется в виде словоизменения; зато сохраняются её следы в виде словопроизводства – актантноповышающей глагольной деривации [Плунгян, 2011: 208-210; Babby, 1993: 352; Dixon, 2000: 31] – каузативация представляет собой именно глагольную деривацию, вносящую в актантную структуру производных КГ участника «с ролью агенса (и / или причины)» [Плунгян, 2003: 210].

Таким образом, знаменательные КГ в русском языке могут быть разделены на две подгруппы: исходно каузативную, в которую входят такие КГ, как *расстроить* (см. далее – пример 1)¹, и производную, в которую входят языковые единицы, подобные глаголу *обогащать* (см. далее – пример 7), образованные от слова, не имеющего каузативного значения.

В русском языке, в таком случае, с точки зрения синтаксического состава, каузативы можно разделить на две группы: 1) лексическую, имеющую типичную «S-V-O» структуру, и 2) синтаксическую, имеющую «S-V₁-O-V₂» структуру, где каузативы образуются глаголом, управляющим, кроме дополнения имени, ещё другой глагольной формой. Лексические каузативы при этом, также могут быть образованными либо от исходно каузативного глагола, либо от производного КГ.

Поскольку объект каузации для категории каузативности, как отмечалось выше, является элементом обязательным, тогда и любой КГ на семантическом уровне будет иметь объектный семантический актант (далее – СемА) или, по терминологии Е. А. Дадуевой, «объектнонаправленный» [Дадуева, 2007]. Иначе говоря, КГ в лексико-грамматическом плане обладают свойством переходности и семантически прямо связаны с объектом (эмоционально-чувственного отношения, воздействия и др.), а синтаксически – управляют прямым либо косвенным дополнением [Литвинович, 2021; Шустова, 2013]. Большинство КГ, таким образом, входят в группу переходных глаголов², но при этом выделяется из всех переходных как особенная подгруппа рядом специфичных семантических и формальных особенностей.

¹ Здесь и дальше без специального замечания – примеры наши.

² Большинство КГ в русском языке представляет собой грамматически и семантически переходные, за исключением некоторых сравнительно периферийных, типа «позволять» (образующего синтаксический каузатив), управляющих косвенным дополнением вместо прямого. Однако, поскольку такие глаголы (только семантически переходные) не находятся в центре внимания данной работы, мы будем условно относить КГ просто к переходным без более детального раскрытия особенностей семантической и грамматической переходности. Поэтому и далее без специального разъяснения в рамках данной работы под *переходным глаголом* будем иметь в виду грамматическую категорию.

В формальном аспекте, знаменательные КГ (исходные либо производные), как сказано выше, в образованном им лексическом каузативе, как любой переходный глагол в обычном транзитиве (здесь будем следовать терминологии Е. В. Падучевой [Падучева, 2001]), как в примере 1, занимает место сказуемого в конструкции типичной «S-V-O» структуры. Отличительная черта знаменательных каузативных глаголов, выделяющая данные языковые единицы среди остальных переходных глаголов, заключается в их глагольной семантике с её способностью к деривации.

Пример 1: *Директор проверил план проекта*

<i>Директор</i>	<i>проверил</i>	<i>план проекта</i>
подлежащее	сказуемое	прямое дополнение
субъект-агенса	предикат (действие агенса)	объект-пациенса

Особенность лексического значения знаменательных каузативных глаголов, отличающая их от других переходных единиц, заключается в их полипредикативности: лексический каузатив, как отмечалось ранее, формально включает в себя только один глагол, и полипредикативность конструкции в таком случае формально вообще не эксплицируется. Вместе с тем и референция объекта каузации тоже не совпадает с его ролью (или точнее – ролями) полностью: формально эксплицируется только роль участника как объекта воздействия каузатора, а на самом деле участник выполняет в сообщаемой ситуации ещё субъектную роль – агенса каузированного действия или носителя каузированного состояния (см. пример 2).

Пример 2: *Саша расстроил Машу*

<i>Саша</i>	<i>расстроил</i>	<i>Машу</i>
подлежащее	сказуемое	прямое дополнение
субъект-каузатор	предикат (каузирующее и каузированное действия)	субъект-носитель состояния + объект каузации

Так, КГ *расстроить* представляет собой типичный переходный глагол и образует конструкцию «S-V-O», в которой прямое дополнение представлено референтом объекта каузации. Конструкция в таком случае сообщает сразу о двух ситуациях. В первой ситуации Саша (каузатор) совершил действие каузации (K1). Во второй Маша (объект каузации) в результате каузации Саши (каузатор) была расстроена (K2).

В то же время в обычном транзитиве (см. пример 1) сообщается лишь одна ситуация, в которой директор (агенса) проверил план (пациенса), т. е. конструкция и формально, и семантически монопредикативна. Следовательно, первой чертой, отличающей

знаменательные каузативные глаголы от остальных переходных (как и лексического каузатива от любых других переходных конструкций), является несоответствие между его формой и семантическим наполнением.

Такая формальная монопредикативность возможна у лексических каузативов, по замечанию Е. А. Баклаговой [Баклагова, 2009], благодаря тому, что в семантику знаменательных каузативных глаголов входят сразу значения каузирующего воздействия и каузируемого действия (или состояния) объекта каузации. Так, знаменательные каузативные глаголы представляют собой соединение двух предикативностей и поэтому являются семантически полипредикативными. В соответствии с этой мыслью можно выделить в семантике знаменательного каузативного глагола, кроме сем воздействия и объектной направленности, ещё семы причины и следствия [Дадуева, 2011], репрезентируемые как каузирующее воздействие каузатора и каузированное действие (или состояние объекта каузации).

Однако отметим, что полипредикативность и «двойная роль» объекта в лексическом каузативе формально никак не эксплицированы и узнаются только в результате семантической интерпретации высказывания. В связи с этим каузативность в семантике данного слова кажется слабо обоснованной, поскольку интерпретация основывается на субъективном видении интерпретатора, как бы точно и мотивированно он не анализировал конструкцию и аргументировал свою мысль. В то же время все эти черты явно выражены в специфичной для данной группы каузативных глаголов деривации – декаузативации, в результате которой образуется декаузативный глагол от исходного каузативного, что и является, согласно Е. В. Падучевой [Падучева, 2001], деривацией, присущей именно переходным каузативным глаголам, а не всем переходным.

Декаузативный глагол, согласно В. А. Плунгяну, относительно исходного КГ, обозначает только каузированное действие (или состояние) [Плунгян, 2011: 209]. В русском языке эти декаузативные глаголы преобразуются посредством специфичного для русского языка форманта – постфикса *-ся* [Падучева, 2001], например, так образован от глагола *расстроить* производный декаузативный глагол *расстроиться* (см. пример 3):

Пример 3: *Маша расстроилась* (декаузатив).

В данном примере подлежащее *Маша* самостоятельно испытывает вызванную кем-то неизвестным эмоцию и таким образом является субъектным участником. В то же время знаменательные каузативные глаголы в русском языке, входя в группу переходных глаголов, также обладают страдательным залогом и, соответственно, образуют пассив.

Так, Маша в образованном пассиве выступает только объектом, подвергавшимся действию, названному глаголом *расстроить*, которое совершает настоящий субъект *Саша*, и таким образом Маша наделяется эмоцией, названной кратким причастием *расстроена* (см. пример 4).

Пример 4: *Маша расстроена [Сашей]* (пассив).

Декаузатив семантически представляется весьма близким пассиву, представленному залоговой формой глагола. Отличие декаузатива от пассива, образованного глагольной залоговой формой либо путём деривации, заключается в том, как заметила Е. В. Падучева, что бывший субъект пассива «по-прежнему понимается как агентивный», тогда как в декаузативе «нет целеполагающего агенса» [Падучева, 2001]. Так, характерное для декаузативных глаголов значение представляет собой сообщение о событии, которое без внешнего инициатора, казалось бы, не может происходить, но представляется как будто происходит спонтанно без него, а истинный каузатор исключается полностью. Между тем В. И. Гаврилова отмечает, что такая деривация возможна и допустима по той причине, что у объекта каузации есть некое качество, которое обеспечивает после инициирования продолжение каузированного действия (либо состояния) без какой-либо внешней «движущей силы», т. е. как совершенно самостоятельного, что и свидетельствует об агентивности объекта каузации как носителя каузированного состояния (либо исполнителя действия) [Гаврилова, 2012]. Следовательно, знаменательные каузативные глаголы отличаются от обычных переходных единиц способностью к декаузативизации – процессу, в результате которого вместо типичного пассива образуется характеризующийся некой степенью агентивности декаузатив.

Другое отличие каузативных глаголов от обычных переходных становится очевиднее в сравнении декаузатива с пассивом, образованным от некаузативного транзитива (см. пример 5).

Пример 5: *План проекта проверяется директором / План проекта проверен директором.*

Во-первых, обычным переходным глаголам типа *проверить* тоже свойственно словообразование посредством постфикса *-ся*. Но данная деривация, в отличие от декаузативизации, производит глагол не декаузативного, а пассивного значения, который семантически ничем не отличается от страдательной формы глагола (см. обе ситуации, сообщаемые конструкциями в примере 5). *План проекта* здесь исполняет единственную

объектную роль пациенса, который просто подвергается *проверке* агенсом и не проявляет никакой агентивности в процессе или после завершения действия агенса – *директора*.

Во-вторых, в сравнении с *Машей* в декаузативной ситуации (пример 3), *проект* (пример 5) в пассивной ситуации, после завершения направленного на него действия *проверить*, остаётся неизменным, тогда как *Маша* в каузативной ситуации до того, как каузатор *Саша* выполнил своё действие *расстроить*, носителем эмоции *расстроена* не была. Вследствие этого можем обнаружить ещё одну семантическую особенность, выделяющую знаменательные каузативные глаголы из группы переходных, которую подчёркивает Е. В. Падучева как существенную черту КГ – обязательное наличие в семантике глагола значения «изменения» [Падучева, 2001]. Данное значение сохраняется и в производном декаузативном глаголе, несмотря на то что К1 в исходной каузативной ситуации из декаузативной исключается полностью.

Производные КГ в каузативах ведут себя так же, как исходно каузативные типа *расстроить*: семантически они тоже полипредикативны, а грамматически – способны к образованиям соответствующих декаузативов и пассивов (см. примеры 6-9):

Пример 6: *На рынке богатый выбор* (актив из исходного прилагательного).

Пример 7: *Бурное развитие экономики значительно обогатило наш выбор на рынке* (каузатив).

Пример 8: *Выбор на рынке обогатился благодаря бурному развитию экономики* (декаузатив).

Пример 9: *Выбор на рынке обогащён благодаря бурному развитию экономики* (пассив).

Как видно из данных примеров, глагол *обогащать* является производным от прилагательного *богатый* [Тихонов, 2014: 59]. Так, исходная ситуация, которую выражает актив с непроизводным прилагательным соотносится с К2 в каузативной ситуации. Но при этом в отличие от соответствующей декаузативной ситуации в исходной ситуации отсутствует значение изменения. Иначе говоря, исходный актив выражает такое действие (или признак), которое выполняет участник ситуации, не требуя никакого инициирования, тогда как такое же в декаузативной ситуации не происходило бы без определённого инициирования, т. е. каузации.

Обобщая выше сказанное, можем перечислить характеристики русских знаменательных каузативных глаголов: знаменательные единицы в русском языке могут быть разделены на две подгруппы – исходную и производную. У каузативных глаголов

первой подгруппы соответствующее значение является исходным, а у второй – это результат каузативации. Обе подгруппы каузативных глаголов входят в группу переходных глаголов и при этом выделяются из всех переходных глаголов свойствами только им семантическими и грамматическими особенностями.

Семантически знаменательные КГ как переходные языковые единицы отличаются от обычных переходных глаголов своей имплицитной полипредикативностью, которая предполагает помимо объектности ещё и субъектность управляемого ими прямого дополнения, что для обычных переходных глаголов не характерно. Также в семантике знаменательных каузативных глаголов обязательно наличествует сема изменения и причины и следствия, что для обычных переходных глаголов является несущественным.

Грамматически рассматриваемые языковые факты сохраняют общую и наиболее типичную для переходных глаголов черту способности к залоговой трансформации, но при этом они способны к специфичной глагольной деривации – декаузативации, которая невозможна для обычных переходных глаголов. Декаузативы в свою очередь способны выражать такие специфичные ситуации, действия (или признаки участника), в которых участник как будто бы самостоятелен, но при этом всегда намекается, что когда-то обязательно существовало внешнее инициирование, оказывающее на него воздействие.

3. Особенности знаменательных каузативных глаголов в китайском языке

В китайском языке в отличие от русского нет формального способа разграничения частей речи или членения предложения. В большинстве случаев, семантическая интерпретация – единственная основа, в соответствии с которой можно членить какое-то предложение на единицы выражения (именно так удастся в китайском языке выделить слово и определить его частеречную принадлежность, хотя условно и не всегда точно) и определять их функции. Далее на этой основе можно соотносить китайские языковые единицы с их эквивалентами в русском языке посредством определённых формальных показателей.

Неоднозначная ситуация складывается в случае описания категории переходности / непереходности в китайском языке. В этом отношении, как справедливо замечает Фэн Пин, переходность / непереходность китайского глагола может быть определена не по его форме или семантике, а «в конкретной конструкции» и с учётом «окружающего контекста» [Фэн Пин, 1982]. Зато, благодаря достаточно яркой семантической специфике каузативности, китайские лингвисты, даже не останавливаясь на определении переходности / непереходности, по умолчанию относят каузативные глаголы к переходным и анализируют их, опираясь на данную установку. Лю Юнгэн

[Лю Юнген, 2000] при этом прямо разделяет переходные глаголы в китайском языке на каузативные и некаузативные.

Что касается глаголов, способных к самостоятельному образованию каузативов, в китайском языке дело выглядит иначе, чем в русском. Каузативы структуры «S-V-O» в китайском языке могут быть как лексического типа, созданные исходно каузативным глаголом, так и морфологического, представляющего собой результат каузативации.

Исходные каузативные глаголы в китайском языке отличаются от русских одной яркой особенностью: в их формальном составе эксплицитно представлена полипредикативность (см. пример 10) 惹怒:

Пример 10: 萨沙惹怒了自己的好友 / Саша рассердил своего друга

萨沙	惹	怒	了	自己的好友
подлежащее	сказуемое			прямое дополнение ³
каузатор	действие каузации	действие каузированное		объект каузации
Саша	рассердил	рассердился	показатель прошедшего времени	своего друга

Как и русские каузативные глаголы, языковая единица 惹怒 (рассердить) в примере представляет собой переходный глагол, способный к образованию соответствующего пассива с иероглифом 被, который признаётся большинством китаистов одним из редких, зато очевидных грамматических показателей в китайском языке (см. пример 11).

Пример 11: 好友被萨沙惹怒了 / Буквально: *Друг рассержен Сашей

好友	被	萨沙	惹怒	了
Друг	показатель пассива	Саша	рассердить	показатель прошедшего времени
подлежащее	часть сказуемого	косвенное дополнение	часть сказуемого	часть сказуемого
объект каузации	составная часть сказуемого (функция иероглифа идентична русской залоговой форме)	каузатор	составная часть сказуемого (выражение самого действия)	

Но при этом китайскую конструкцию, выражающую K2 в случае, если объект каузации является одушевлённым, например, человек, трудно отождествлять с декаузативом, как это делается в русском языке. Та же ситуация, которая сообщалась бы в русском языке

³ Поскольку в данном исследовании мы не делаем акцент на конкретных синтаксических конструкциях, в примерах ради краткости будем условно соотносить состав подлежащего, сказуемого и прямого дополнения прямо с соответствующим членом по их семантической интерпретации и позиции в предложении и без более детального и углублённого разъяснения.

посредством легко узнаваемого и определённого декаузатива, например, *Друг рассердился*, в китайском языке может быть представлена конструкцией совсем иного образа, которая по своей сути определяется как актив (см. пример 12).

Пример 12: (萨沙的) 朋友生气了 / Друг Саши рассердился

(萨沙) 的朋友	生气了
подлежащее	сказуемое
Друг (Саши)	рассердился

Такое ограничение может быть обусловлено двумя основными причинами. Первая, как показано в примере, связана с тем, что сообщаемое значение в китайском языке может быть выражено совсем иными языковыми единицами, нежели исходный КГ в лексическом каузативе. Это обусловлено спецификой китайского языка на лексическом уровне: в современном китайском языке большинство морфем уже не способно к самостоятельному выражению того же значения, которое было у него исходно, а может быть представлено только в сочетании с другой (или другими) единицами в виде так называемого «слова», т. е. выражение типа * 萨沙“怒”了 (буквально: Саши рассердился) в китайском языке недопустимо. В данном случае выражение соответствующего значения чаще выполняет совсем другая лексика, в составе которой данного иероглифа нет.

Вторая причина невозможности рассматривать показанную выше конструкцию как декаузатив состоит в отсутствии в китайском языке развитой системы формальных средств, из-за чего, даже в случае сохранения использованной в предложении лексики для выражения К2, трудно определить, именно какую роль играет подлежащее в сообщаемой ситуации (см. примеры 13 и 14).

Пример 13: 考官开始逐渐提高考试难度 / Экзаменатор начал постепенно повышать сложность экзамена

考官	开始逐渐	提高	考试难度。
подлежащее	сказуемое		прямое дополнение
каузатор	действия каузации + каузированное		каузат
Экзаменатор	начал постепенно повышать		сложность экзамена

Пример 14: 考试难度开始逐渐提高 / Сложность экзамена начала постепенно повышаться

考试难度	开始逐渐	提高。
подлежащее	сказуемое	
каузат / агенс	действие каузированное / действие агенса	
Сложность экзамена	начала постепенно	повышаться

Последние два примера явно сообщают о двух разных ситуациях: первый сообщает о каузативной, в которую включаются K1 и K2, тогда как второй – только о K2, 考试难度 (сложность экзамена), которая сама себя не может повышать. Однако глагол, хотя и образует предложение типичной структуры «S-V», как и декаузативные глаголы в русском языке, во втором примере 提高 не демонстрирует никакого эксплицитного показателя декаузативности, который отличал бы его от каузативного 提高 в первом примере.

В таком случае декаузативность в подобных китайских глаголах представляется ещё более неопределённой, чем в русских декаузативах. Роль объекта, выраженного подлежащим и неагентивность всей ситуации при этом, как заметили некоторые китаисты, узнаются лишь через характер самого подлежащего и на основе семантической интерпретации конкретной конструкции [Хун Ли, 2017; Тан Цзинъань, 2016; Чжао Хуаньгай, 2013]. В связи с этим понятие, подобное русскому декаузативу, в исследовательских работах по китайскому языку не встречается. Чаще всего предложения с такими глаголами в китайском языке называются либо просто «пассивом без показателя» или, как предложил ряд китаистов, «предложениями с пациенсом-подлежащим» («受事主语句») [Хун Ли, 2017; Тан Цзинъань, 2016; Чжао Хуаньгай, 2013].

Каузативация для китайского языка – очень продуктивный метод. Это значит, что морфологические каузативы в китайском языке до сих пор активно образуются. При этом операция каузативизации в китайском языке, как заметил Чи Тайнинь, возможна не только с глаголами, но и с именами существительными и прилагательными, особенно с теми, которые обозначают состояние [Чи Тайнинь, 1986]. Формально этот процесс обнаруживается в изменении управления словом: в китайском языке он обязательно сопровождается транзитивизацией, которая проявляется на формальном уровне.

Так называемая «каузативизация» в современном китайском языке получает иногда и название 使动用法 (буквально: «каузативное употребление слова»). Такая операция в самом слове не эксплицирована и поэтому сложно отнести ее к глагольной деривации (т. е. словообразованию) или формоизменению слова⁴. Состав слова (иероглифы) в некаузативном и каузативном употреблении на формальном уровне не обнаруживает никакого изменения. Иначе говоря – в этом процессе не участвуют никакие словообразовательные средства типа аффиксов, которые являются обязательными для русского словопроизводства, а просто изменяется «качество» слова, например, его

⁴ Хотя трудно здесь определить статус слов в так называемом «каузативном употреблении», но ради краткости описания в рамках данной работы на основании их способности образовать «S-V-O» структуру будем относить их также к знаменательным каузативным глаголам.

сочетаемость (в нашем случае – управление словом), и вне определённой конструкции каузативное значение в семантике слова тоже не узнаётся.

Каузация в таком случае эксплицируется в основном, как и в русском языке, синтаксической позицией КГ в роли сказуемого и его функцией управления дополнением (см. пример 15).

Пример 15: 各类社会活动大大丰富了人们的日常生活 / Разнообразные социальные мероприятия в значительной степени обогатили повседневную жизнь людей

各类社会活动	大大丰富了	人们的日常生活
подлежащее	сказуемое	прямое дополнение
субъект-каузатор	предикат	объект каузации
Разнообразные социальные мероприятия	в значительной степени обогатили	повседневную жизнь людей

Даже для языка изолирующего типа, каким является китайский, в котором форма не играет определяющей роли, такое изменение представляется явно выраженным и бесспорным: слово после каузативизации может находиться прямо перед дополнением, которое в соответствии с семантикой всего предложения может быть только референтом объекта действия. Но что касается выражения конкретного каузирующего действия в К1, в отличие от исходно каузативных глаголов типа 激怒, оно имплицитно и абстрактно [Фэн Пин, 1982].

Сказуемым в примере, как видно, является 丰富 (буквально: богатый; полнокровный; обильный; содержательный), которое изначально представляет собой прилагательное, обозначающее состояние. Но здесь оно явно выполняет функцию не прилагательного, а глагола, причём управляет дополнением 生活 / жизнь, которая является объектом каузации и после воздействия каузатора стала «полнокровной».

Кроме того, такой «морфологический» КГ в китайском языке, хотя и явно претерпел транзитивизацию и ведёт себя в каузативе как наиболее типичный переходный глагол, образуя конструкцию «S-V-O» структуры, он не способен к образованию ни соответствующей страдательной формы, ни декаузативного глагола. Тем не менее даже способом перефразирования у морфологических каузативов в китайском языке не получится выстроить какое-нибудь выражение с соответствующим пассивным значением (см. пример 16).

Пример 16: *人们的社会活动被大大丰富了 / Буквально: *Общественная жизнь людей обогащена.

Такая неправильная пассивная конструкция в китайском языке вообще не образуется.

В образовании конструкции, которая выразила бы значение, подобное русскому декаузативному (типа *обогащаться*), семантика «изменения» должна быть выражена эксплицитно, к тому же именно лексическим средством (см. пример 17).

Пример 17: 人们的日常生活变得 (更加) 丰富了 / Повседневная жизнь людей стала (более) богатой

人们的日常生活	变得	(更加) 丰富了。
подлежащее	сказуемое составное	
субъект	предикат	
Повседневная жизнь людей	стала	(более) богатой

Данное предложение по своей семантике синонимично русскому декаузативу *Повседневная жизнь людей обогатилась*. Из примера 17 видно, что одно *丰富* самостоятельно является недостаточным для выражения значения, которое имеется у русского глагола *обогащаться*; в предложении требуется ещё обязательное средство для экспликации значения «изменения» – *变得*. Если мы уберём из примера 17 *变得* (см. пример 18), то в результате изменения структуры предложения (а именно позиции слов в предложении, что представляет собой основной, чаще даже единственный способ разграничения частеречной принадлежности слов и членов предложения) оказывается на месте сказуемого и функционирует в предложении как глагол.

Пример 18: *人们的日常生活丰富了 – предложение не полное.

Однако в таком случае предложение будет неполным: согласно словарному толкованию, употребляясь как глагол, слово *丰富* может быть только каузативным и требует после себя обязательного дополнения в качестве выражения объекта каузации [Современный словарь китайского языка, 2017: 387].

В связи с неспособностью к ряду трансформаций, к которым в принципе должны быть способны глаголы, можем предполагать, что эта «глагольная частеречная принадлежность» у слов типа *丰富* в китайском языке является лишь «временной», а не «истинной» и образует только конструкции определённой структуры.

Таким образом, мы считаем возможным относить такой тип операции в китайском языке к словоизменению, т. е. к образованию морфологического каузатива. Получается, что в китайском языке, переходные КГ могут выступать не только исходными как в лексических, но и «временными» как в морфологических каузативах, которые одинаково образуют конструкцию с типичной «S-V-O» структурой. Но при этом КГ в китайских морфологических каузативах, соотносясь с эквивалентом русских производных (типа *обогащать*), не обладают рядом черт, которые характерны для переходных глаголов в

целом (способностью к образованию соответствующего пассива), так и для каузативных глаголов в частности (способностью к образованию соответствующего декаузатива).

4. Выводы

Из вышеизложенного следует, что как в русском, так и в китайском языках из группы переходных глаголов выделяются знаменательные КГ как особая подгруппа. Помимо общих характеристик, знаменательные каузативные глаголы в обоих языках имеют различия. Прежде всего, они отличаются от обычных переходных глаголов своей семантической полипредикативностью. При этом в лексическом значении этих КГ обязательно присутствует семантика изменения, тогда как для обычных переходных глаголов она является необязательной.

Из числа знаменательных КГ в двух языках можно выделить исходную подгруппу, которые образуют, безусловно, лексические каузативы. Единицы данной подгруппы в двух языках имеют общие черты как с переходными глаголами каждый в своём языке, так и друг с другом: синтаксически эти каузативные глаголы управляют прямым дополнением и образуют конструкции структуры «S-V-O». Кроме того, глаголы исходной подгруппы в обоих языках обладают основным качеством, характерным для любого типичного переходного глагола: способностью к образованию соответствующего пассива; но при этом они отличаются от обычных переходных глаголов специфичной декаузативной деривацией, в результате которой образуются декаузативы (в русском языке) или предложения с пациенсом-подлежащим (в китайском языке). Примечателен один факт: у китайских знаменательных КГ заметно слабее способность образовывать конструкции декаузативного значения в связи с менее развитой системой формальных средств, и при этом выявляется бóльшая зависимость от лексических средств для выражения подобного значения, что и в большей степени ослабляет декаузативное значение.

Помимо исходной подгруппы, в обоих языках можно выделить также подгруппу КГ, полученных в результате каузативации исходно некаузативных глаголов. Однако, между такого типа КГ в двух языках обнаруживаются расхождения. Во-первых, каузативация в китайском языке до сих пор продуктивна и активно используется. Во-вторых, в русском языке каузативные единицы данной подгруппы, безусловно, относятся к глаголам и, кроме своего «происхождения», ничем не отличаются от исходных КГ, образуя также лексический каузатив. В то же время в китайском языке, хотя и имеются эквивалентные единицы, однако эти так называемые каузативные «глаголы» на самом деле представляют собой скорее словоформы, чем самостоятельные производные глагольные единицы, и соответственно,

образуют не лексические, а морфологические каузативы, которые в русском языке отсутствуют. Эти «морфологические» каузативные глаголы образуют каузативы, имеющие формы типичного транзитива, и ведут себя подобно типичным переходным глаголам. Однако, такие «временные» КГ уже не обладают другими существенными чертами, свойственными обычными переходными глаголами: такие КГ не способны к образованию пассива и декаузатива, и для выражения соответствующих значений в китайском языке необходимы лексические средства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баклагова Ю. В. К вопросу о каузальности и каузативности в системе языка // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2008. № 10. С. 22-25.
2. Баклагова Ю. В. Каузатив: средства выражения в русском и немецком языках // Культурная жизнь Юга России. 2008. № 3 (28). С. 114-116.
3. Баклагова Ю. В. Семантика контактных и дистантных каузативов (на материале русского и немецкого языков) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2009. № 1. С. 99-102.
4. Бессонов Н. Ю. Конструкции с каузативными глаголами-связками как средство выражения отношения силы-динамики // Лингвистика XXI века: сборник научных статей к 65-летию юбилею профессора В. А. Масловой. Москва: Флинта, 2014. С. 437-442.
5. Бессонов Н. Ю. Семантика аналитического каузатива в аспекте теории динамики силы // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. 2019. Т. 15. № 1-2 (43-44). С. 108-121.
6. Гаврилова В. И. К вопросу о взаимодействии категорий переходности и залога (на материале русского и английского языков) // Вестник Московского университета. 2012. Серия 9. Филология. № 2. С. 41-57.
7. Дадуева Е. А. О взаимодействии категории каузативности и переходности в русском языке // Вестник Бурятского государственного университета. 2007. № 7. С. 91-95.
8. Дадуева Е. А. Общая характеристика каузативных глаголов // Вестник СибГУТИ. 2011. № 2 (14). С. 76-81.
9. Касевич В. Б., Храковский В. С. Конструкции с предикатными актантами. Проблемы семантики // Категории глагола и структура предложения: Конструкции с предикатными актантами. Ленинград: Наука: Ленингр. отд-ние, 1983. С. 5-27.
10. Литвинович А. Г. Неспециализированные средства выражения каузативной семантики в славянских и германских языках (на примере ЛСГ защиты) // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 163. № 4-5. С. 207-221.
11. Лю Юнген. Реклассификация повелительного наклонения и повелительных глаголов // Филологические исследования. 2000. № 2 (75). С. 8-13. (刘永耕. 使令度和使令类动词的再分类 // 《语文研究》2000 年第 2 期(总第 75 期). 第 8-13 页.).
12. Недялков В. П., Сильницкий Г. Г. Типология каузативных конструкций // Типология каузативных конструкций: морфологический каузатив. Ленинград: Наука, 1969. С. 5-19.
13. Падучева Е. В. Каузативный глагол и декаузатив в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1 (1). С. 52-79.
14. Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2011. 672 с.

15. Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. Москва: Едиториал УРСС, 2003. 384 с.
16. Рец Н. И., Губанов А. Р. Категория причинности: каузальная и каузативная связи // Вестник Чувашского университета. 2012. № 1. С. 244-249.
17. Романова О. В. Понятие аналитического каузатива в английском языке: the problem of definition Revisited // Актуальные проблемы современной лингвистики. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2018. С. 37-42.
18. Современный словарь китайского языка: Посвященный 120-летию создания Коммерческой прессы. Пекин: Коммерческая пресса, 2017. (现代汉语词典: 商务印书馆创立 120 周年纪念版 / 中国社会科学院语言研究所词典编辑室. 7 版. 北京: 商务印书馆, 2017.).
19. Тан Цзиньань. Распределение пассивных конструкций с показателем и пассивных конструкций без показателя в китайском языке [J] // Научный журнал «Юньмэн», 2016, 37 (№ 6). С. 110-114. (汤敬安.汉语无标记被动句与有标记被动句的认知辨析[J].云梦学刊, 2016. 37 (06). 第 110-114 页.).
20. Тихонов А. Н. Новый словообразовательный словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным. Москва: АСТ, 2014. 639 с.
21. Фэн Пин. Дискуссия о различии между переходными и непереходными глаголами в современном китайском языке // Журнал Яньбяньского университета (издание социальных наук). 1982. № 1. С. 94-96. (冯凭.试论现代汉语及物动词与不及物动词的区分 // 延边大学学报(社会科学版), 1982 (01). 第 94-96 页.).
22. Хун Ли. Краткий обзор о закономерности показателя «被» в пассивных конструкциях [J] // Современная филология. Серия Лингвистических исследований. 2017. № 7. С. 64-67. (洪力.浅析被动句中«被»的隐现规律[J].现代语文(语言研究版), 2017, (07). 第 64-67 页.).
23. Чжао Хуаньгай. Общий обзор об исследованиях надпассивных конструкций без показателя в китайском языке [J] // Современная филология. Серия Лингвистических исследований. 2017. № 3. С. 21-23. (赵焕改.汉语无标记被动句相关研究综述[J].现代语文(语言研究版), 2017, (03). 第 21-23 页.).
24. Чи Тайнинь. О природе и принадлежности «каузативности» и других связанных с ней вопросах // Журнал Хучжоуского педагогического университета (издание по социальным наукам). 1986. № 2 (22). С. 79-81. (池太宁.论“使动”的性质与归属等问题 // 湖州师专学报 (社会科学版). 1986 年第 2 期, 总第 22 期. 第 79-81 页.).
25. Шустова С. В. Потенциал каузативных глаголов в динамико-функциональном аспекте: автореферат дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Пермь, 2011. 41 с.
26. Шустова С. В. Прототипические смысловые константы каузативной ситуации // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 6. С. 207-210.
27. Babby L. H. Hybrid causative constructions: benefactive causative and adversity passive // STUDIES IN LANGUAGE COMPANION SERIES (SLCS). 1993. Vol. 23. Causatives and transitivity. P. 343-367.
28. Bilandžija S. A. A contribution to the semantic subclassification of causative constructions in contemporary Norwegian: effective causation // Скандинавская филология. 2018. № 2. P. 308-322.

29. Dixon R. M. W. A typology of causatives: form, syntax and meaning // *Changing valency: case studies in transitivity*. Melbourne: Cambridge University Press, 2000. P. 30-84.
30. Kulikov L. I. Causatives // *Language Typology and Language Universals*. Berlin & New York: de Gruyter, 2001. Vol. 2. P. 886-898.
31. Nichols J. Transitive and causative in the Slavic lexicon: Evidence from Russian // *Causatives and Transitivity*. Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1993. Vol. 23. *Studies in Language Companion Series*. P. 69-86.

REFERENCES

1. Baklagova, Yu. V. (2008). K voprosu o kauzalnosti i kauzativnosti v sisteme yazyka [On the issue of causality and causativity in the language system]. In *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie*. No 10. Pp. 22-25 (In Russ.).
2. Baklagova, Yu. V. (2008). Kauzativ: sredstva vyrazheniya v russkom i nemetskom yazykakh [Causative: means of expression in Russian and German]. In *Kulturnaya zhizn Yuga Rossii*. No 3 (28). Pp. 114-116. (In Russ.).
3. Baklagova, Yu. V. (2009). Semantika kontaknykh i distantnykh kauzativov (na materiale russkogo i nemetskogo yazykov) [Semantics of contact and distant causatives (based on the material of Russian and German languages)]. In *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie*. No 1. Pp. 99-102. (In Russ.).
4. Bessonov, N. Y. (2014). Konstruktsii s kauzativnymi glagolami-svyazkami kak sredstvo vyrazheniya otnosheniya sily-dinamiki [Constructions with causative verbs-bundles as a means of expressing the force-dynamics relationship]. In *Lingvistika XXI veka: sbornik nauchnykh statey k 65-letnemu yubileyu professora V. A. Maslovoy*. Moskva: Flinta. Pp. 437-442. (In Russ.).
5. Bessonov, N. Y. (2019). Semantika analiticheskogo kauzativa v aspekte teorii dinamiki sily [Semantics of the analytical causative in the aspect of the theory of dynamics forces]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Vol. 15, No 1-2 (43-44). Pp. 108-121. (In Russ.).
6. Gavrilova, V. I. (2012). K voprosu o vzaimodeystvii kategoriy perekhodnosti i zaloga (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov) [On the issue of the interaction of the categories of transitivity and voice (based on the material of the Russian and English languages)]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*. No 2. Pp. 41-57. (In Russ.).
7. Dadueva, E. A. (2007). O vzaimodeystvii kategorii kauzativnosti i perekhodnosti v russkom yazyke [On the interaction of the category of causativity and transitivity in the Russian language]. In *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. No 7. Pp. 91-95. (In Russ.).
8. Dadueva, E. A. (2011). Obshhaya kharakteristika kauzativnykh glagolov [General characteristics of causative verbs]. In *Vestnik SibGUTI*. No 2 (14). Pp. 76-81. (In Russ.).
9. Kasevich, V. B. (1983). Konstruktsii s predikatnymi aktantami. Problemy semantiki [Constructions with predicate actants. Problems of semantics]. In *Kategorii glagola i struktura predlozheniya: Konstruktsii s predikatnymi aktantami*. Leningrad: Nauka: Leningr. otd-nie. Pp. 5-27. (In Russ.).
10. Litvinovich, A. G. (2021). Nespetsializirovannye sredstva vyrazheniya kauzativnoy semantiki v slavyanskikh i germanskikh yazykakh (na primere LSG zashhity) [Non-specialized means of expressing causative semantics in Slavic and Germanic languages (on the example of LSG protection)]. In *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. Vol. 163, No 4-5. Pp. 207-221. (In Russ.).
11. Liu, Yonggen. (2000). Reklassifikatsiya povelitelnogo nakloneniya i povelitelnykh glagolov [Reclassification of the imperative mood and imperative verbs]. In *Filologicheskie issledovaniya*. No 2 (75). Pp. 8-13. (刘永耕. 使令度和使令类动词的再分类 // 《语文研究》2000年第2期(总第75期). 第8-13页.). (In Chin.).

12. Nedyalkov, V. P., Silnitskiy, G. G. (1969). Tipologiya kauzativnykh konstruktsiy [Typology of causative constructions]. In *Tipologiya kauzativnykh konstruktsiy: morfologicheskii kauzativ*. Leningrad: Nauka. Pp. 5-19. (In Russ.).
13. Paducheva, E. V. (2001). Kauzativnyy glagol i dekauzativ v russkom yazyke [Causative verb and decausative in the Russian language]. In *Russkiy yazyk v nauchnom osveshhenii*. No 1 (1). Pp. 52-79. (In Russ.).
14. Plungyan, V. A. (2011). *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of the languages of the world]. Moskva: Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet. (In Russ.).
15. Plungyan, V. A. (2003). *Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku* [General morphology: An introduction to the problems]. Moskva: Editorial URSS. (In Russ.).
16. Retz, N. I. (2012). Kategoriya prichinnosti: kauzalnaya i kauzativnaya svyazi [Category of causality: causal and causative connections]. In *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. No 1. Pp. 244-249. (In Russ.).
17. Romanova, O. V. (2018). Ponyatie analiticheskogo kauzativa v angliyskom yazyke: the problem of definition Revisited [The concept of analytical causative in English: the problem of definition Revisited]. In *Aktualnye problemy sovremennoy lingvistiki*. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy ekonomicheskii universitet. Pp. 37-42. (In Russ.).
18. Sovremennyy slovar kitayskogo yazyka: Posvyashchennyy 120-letiyu sozdaniya Kommercheskoy pressy. Pekin: Kommercheskaya pressa, 2017. (现代汉语词典: 商务印书馆创立 120 周年纪念版 / 中国社会科学院语言研究所词典编辑室. 7 版. 北京: 商务印书馆, 2017.). (In Chin.).
19. Tang Jingan. (2016). Raspredelenie passivnykh konstruktsiy s pokazatelem i passivnykh konstruktsiy bez pokazatelya v kitayskom yazyke [J] [Distribution of passive constructions with exponent and passive constructions without exponent in Chinese [J]]. In *Nauchnyy zhurnal «Yunmyen»*. Vol. 37 (No 6). Pp. 110-114. (汤敬安.汉语无标记被动句与有标记被动句的认知辨析[J].云梦学刊, 2016, 37 (06). 第 110-114 页.). (In Chin.).
20. Tikhonov, A. N. (2014). *Novyy slovoobrazovatelnyy slovar russkogo yazyka dlya vseh, kto khotet byt gramotnym* [A new word-formation dictionary of the Russian language for everyone who wants to be literate]. Moskva: AST. (In Russ.).
21. Feng Ping. (1982). Diskussiya o razlichii mezhdru perekhodnymi i neperekhodnymi glagolami v sovremennom kitayskom yazyke [A discussion on the difference between transitive and intransitive verbs in modern Chinese]. In *Zhurnal Yanbyanskogo universiteta (izdanie sotsialnykh nauk)*. No 1. Pp. 94-96. (冯凭.试论现代汉语及物动词与不及物动词的区分 //延边大学学报(社会科学版), 1982 (01). 第 94-96 页.). (In Chin.).
22. Hong Li. (2017). Kratkiy obzor o zakonomernosti pokazatelya «被» v passivnykh konstruktsiyakh [J] [A brief overview of the regularity of the indicator «被» in passive constructions [J]]. In *Sovremennaya filologiya (Seriya Lingvisticheskikh issledovaniy)*. No 7. Pp. 64-67. (洪力.浅析被动句中«被»的隐现规律[J].现代语文(语言研究版), 2017, (07). 第 64-67 页.). (In Chin.).
23. Zhao Huanggai. (2017). Obshchiy obzor ob issledovaniyakh nadpassivnykh konstruktsiy bez pokazatelya v kitayskom yazyke [J] [A general overview of research on passive constructions without an exponent in Chinese [J]]. In *Sovremennaya filologiya (Seriya Lingvisticheskikh issledovaniy)*. No 3. Pp. 21-23. (赵焕改.汉语无标记被动句相关研究综述[J].现代语文(语言研究版), 2017, (03). 第 21-23 页.). (In Chin.).
24. Chi Tainin. (1986). O prirode i prinadlezhnosti «kauzativnosti» i drugikh svyazannykh s ney voprosakh [On the nature and affiliation of «causativity» and other related issues].

In Zhurnal Huchzhouskogo pedagogicheskogo universiteta (izdanie po sotsialnym naukam). No 2 (22). Pp. 79-81. (池太宁. 论“使动”的性质与归属等问题 // 湖州师专学报 (社会科学版). 1986 年第 2 期, 总第 22 期. 第 79-81 页.). (In Chin.).

25. Shustova, S. V. (2011). *Potentsial kauzativnykh glagolov v dinamiko-funktsionalnom aspekte* [The potential of causative verbs in the dynamic and functional aspect]. Avtoreferat dis. ... doktora filologicheskikh nauk: 10.02.19. Perm. gos. un-t. Perm. (In Russ.).

26. Shustova, S. V. (2013). Prototipicheskie smyslovye konstanty kauzativnoy situatsii [Prototypical semantic constants of a causative situation]. In *Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatel'naya mysl*. No 6. Pp. 207-210. (In Russ.).

27. Babby, L. H. (1993). Hybrid causative constructions: beneficial causative and adversity passive. In *STUDIES IN LANGUAGE COMPANION SERIES (SLCS)*. Vol. 23. Causatives and transitivity. Pp. 343-367.

28. Bilandžija, S. A. (2018). A contribution to the semantic subclassification of causative constructions in contemporary Norwegian: effective causation. In *Scandinavian philology*. № 2. Pp. 308-322.

29. Dixon, R. M. W. (2000). A typology of causatives: form, syntax and meaning. In *Changing valency: case studies in transitivity*. Melbourne: Cambridge University Press. Pp. 30-84.

30. Kulikov, L. I. (2001). Causatives. In *Language Typology and Language Universals*. Berlin & New York: de Gruyter. Vol. 2. Pp. 886-898.

31. Nichols, J. (1993). Transitive and causative in the Slavic lexicon: Evidence from Russian. In *Causatives and Transitivity*. Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. Vol. 23. Studies in Language Companion Series. Pp. 69-86.

Чжан Мо – аспирант кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации (e-mail: chzhan.mo1@dvfu.ru), Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Дальневосточный федеральный университет» 690922, Приморский край, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10

Zhang Mo – Postgraduate Student of Linguistics and Intercultural Communication Department (e-mail: chzhan.mo1@dvfu.ru), Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Far Eastern Federal University» 10, Ayax village, Russian Island, Vladivostok, Primorsky Krai, 690922

Поступила в редакцию 28 октября 2024 г.

**ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ,
НАПРАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИЮ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA»**

1. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ СТАТЕЙ

1.1. В журнале публикуются научные статьи по сравнительно-историческому, типологическому и сопоставительному языкознанию, германским, романским языкам и переводоведению.

1.2. Журнал печатает только оригинальные, ранее не опубликованные научные работы.

1.3. Языки издания – русский, английский, немецкий, французский, испанский. В предложенной к публикации научной статье автор должен обосновать актуальность темы, четко сформулировать цель и задачи исследования, привести научную аргументацию, обобщения и выводы, которые представляют интерес своей научной новизной, теоретической и практической значимостью. В статье должен быть представлен обзор новейшей научной литературы по рассматриваемой проблеме.

1.4. Рукописи, которые подготовлены без учета требований к их оформлению (см. ниже), не принимаются.

2. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

2.1. Рукописи следует оформлять в формате .doc или .docx.

2.2. Рекомендуемый объем представляемой к публикации статьи – 15000-25000 знаков с пробелами (8–12 страниц).

2.3. Параметры страницы: 210 x 297 мм (формат А4), ориентация книжная. Поля страницы: левое – 30 мм, верхнее – 20 мм, правое – 15 мм, нижнее – 25 мм. Шрифт обычный, Times New Roman. Размер шрифта: 12 пунктов в основном тексте, 10 пунктов в сносках. Междустрочный интервал: полуторный в основном тексте, в сносках – одинарный. Отступ абзаца составляет 10 мм. Следует четко дифференцировать тире (–) и дефис (-).

2.4. Текст рукописи следует подавать в виде единого файла.

3. СТРУКТУРА И ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ (см. пример ниже)

3.1. В левом верхнем углу печатают УДК нежирным прямым шрифтом (размер 12).

3.2. Инициалы и фамилия автора (авторов) печатают перед названием статьи жирным прямым шрифтом (размер 12).

3.3. Название статьи печатают прописными буквами, без абзаца, жирным прямым шрифтом (размер 14), межстрочный интервал одинарный, без автоматической расстановки переносов.

3.4. После названия статьи печатают аннотации (объем до 50 слов) и ключевые слова (не более 10 ключевых слов) на двух языках – русском и английском. Размер шрифта: 12 пунктов, курсив, через 1 интервал.

3.5. Текст статьи.

3.6. Список литературы (размер 12, через 1 интервал) (см. ниже пункт 6).

3.7. References (список литературы) (размер 12, через 1 интервал) (см. ниже пункт 7).

3.8. Сведения об авторе (размер 11, курсив, через 1 интервал).

Пример:

УДК

© 2016 Ш. Р. Басыров

**ФУТБОЛЬНАЯ РАЗГОВОРНАЯ ЛЕКСИКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛОВ
НЕМЕЦКОГО РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА)**

Статья посвящена изучению футбольной терминологии в современном немецком языке. Устанавливаются способы образования глаголов, выявляются словообразовательные средства, участвующие в их образовании, их активность, а также описывается семантика глагольных лексем в немецком разговорном языке. ...

Ключевые слова: разговорная лексика, способ образования, дериват, семантическая группа, семантика, субъект, коннотация, образность, метафоризация.

© 2016 Sh. R. Basyrov

**COLLOQUIAL FOOTBALL LEXIS
(BASED ON VERBS OF SPOKEN GERMAN)**

The paper deals with football terminology in the contemporary German language. The paper studies the structure and semantics of verbs in football lexis, reveals the ways of their formation, presents the semantic classification of these lexemes and describes their productivity.

...

Key words:

Текст статьи

.....

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1.
2.
3.

REFERENCES

1.
2.
3.

Басыров Шамиль Рафаилович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии (e-mail: schamraf@rambler.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Basyrov Shamil R. – Doctor of Philology, Professor of Germanic Philology Department (e-mail: schamraf@rambler.ru), Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

4. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ

4.1. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. должны быть обязательно пронумерованы, иметь источники и помещаться в печатном поле страницы (размер шрифта 12 пунктов, межстрочный интервал одинарный).

4.2. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. в тексте помещают после абзаца, в котором на них ссылаются, или на следующей странице после ссылки.

Пример:

Таблица 1. *Количественная характеристика лексико-семантических групп оценочных абстрактных существительных в английском языке*

Лексико-семантическая группа	Количество единиц	Процентное соотношение	Пример
1. Состояние	355	44	<i>absence</i> ‘отсутствие’ – <i>the state of being away</i> ‘состояние нахождения не здесь’ <i>acrimony</i> ‘язвительность’ – <i>angry and bitter feelings or words</i> ‘злые и горькие чувства или слова’
2. Действие	123	15,2	<i>death</i> ‘смерть’ – <i>an act of dying or being killed</i> ‘акт смерти или убийства’ <i>destruction</i> ‘разрушение’ – <i>the action of destroying sth or of being destroyed</i> ‘действие уничтожения чего-либо или быть уничтоженным’

4.2. Примеры в текстах статей печатают курсивом (без выделения жирным), их перевод – в т. н. марровских кавычках: *coeur* ‘сердце’, *âme* ‘душа’.

4.3. В связи со сложностью издания графических материалов редакционная коллегия оставляет за собой право изъять их из текста.

5. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ВНУРИТЕКСТОВЫХ ССЫЛОК И ПОДСТРОЧНЫХ СНОСОК

5.1. При оформлении внутритекстовых ссылок в квадратных скобках указывается фамилия автора/авторов (если ссылка идет на сборник статей, то указывается его полное название), год издания и, после двоеточия, номера страниц, если необходимо.

Пример:

«Чем популярнее вид спорта, тем ближе его лексика к общезыковой (*Allgemeinsprache*), а между лексикой какого-либо спорта и общезыковой происходит оживленный взаимообмен (*regulärer Austausch*)» [Vollmert-Spiesk, 1996: 2].

6. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ

6.1. Список нумеруют и группируют по алфавиту, в начале книги на кириллице, потом – на иностранных языках.

6.2. В список литературы включают только научные статьи, монографии и книги (не менее 12 наименований, из них половина – источники последних лет. Наличие иностранных источников обязательно).

6.3. Правила оформления ссылок на источники в списке литературы:

Тип библиографической ссылки	Пример оформления библиографической ссылки
<i>Монография, книга, раздел монографии</i>	Басыров Ш. Р. Словообразование глаголов с рефлексивным комплексом в типологическом освещении. Донецк: Ноулидж, 2014. 562 с. Kaliuščenko V. D. Typologie denominaler Verben. Tübingen: Niemeyer, 2000. 253 S. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419). Nedjalkov V. P. (ed.), Geniušienė E. Š., Guentchéva Z. Reciprocal Constructions // Typological Studies in Language. Vol. 71. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. Vol. 1-5. 2216 p. Бессонова О. Л. Процедуры анализа концептов при проведении сравнительно-типологических исследований // Лингвоконцептология: перспективные направления / под ред. А. Э. Левицкого, С. И. Потапенко. Луганск: Изд-во ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», 2013. С. 87-117.
<i>Отдельный том многотомного издания</i>	Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Русский язык, 2002. Т. 1. 622 с. Величковский Б. М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. М.: Смысл: Издат. центр «Академия», 2006. Т. 2. 432 с.
<i>Статья из сборника</i>	Кремзикова С. Е. Коммуникативные ситуации в старофранцузском дискурсе // Древняя и Новая Романия. Лингвистическое наследие Ш. Балли в XXI веке: сб. науч. ст. / под ред. М. А. Марусенко. СПб., 2010. С. 40-46. Пименова Н. Б. К истории и типологии грамматикализации германского артикля: прагматические модели употребления протоартикля в готском языке // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований. СПб.: Наука, 2014. Т. X. Ч. 1. С. 403-428. Iagupova L. Idiomatisierte Präfixsubstantive mit <i>ge-</i> im Mittelhochdeutschen // Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang, 2013. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).
<i>Журнальная статья</i>	Ленец А. В., Алексеев А. В. История исследования лексических сокращений в германских языках // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н. А. Добролюбова. Нижний Новгород. 2014. № 28. С. 11-22. Петренко А. Д. Социофонетические аспекты языковой вариативности // Известия Южного федерального университета. 2014. № 4. С. 150-161. Atkinson D. Alignment and interaction in a sociocognitive approach in second language acquisition // The Modern Language Journal. 2007. Vol. 91. Pp. 169-188.
<i>Интернет-ресурсы</i>	Молчанова Г. Г. Коммуникативно-функциональная теория перевода как вид вариативной интерпретации действительности // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 9-21. Доступ: http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/. (дата обращения: 22.02.2014). Canagarajah A. S. Multilingual Communication and Language Acquisition: New Research Directions // The Reading Matrix. January 2011. Vol. 11. N 1. 15 p. Available at: ww.readingmatrix.com/.../january_2011/canagarajah_wurr.pdf. (accessed: 26.02.2014).
<i>Материал на CD или DVD</i>	Henry O. Cabbages and Kings // English and American Literature / CD-ROM. P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin, 2003. P. 75.

7. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РАЗДЕЛА REFERENCES

7.1. Внутренняя структура списка публикаций полностью идентична списку литературы на русском, сначала издания на кириллице, потом – на иностранных языках.

7.2. За основу оформления ссылок взят стандарт Harvard (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>).

7.3. Правила оформления ссылок на источники в References (для автоматической транслитерации рекомендуется пользоваться сайтом <http://translit.net>, стандарт BSI; настройка стандарта осуществляется в центральном меню, раздел «Варианты...»). Фамилии и имена иностранных авторов и русскоязычных авторов, печатавшихся в зарубежных изданиях, подавать в оригинальном написании (например: Гринберг Дж. – Greenberg J., Чейф У. – Chafe W.).

Тип библиографической ссылки	Пример оформления библиографической ссылки
Монография, книга, раздел монографии	Basyrov, Sh. R. (2014). <i>Slovoobrazovanie glagolov s reflektivnym kompleksom v tipologicheskom osveshchenii</i> [Formation of verbs with a reflective complex in typological view]. Donetsk: Noulidzh. (In Russ.). Kaliušchenko, V. D. (2000). <i>Typologie denominaler Verben</i>. Tübingen: Niemeyer. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419). Nedjalkov, V. P. (ed.), Geniušienė, E. Š., and Guentchéva, Z. (2007). Reciprocal Constructions. In M. Noonan (ed.) <i>Typological Studies in Language</i>. Vol. 71. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. Vol. 1-5. Bessonova, O. L. (2013). Protsedury analiza kotseptov pri provedenii sravnitel'no-tipologicheskikh issledovaniy [Conceptual analysis procedures in comparative and typological studies]. In A. E. Levitsky, S. I. Potapenko (eds.) <i>Lingvokontseptologiya: perspektivnye napravleniya</i>. Lugansk: Izd-vo GU «LNU imeni Tarasa Shevchenko». Pp. 87-117. (In Russ.).
Отдельный том многотомного издания	Chernykh, P. Ja. (2002). <i>Istoriko-etimologicheskii slovar sovremennogo russkogo yazyka</i> [Historical Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Moskva: Russkiy yazyk. Vol. 1. (In Russ.). Velichkovskiy, B. M. (2006). <i>Kognitivnaya nauka: Osnovy psihologii poznaniya</i> [Cognitive Science: Basics of psychology of cognition]. Moskva: Smysl: Izdatelskiy centr Akademiya. Vol. 2. (In Russ.).
Статья из сборника	Kremzikova, S. E. (2010). Kommunikativnye situatsii v starofrantsuzskom diskurse [Communicative situations in old French discourse]. In M. A. Marusenko (ed.) <i>Drevnyaya i Novaya Romaniya. Lingvisticheskoe nasledie Sh. Balli v XXI veke: sb. nauchn. st.</i> Sankt-Peterburg. Pp. 40-46. (In Russ.). Pimenova, N. B. (2014). K istorii i tipologii grammatikalizatsii germanskogo artiklya: pragmaticheskie modeli upotrebleniya protoartiklya v gotskom yazke [Towards the history and typology of the article grammaticalization in Old Germanic languages: pragmatic models of the use of proto-articles in the Gothic language]. In N. N. Kazanskiy (ed.) <i>ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy</i>. St. Peterburg: Nauka. Vol. X. P. 1. Pp. 403-428. (In Russ.). Iagupova, L. (2013). Idiomatisierte Präfixsubstantive mit ge- im Mittelhochdeutschen // <i>Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik</i>. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).
Журнальная статья	Lenets, A. V., Alekseev, A. V. (2014). Istoriya issledovaniya leksicheskikh sokrashcheniy v germanskikh yazykakh [History of the lexical abbreviations research in the Germanic languages]. In <i>Vestnik Nizhegorodskogo</i>

	<i>gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta imeni N. A. Dobrolyubova</i>. No 28. Pp. 11-22. (In Russ.). Petrenko, A. D. (2014). Sotsiofoneticheskie aspekty yazykovoy variativnosti [Socio-phonetic aspects of language variation]. In N. V. Izotova (ed.) <i>Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta</i>. No 4. Pp. 150-161. (In Russ.). Atkinson, D. (2007). Alignment and interaction in a sociocognitive approach in second language acquisition. In H. Byrnes (ed.) <i>The Modern Language Journal</i>. Vol. 91. Pp. 169-188.
<i>Интернет-ресурсы</i>	Molchanova, G. G. (2015). Kommunikativno-funktsionalnaya teoriya perevoda kak vid variativnoy interpretatsii deistvitelnosti [Communicative functional theory of translation as a form of interpretation of reality]. In <i>Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya</i>. No 3. Pp. 9-21. Available at: http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik. (accessed: 22.02.2014). (In Russ.). Canagarajah, A. S. (2011). Multilingual Communication and Language Acquisition: New Research Directions. In <i>The Reading Matrix</i>. January 2011. Vol. 11. No 1. 15 p. Available at: www.readingmatrix.com/.../january_2011/canagarajah_wurr.pdf. (accessed: 26.02.2014).
<i>Материал на CD или DVD</i>	Henry, O. (2003) Cabbages and Kings. In <i>English and American Literature / CD-ROM</i>. P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin. P. 75.

8. СОПРОВОДИТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ

Для публикации статьи в научном журнале «STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA» автору необходимо предоставить следующую информацию (e-mail: zhurnal.sgrc@donnu.ru):

1. Статью (в электронном виде – название файла латинскими буквами фамилия автора, напр.: ivanov_statya.doc или ivanov_statya.docx).
2. Анкету (в электронном виде – название файла латинскими буквами фамилия автора, напр.: ivanov_anketa.doc или ivanov_anketa.docx).

АНКЕТА

	На русском языке	На английском языке
Фамилия, имя, отчество (полностью)		
Ученая степень, учёное звание (если имеются)		
Почетные звания (если имеются)		
Должность и структурное подразделение (полное название должности и структурного подразделения организации в именительном падеже)		
Организация, где работает или учится автор (полное название в именительном падеже, почтовый индекс, адрес – с официального сайта)		
	На русском языке	
Номера контактных телефонов автора и адрес электронной почты (личные или служебные)		
Специальность, которой соответствует содержание статьи и тема диссертации (для соискателей, аспирантов и докторантов)		

3. Отзыв научного руководителя для авторов без учёной степени (отзыв заверяется кадровой службой или ученым секретарем по основному месту работы и основной печатью организации).

9. О РЕЦЕНЗИРОВАНИИ

Все научные статьи подлежат обязательному независимому (внутреннему) рецензированию и научному редактированию. Организует независимое (внутреннее) рецензирование главный редактор, привлекая специалиста (доктора или кандидата наук), имеющего наиболее близкую к теме научную специализацию. Рецензент одновременно является научным редактором статьи.

Рецензии заверяются в порядке, установленном в учреждении, где работает рецензент. Рецензирование проводится конфиденциально.

Представленные статьи проходят **проверку в программе «Антиплагиат»**. Уникальность статьи не должна быть ниже 85%. В случае выявления в тексте плагиата статья отклоняется без права ее дальнейшей переработки или доработки.

Рецензент несет ответственность за содержание и качество рецензии. Рецензент может дать одну из трех итоговых рекомендаций:

1) **статья может быть рекомендована к печати** без исправлений или с незначительными исправлениями;

2) **статья требует повторного рецензирования**, поскольку содержит существенные недочеты, которые должны быть устранены автором;

3) **статья не рекомендуется к публикации**, поскольку не отвечает критериям, предъявляемым к научным статьям.

Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации и отклоненная редколлегией, к повторному рассмотрению в прежнем виде не принимается. Она может быть вновь рассмотрена лишь в случае ее существенной переработки автором.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA

Том 20 Выпуск 3 (65) 2024

Язык издания: русский, английский, немецкий и др.

Компьютерная верстка: Е. Н. Савро.

С электронным вариантом научного журнала можно ознакомиться на сайте
ФГБОУ ВО «ДонГУ» (<http://donnu.ru/sgrc>).

Подписано в печать 22.11.2024 г.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 15,34.
Тираж 100 экз. Заказ № 24нояб127.

Донецкий государственный университет
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Свидетельство о внесении субъекта
издательской деятельности в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.